

АНТОНИНА МАРТЫНЕНКО

Традиции и инновации в русской
поэзии второй половины 1830-х гг.:
количественное исследование



АНТОНИНА МАРТЫНЕНКО

Традиции и инновации в русской поэзии
второй половины 1830-х гг.:
количественное исследование



Отделение славистики института иностранных языков и культур
Тартуского университета

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора философии по русской литературе 11 ноября 2024 г. решением совета института иностранных языков и культур Тартуского университета.

Научный руководитель: Роман Лейбов, PhD, ассоциированный профессор
Тартуского университета

Оппоненты: Дэвид Дж. Бирнбаум, PhD, профессор-эмерит
Питтсбургского университета

Игорь Пильщиков, PhD, профессор и заведующий
кафедры славянских, восточноевропейских и
евразийских языков и культур Калифорнийского
университета в Лос-Анджелесе; профессор-
исследователь семиотики культуры и русской
литературы Таллиннского университета

Защита состоится 13 января 2025 г. в 16.00 в главном здании Тартуского
университета в зале Сената (Ülikooli 18–204).

ISSN 1406-0809 (print)
ISBN 978-9916-27-761-4 (print)
ISSN 2806-2493 (pdf)
ISBN 978-9916-27-762-1 (pdf)

Copyright: Antonina Martynenko, 2024

University of Tartu Press
www.tyk.ee

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
1. Поэзия 1830-х гг. в истории литературы.....	7
2. Методология и структура работы.....	15
3. Корпус поэзии 1835–1840 гг.: объем и разметка.....	18
ГЛАВА 1. Поэтические книги.....	24
1.1. История библиотеки Смирдина: что книжные реестры XIX в. сообщают об «архиве» и его сохранности.....	26
1.2. Как сохранились поэтические книги 1830–1850-х гг. в современных коллекциях.....	29
1.3. Сколько поэтических книг 1830–1840-х гг. навсегда утеряно? Эксперимент с использованием модели невидимых видов.....	34
1.4. Что известно о поэтических книгах второй половины 1830-х гг.	44
1.4.1. Хранение vs оцифровка.....	44
1.4.2. Статус поэтических сборников, их особенности и авторы	46
1.4.3. Города и типографии.....	50
1.4.4. Рецензии на сборники в критике 1830-х гг.....	53
ГЛАВА 2. Журнальная поэзия.....	60
2.1. Поэтический подкорпус НКРЯ как «каноническая» выборка.....	61
2.2. Корпус поэзии из периодики — источник новых данных для истории литературы.....	66
2.2.1. Были ли журналы рупорами поэтических направлений?...	67
2.2.2. (Не)известные женские публикации в периодике 1830-х гг.....	77
ГЛАВА 3. Лексика.....	80
3.1. Устойчивость жанровых традиций в противостоянии с «распадом» жанров.....	81
3.1.1. Ассоциации между жанрами и метрами.....	81
3.1.2. Лексические особенности жанров: жанровые кластеры и классификация.....	85
3.2. Можно ли составить словарь «бенедиктовщины»?.....	91
3.3. Анна Смирнова: поэтесса 1830-х гг., которой не было.....	97
3.3.1. Детские и женские стихотворения в печати в первой трети XIX в.	100
3.3.2. Источники пародийного стиля Смирновой.....	107
ГЛАВА 4. Метрика.....	113
4.1. «Эпигоны» или «экспериментаторы»? Какие тенденции отражает метрический репертуар неканонического корпуса.....	114

4.2. Как повлияла «универсализация» четырехстопного ямба на жанровую систему первой трети XIX в.....	120
4.2.1. Формализация семантического ореола с помощью тематического моделирования и сетевых визуализаций....	122
4.2.2. Диахронический анализ: «экспансия» четырехстопного ямба	125
4.2.3. Структура семантики размеров в «каноне» и «архиве»	128
ГЛАВА 5. Рифма	138
5.1. Кровь, любовь и закон Ципфа	140
5.2. Как грамматические и лексические ограничения порождают «банальные» рифмы	146
5.2.1. Отдельные части речи в рифме.....	147
5.2.2. Грамматическая контрастность и вариативность форм	152
5.2.3. Вариативность рифменных окончаний.....	156
5.3. Соотношение индивидуальных рифменных стилей: многомерный анализ	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	175
КОKKYVÕTE.....	188
SUMMARY	193
CURRICULUM VITAE	198
ELULOOKIRJELDUS.....	199

ВВЕДЕНИЕ

Как закончился «золотой век» русской поэзии? В истории литературы XIX в. «закат» поэзии и приход ей на смену прозы как правило связывается с концом 1830-х гг., символически подчеркнутым смертью Пушкина в 1837 г. и Лермонтова в 1841 г. Большинство исследователей сходятся во мнении, что если первая треть XIX в. была периодом разработки и стабилизации среднего штиля в поэзии [Виноградов 1935], установления в нем поэтики «гармонической точности» [Гинзбург 2007: 115, 422–423; Гинзбург 1964/1997: 21–49; Семенко 1970; Вацуро 1981], то уже в 1830-х гг. видимая легкость воспроизведения «гладкого» стиля требовала поисков нового языка и содержания. Вторая половина 1830-х гг. — переходный период в истории русской поэзии.

Контраст с эпохой «золотого века» зачастую подводил к интерпретации периода 1830-х гг. в негативном ключе: и с точки зрения эстетического уровня, и в плане социального и политического направления большинства текстов, поэзия конца 1830-х гг. не просто завершает определенный этап развития [Иезуитова 1969; Гинзбург 1972], но и историю «классической» поэзии XIX в. вообще [Бухштаб 1972: 5–8; Вацуро 1981: 364]. Принято считать, что интерес к стихам ослабел к середине 1830-х гг. как со стороны читателей, так и стороны самих авторов: поэзия постепенно потеряла свой престиж и status quo, а ее позиции в литературном поле начала занимать проза. Представить столь быструю перемену — произошедшую менее, чем за десятилетие — в авторских взглядах и читательских вкусах было бы довольно сложно, однако именно этот историко-литературный нарратив сложился вокруг одного специфического периода — между 1835 и 1840 гг. В основе нашей работы лежит вопрос об особенностях языка поэзии этого шестилетия, имеющего сложную репутацию в истории русской литературы. Для решения этого вопроса мы обратимся к формальным уровням поэтических текстов второй половины 1830-х гг. с помощью количественных методов и попробуем показать, как характеристики изданий и текстов этого времени соотносятся со сложившимся историко-литературным взглядом на «конец золотого века».

1. Поэзия 1830-х гг. в истории литературы

Идея конца «пушкинского века поэзии» была сформулирована еще Белинским в «Литературных мечтаниях» (1834). Поставив точку в истории развития «пушкинского» стиля, Белинский в целом указывал на конец прежнего, сфокусированного вокруг поэзии периода в истории русской литературы [Гинзбург 1927/2007: 105–125; Вдовин 2011: 34–76]. Взгляд Белинского на историко-литературную периодизацию закрепился в последующей критической и затем исследовательской традиции, а вместе с ним была зафиксирована и временная граница — 1830-е гг. как завершение

«пушкинского» этапа в истории поэзии. Это связано с тем, что история литературы, для первой трети XIX в. долгое время остававшаяся историей «литературных генералов», не может не видеть отступления от поэтического поприща наиболее каноничных авторов именно в 1830-е гг.

В первую очередь это касается самого Пушкина, позднее творчество и рецепция которого представляют отдельные исследовательские проблемы. Подробное обращение ко всем работам, посвященным этим темам, невозможно в рамках настоящего обзора, однако изменения в поэтическом языке Пушкина во второй половине 1820-х и 1830-х гг. можно бегло обобщить как выход за пределы поэтики «гармонической точности»: сочетание в стихе слов и метрических особенностей, выходящих за «средние» жанры и регистры. В советском литературоведении эти тенденции могли объединяться под понятием «реализма» в поэзии Пушкина, однако более продуктивным кажется описание стиля поэта вне этого понятия [см.: Гинзбург 1936–1937/2007: 272–291, 311–315; Проскурин 1999: 238–298]. На тематическом уровне изменения в пушкинских лирических стихотворениях связаны с глубинным обращением к общеевропейским топосам, библейским и антологическим мотивам [Мазур 2005; Мазур 2006], а также к сюжетам из мировой истории и иноязычных литератур [Кибальник 1998; Лотман 2003; Долинин 2007]. Перелом в поэтике и стилистике у Пушкина при этом проявляется не столько в обращении к этим темам, сколько в отходе от предзаданных жанровых и стилистических установок: он заключался в свободном использовании элементов стиля в разных контекстах и в зависимости от темы [Пильщиков, Шапир 2006]. Существенно и то, что пушкинские находки были не вполне восприняты современниками, а поэты 1830-х гг. как правило отталкивались от пушкинского поэтического стиля 1820-х гг. [ППК 2008]. Хотя посмертные публикации поэта несомненно имели значение для читателей 1830-х гг. и не могли не повлиять на течение литературного процесса [Богаевская 1938: 11–25; Иезуитова 1969], современники не видели намеченных в стихотворениях Пушкина 1830-х гг. перспектив для преодоления «гладкого стиля» [Тынянов 1929; Гинзбург 2007: 263–269; Вацуро 1981].

Не были поняты искания в области поэтического языка и другого крупного поэта 1820-х гг. — Е. А. Баратынского. Сложившаяся в первой половине 1820-х гг. репутация Баратынского как поэта-элегика привела к искаженной рецепции его позднейших текстов, в которых поэт также пытался отойти от поэтического языка 1820-х гг. и жанровой системы как таковой [Хетсо 1973а: 431–496]. Задержавшийся в начале 1830-х гг. выход второго собрания стихотворений лишь усугубил оценки поэзии Баратынского как несвоевременной [Бодрова 2018b]. Новаторские стихотворения Баратынского, печатавшиеся во второй половине 1830-х — начале 1840-х гг. и позднее вошедшие в сборник «Сумерки», остались практически незамеченными [Бодрова 2010].

Хотя в изданиях 1830-х гг. также появлялись и стихотворения признанных поэтов 1810-х гг. — Жуковского и Вяземского, — исследователи их

творчества указывают на весьма умеренное присутствие поэтов в печатной литературе 1830-х гг. и, как следствие, не вполне оформленное влияние на нее [Гинзбург 1929/2007: 160–189; Немзер 1987; Гиллельсон 1969: 259–292; Семенко 1970: 121–152]. Наконец, отдельный пример «невосприятости» представляет появление в 1836–1837 гг. крупных подборок Тютчева, вписанного в историю поэзии 1830-х гг. лишь постфактум [Тынянов 1968: 161–191; Тынянов 1977: 29–51; Осповат 1980].

Согласно сложившемуся историко-литературному нарративу, после Пушкина «вершинные» достижения романтической поэзии 1830-х гг. представлены в творчестве Лермонтова [Эйхенбаум 1924; Гинзбург 2007; Вацуро 1981; Розанов 1990: 111–280 Вацуро 2008], выступившего с большими подборками лирических текстов в печати исключительно поздно (1838¹) и как бы знаменовавшего своей смертью в 1841 г. окончательное завершение «золотого века» поэзии. В конце 1830-х — 1840-е гг. лишь намечается появление поэтов следующего поколения — прежде всего Некрасова и Фета — однако их ранние стихотворения однозначно признаются ученическими и не претендующими на символическую преемственность по отношению к «пушкинской» или «лермонтовской» традициям [Шимкевич 1927; Бухштаб 1956; Гиппиус 1966; Бухштаб 1972; Макеев 2008: 12–31²]. Таким образом, сконцентрированная на наиболее значительных поэтах своего времени, история литературы первой половины XIX в. видит в 1830-х гг. время упадка и невнимания публики к последним достижениям канонических поэтов 1810–1820-х гг. в развитии поэтического языка.

Иерархическое устройство литературного и исследовательского канона задавало вполне ясный вектор для исследования «второстепенных» поэтов, в ряде случаев называемых исключительно подражателями или эпигонами [Гинзбург 2007: 253; Орлов 1953; Иезуитова 1969]. Так, творчество многих поэтов — к примеру, В. Г. Теплякова, Э. И. Губера, П. П. Ершова, Л. А. Якубовича — рассматривалось не самостоятельно, а в контексте поэзии Пушкина и его «борьбы с эпигонством» в конце 1820-х — 1830-х гг. [Иезуитова 1969]. Тексты других поэтов этого периода, которых можно было бы назвать «романтиками» — А. И. Подолинского, А. И. Полежаева, И. И. Козлова, — изучаются в рамках «литературной школы» или как фон для поэзии Лермонтова [Вацуро 1981]. Редкими исключениями являются исследования, посвященные не столько отдельным авторам, сколько поэтическим направлениям этого периода: например, вступительные статьи к сборникам серии «Библиотека поэта» «Поэты 1820–1830-х гг.» (М.; Л., 1972,

¹ О первых публикациях Лермонтова в периодике и реакции на них критики, см.: [Мордовченко 1941].

² Примечательно, что в популярной биографии Некрасова [Макеев 2017] исследователь не только более экспрессивно отзываясь о слабых сторонах стихотворений в сборнике «Мечты и звуки», но и, по сути, описывает все поколение поэтов второй половины 1830-х гг. как «эпигонов»; это слово и его производные в небольших главах о конце 1830-х гг. появляются 21 раз [Макеев 2017: 33–91].

под ред. Л. Я. Гинзбург) и «Поэты 1840–1850-х гг.» (М.; Л., 1972, под ред. Б. Я. Бухштаба). Тем не менее, антологии такого типа только в редких случаях были расширены до самостоятельных исследований³. Исключение также представляет традиция изучения поэтов кружка Станкевича, однако здесь в фокусе исследовательского внимания оказывается не столько поэтический язык и стиль, сколько связь текстов с идеями Белинского [ср.: Машинский 1964]. Так, изучение менее известных авторов 1830-х гг. как правило сопряжено с исследованиями о поэтах «первого ряда»⁴, но в гораздо меньшей степени посвящено участию неканонических поэтов в литературном процессе⁵.

Незначительное внимание собственно к печатной поэзии этого времени объясняется ее заведомо низкой репутацией как у современников, так и у исследователей⁶. Л. Я. Гинзбург давала такую характеристику литературному процессу второй половины 1830-х гг.: «<...> читатели стихов не читают; журналы их по возможности не печатают, поэты стихи не пишут или пишут плохие стихи» [Гинзбург 2007: 239]. Под печатными «плохими стихами» имеются в виду в первую очередь тексты наиболее популярных поэтов середины 1830-х гг.: В. Г. Бенедиктова, А. В. Тимофеева, Н. В. Кукольника. Поэты этого круга вначале были разоблачены Белинским, а затем становились объектами порицания со стороны исследователей: нарицательным стало само понятие «бенедиктовщина», а поэтов, связанных с Бенедиктовым могут уничижительно обобщать как «вульгарных романтиков»⁷

³ Ср., по-видимому, незавершенную попытку исследования «дельвиговского кружка» 1830-х гг. [Степина 2015].

⁴ Ср. употребление сочетания «поэты второго / третьего ряда» в [Поэты 1820–1830: I, 4].

⁵ Ср. при этом отрицание пейоративного значения «дилетантства» и «эпигонства», в частности в отношении 1830-х гг., у Тынянова [Тынянов 1929: 32], а также стремление «привлечь второстепенный и массовый материал» поэзии 1820–1830-х гг. в «формалистском» сборнике студентов ГИИИ [Русская поэзия 1929: VI], нашедшее мало сочувствия в дальнейших исследованиях.

⁶ См. также характерный зачин статьи В. Н. Орлова «Другие поэты 1820–1830-х гг.»: «Из числа поэтов-романтиков, писавших в 20-е годы, следует выделить группу поэтов, творчество которых, *не поднимаясь до высокого идейного и художественного уровня* <курсив наш. — А. М.>, в то же время являлось неотъемлемой и органической частью <...> романтизма» [Орлов 1953: 478].

⁷ История термина «вульгарный романтизм», закрепившегося за поэзией 1830-х гг. в духе Бенедиктова, отдельно не изучена, однако это определение может быть примерно датировано серединой 1930-х гг. Так, сочетание «вульгарный романтизм» используется в статье Гинзбург «Поздняя лирика Пушкина» 1936 г., но не встречается в более ранней статье о Бенедиктове («Из литературной истории Бенедиктова», 1927), где, например, идет речь о «“вульгарном” материале» в поэзии [Гинзбург 2007: 115], но не о «вульгарном романтизме» как направлении. Можно осторожно полагать, что это сочетание является параллельным появившемуся в 1930-х гг. «вульгарному социологизму» [Быстров, Камнев 2019], и, косвенно связано с противопоставлением «прогрессивное — реакционное». В этой перспективе история поэзии конца 1830-х гг. изображается как

и представителей «ложно-величавой школы»⁸.

То, как стремительно и прочно сложилась негативная репутация Бенедиктова, было прослежено в ранней работе Гинзбург [Гинзбург 1927/2007: 105–125]: поначалу благожелательные оценки в 1830–1840-х гг. изменились в сторону откровенно негативных, высмеивающих не только поэтический язык, но и личность Бенедиктова [см. также: Розанов 1990: 55–66]. Работы Гинзбург — практически единственный пример последовательных исследований этого периода, предлагающих перейти от пейоративных оценок к собственно изучению поэзии Бенедиктова и последователей «френической школы»⁹ в поэзии 1830-х гг.

В концепции Гинзбург специфический стиль Бенедиктова и поэтов его круга объясняется общей для этого периода попыткой преодоления «гладкого» языка поэзии 1820-х гг. и неосторожным расшатыванием его норм. Гинзбург обнаруживает нарушения «гладкого стиля» у Бенедиктова в первую очередь на лексическом уровне стиха, где в привычные поэтические формулы включались слова чужеродных поэзии стилистических регистров — явление, которое быстро свелось к определению «безвкусицы» [Гинзбург 2007: 110–111, 115]. Вместе с тем, в 1830-е гг., по Гинзбург, происходит разрушение классической жанровой системы, а на первый план вместо жанров выходят поэтические темы [Там же: 151]. В тематическом отношении для представителей «романтиков» свойственны крайняя эмоциональность и экспрессия, а также тяготение к изображению в поэзии «грандиозного»: наиболее важных исторических фигур и событий, доведенных до крайней степени проявлений стихии, их параллелизм с внутренней экзальтацией героев стихотворений [Там же: 256–258]. Предпочтение «грандиозных», серьезных тем явно контрастировало со стилистической неуравновешенностью стихотворений и зачастую плохо

противопоставление «прогрессивного», эстетически высокого романтизма Лермонтова — «вульгарному» в лице Бенедиктова и других популярных поэтов, лишь поверхностно воспринявших идеи европейских романтиков (ср., например, использование «прогрессивный»/«вульгарный» в статьях [Орлов 1953; Иезуитова 1969]); при этом «вульгарное», вероятно, не прямо сводится к «реакционному», а употребление всех трех определений применительно к поэзии XIX в. требует дальнейших разысканий. За ценные комментарии и указание на линию «прогрессивный — <вульгарный> — реакционный» в литературной теории 1930-х гг. благодарю В. Отяковского и И. А. Пильщикова.

⁸ Определение «ложно-величавая школа» закрепилось благодаря И. С. Тургеневу [Белинский 1929: 227; Немзер, Чудаков 1990: 385]. Это определение стало нарицательным и взаимозаменяемо с термином «вульгарный романтизм», ср.: «<...> круг поэтов 1830-х годов с преимущественной, однако, ориентацией на “ложновеличавую школу” (вульгарный романтизм)» [Иезуитова 1969: 77]. Учитывая устойчивую негативную репутацию большинства поэтов этого направления, мы будем обращаться к этому явлению безоценочно как к романтизму середины 1830-х гг.

⁹ О «неистой словесности» и воплощении ее поэтики у Тимофеева, см. [Дроздов 2013: 168–185].

контролируемой техникой стихосложения, что в совокупности могло породить комический эффект.

Среди всех романтических тем в поэзии наиболее важной и частотной является тема поэта, отверженного толпой, метапоэтическая по своей сути и легитимирующая претензию автора на поэзию *per se*. Вопрос о том, могут ли поэты вроде Бенедиктова — петербургского чиновника, а не образованного поэта-аристократа¹⁰ — претендовать на поэтическое слово и признание в 1830-х гг. стоял достаточно остро. Грубо упрощая, если в 1820-х — начале 1830-х гг. только начинался спор между «поэтами-аристократами» и кругом «Московского телеграфа», к середине — концу 1830-х гг. это противостояние существенно усилилось. Историки литературы и журналистики неоднократно обращали внимание на то, что именно в это время происходит профессионализация и демократизация литературы: литературное поле становится более широким и гетерогенным, в него проникают люди из разных социальных кругов [Бухштаб 1972; Вацуро 1981: 364–365; Todd 1997].

Появление профессиональных журналистов и писателей как правило связывается с установлением авторского гонорара: в первую очередь в изданиях Смирдина и, в частности, в журнале «Библиотека для чтения» [Гессен 1930; Гриц и др. 1929/2001]. Большое значение имело и появление коммерчески успешных изданий, как периодических и сериальных, так и отдельных (роман «Иван Выжигин», стихотворения Бенедиктова и т. д.) [Рейтблат 2001: 191–203]. Вместе с тем происходило и техническое развитие книгопечатания: к 1830-м гг. в России появились скоропечатные машины, совершенствовалось технологическое оборудование типографий¹¹ — издание книги постепенно становилось более дешевым и доступным для представителей разных сословий.

Таким образом, к 1830-м гг. литература из области досуга и частной сферы деятельности «для немногих» переходит в ведение более широкого (сословно и идейно) сообщества профессиональных, то есть финансово зависимых от литературной деятельности, авторов, издателей и критиков. Участие последних в «управлении» литературным процессом особенно важно потому, что критика этого времени занимается вопросами построения истории литературы и литературной иерархии [Вдовин 2011]. Так, в первой трети XIX в. ни литераторы-аристократы, ни академические ученые-словесники из неаристократических сословий не являлись организаторами и постоянными коммерческими бенефициарами литературной деятельности. К 1830-м гг. произошел переход литературы из рук условных «аристократов» в сословно более широкий круг профессиональных журналистов и издателей, ориентировавшихся в первую очередь на коммерческий

¹⁰ Важно отметить, что поэты круга Бенедиктова тем не менее пытались перенять салонные практики, характерные для бытования литературы в аристократических слоях, ср.: [Гинзбург 2007: 250–252].

¹¹ См. об этом: [Rose, Eliot 2019: 343; Захаров 1973: 77–79].

успех изданий. Этот переход трактовался современниками, а позднее и исследователями в негативном ключе — как победа «торгового направления» в литературе: большой коммерческий и читательский успех первыми получили не журнальные предприятия с определенной программой и идейной основой («Московский наблюдатель», пушкинский «Современник»), а разнородная «Библиотека для чтения» и, например, прямо официозная «Северная пчела» — издания, находящиеся под руководством одиозных для истории литературы фигур О. И. Сенковского и Ф. В. Булгарина. Репутация журналистов этого времени прямо отразилась и на восприятии печатавшихся в их изданиях поэтов: хотя история «журнальной» поэзии второй половины 1830-х гг. описана мало, она как правило сводится к вопросу об эстетической ценности текстов поэтов, принадлежащих к разным журнальным и литературным кругам.

Под демократизацией литературы как правило понимается вступление в профессиональную деятельность людей из неаристократических сословий [Вацура 1981: 364–365]. Среди поэтов это могли быть не только мелкопоместные дворяне и городские чиновники, но и недворяне — выходцы из мещан, театральной среды, студенты университетов [Рейтблат 2001: 82–97], а также женщины [Савкина 1998; Vowles 2004] и «крестьяне»-самоучки, среди которых наиболее примечательна судьба поэта-прасола А. В. Кольцова [Шеля 2018]. Отдельно подчеркнем, что исследования этих поэтов и их текстов редки и не всегда проводились последовательно: изучение творчества «забытых» авторов 1830-х гг. как правило не выходит за пределы биографических заметок и статей в словаре «Русские писатели» (1989–...).

Можно заключить, что характеристика 1830-х гг. как времени «упадка» в истории поэзии сложилась, во-первых, потому, что к этому времени завершали литературный путь наиболее выдающиеся поэты начала XIX в.; их творчество 1830-х гг. оставалось незамеченным и осмыслялось современниками как пройденный этап. Во-вторых, именно в это время популярность приобрели поэты, для будущей истории литературы не только второстепенные («эпигоны» и «подражатели», дилетанты, самоучки и т. д.), но и в некоторых случаях прямо идеологически неприемлемые (Бенедиктов, Тимофеев, Е. Бернет, Кукольник). Тем не менее выход за рамки основного метода литературоведения — рассмотрения биографии и интерпретации текстов отдельных авторов — позволяет предполагать, что «неканоническая часть» истории поэтического языка этого периода характеризуется двумя любопытными процессами:

- увеличением разнообразия и, как можно полагать, количества печатаемой поэтической продукции;
- дестабилизацией поэтического языка — расшатыванием жанровых и стилистических норм поэзии 1820-х гг.; эти эксперименты зачастую оказывались неудачными, что негативно повлияло на статус поэзии в глазах современников и затем исследователей.

Сходные процессы в поэзии 1830-х гг. нашла дисциплина, зачастую рассматривающая тексты безонослительно авторства — стиховедение. Так, 1830–1840-е гг. по М. Л. Гаспарову стали первым рубежом в истории русского стиха, когда произошло существенное изменение в метрических предпочтениях поэтов: увеличилась доля использования хорей и трехсложных размеров, постепенно выходили из употребления шестистопный и вольный ямб [Гаспаров 1974: 45–69; Гаспаров 2000: 111–213]. Вместе с тем случился первый «кризис» в истории русской рифмы, заключавшийся в дестабилизации точной рифмы и проявившийся, в частности, в повышении доли неточных рифм [Гаспаров 1997]. Примечательно, что в работе 1974 г. о метрике Гаспаров также говорил о разрушении жанровой системы в этот период: если в начале века за жанрами были закреплены определенные метрические вариации, в 1830–1840-е гг. жанровые ассоциации постепенно исчезали, а им на смену пришли связи между метрами и темами¹² — вывод, исключительно близкий к сделанному Гинзбург на основе литературоведческого анализа стихов.

Стиховедческая перспектива показывает, что отход от изучения исключительно канонических авторов может быть продуктивен для этого периода: исследование корпуса в его целостности позволяет выявить тенденции и процессы на более общих, формальных уровнях поэтического языка. Тем не менее исследования Гаспарова были ограничены материалом критических изданий, в результате чего в его анализ вошло относительно небольшое (798) число текстов за десятилетие 1831–1840 гг. Печатные тексты за более короткий период 1835–1840 гг. уже представляют в несколько раз более крупный корпус.

Хотя существует мнение, что тексты, объединенные в корпус без отбора, могут своим разнообразием или монотонностью заглушать «подлинные тенденции» в развитии поэтического языка [Корчагин 2015: 245–246], мы видим ценность в изучении корпуса печатной поэзии без каких-либо ограничений по степени известности автора или по значению текста для последующей традиции. Такие ограничения неизбежно приводят к субъективным оценкам, которые уже заметно повлияли на изложение истории поэзии этого периода. Мы полагаем, что наблюдение за разнородными текстами второй половины 1830-х гг. представляет экспериментальный интерес и позволит яснее увидеть процессы дестабилизации и отбора в ходе разработки поэтического языка. Кроме того, сплошная выборка сделает видимыми и позволит учитывать целые группы поэтов и поэтесс, не вписывающихся в «канон» или в категорию «хороших поэтов»: в первую очередь, мы подразумеваем здесь маргинализированных женщин-поэтесс, поэтов-дилетантов и самоучек.

¹² Ср.: «1830–1870-е годы: поэты <...> разрушают прежние связи между метрами и жанрами, хорей и трехсложники завоевывают жанры и темы, до сих пор для них малодоступные» [Гаспаров 1974: 52–53].

Хронологические рамки этой работы обусловлены известными в истории литературы временными периодами от популярности Бенедиктова и поэтов-романтиков до появления «вершинного» достижения поэзии этого периода — сборника лирических стихотворений Лермонтова (1840). Верхняя граница также обуславливается временем вступления в поэзию нового поколения поэтов круга «Отечественных записок» (с 1839 г.), поэтических дебютов Фета и Некрасова (1840), а также существенным изменением в журнальном бытовании литературы в начале 1840 г., когда появились новые «толстые» журналы, выдвигавшие на первый план прозаические тексты [ср. Вацуро 1981: 362–363].

Мы видим в поэзии 1835–1840 гг. потенциал как в материале для корпусного исследования. Подходя к этому отрезку в истории литературы как к массиву данных, мы, с одной стороны, стремимся заполнить историко-литературные лакуны — уделить больше внимания неизвестным поэтам 1830-х гг. и динамике их публикаций в журналах и отдельных изданиях, а также истории книжного рынка в сегменте поэтической продукции. С другой стороны, взгляд на печатную поэзию как корпус даст нам возможность использовать количественные данные для объективного изучения формальных характеристик стиха этого периода.

2. Методология и структура работы

В основе этой работы лежит представление об истории литературы как истории форм и в меньшей степени как истории творчества отдельных поэтов. В этом мы опираемся прежде всего на ранние работы формалистов, принципиально выделявших поэтический язык как специфическую область борьбы форм и приемов [Тынянов 1924; Эйхенбаум 1969; Тынянов 1977: 227–252]. В то же время, используя точные методы для анализа форм, мы прямо следуем за иной ветвью русского формализма — традицией количественного литературоведения, заложенной в работах Московского лингвистического кружка¹³ и, в частности, Б. И. Ярхо [Ярхо 2006; Акимова, Шапир 2008].

Важным методологическим основанием Ярхо для применения статистических методов к истории литературы является идея о том, что тексты и литература вообще — такие же объекты для применения научного метода, как любые из объектов наук о природе. Это представление во многом созвучно современному направлению культурной эволюции — области, стремящейся изучать закономерности и эволюцию культуры с точки зрения научного метода, как его понимают точные науки [Месуди 2019]. Мы будем обращаться к оптике культурной эволюции в тех случаях, когда материал нашего корпуса будет давать основания для разговора о параллельных

¹³ О представлениях о методах количественного литературоведения у Ярхо, Якобсона и Томашевского см.: [Pilshchikov 2022: 153–164].

эволюционным процессам в культуре, будь то оценка разнообразия видов [Kestemont et al. 2022] или появление инноваций в поэтических формах [Sobchuk 2018: 30–68].

В отношении количественного изучения литературных текстов смежной культурной эволюции дисциплиной является компьютерное литературоведение (computational literary studies)¹⁴, являющееся частью большого движения цифровых гуманитарных наук (digital humanities). В ряде случаев компьютерное литературоведение органично связано и продолжает традиции «точного» литературоведения, методологически основывающегося на статистическом анализе количественных данных [ср. Пильщиков 2018; Pilshchikov 2022]. Специфика количественных исследований как правило ставит перед исследователями задачу собрании большого числа материалов: статистический анализ дает более надежные результаты на основании большого числа наблюдений [ср.: Eder 2015]. В связи с этим большая часть современных исследований в этой области основана, во-первых, на обширных корпусах прозаических текстов [ср.: Michel et al. 2011], а во-вторых, на широких хронологических периодах. К примеру, в работах Стэнфордской литературной лаборатории были исследованы различия между языком канонических и неканонических («архивных») романов на английском языке за двести лет (XIX–XX в.) [Algee-Hewitt et al. 2016], изучены особенности употребления абстрактных и конкретных терминов на материале корпуса XVIII в. [Heuser, Le-Khac 2012; Heuser 2016]. Жанровая классификация и изучение эволюции англоязычного романа XIX–XX в. производились в работах Т. Андервуда [Underwood 2016; Underwood 2017; Underwood 2019] и целого ряда других исследователей¹⁵. Для английского языка достаточно данных для создания больших языковых моделей, которые применяются как для обработки, так и для анализа текстов [Manjavacas, Fonteyn 2022; Zhang et al. 2022]. На неанглоязычном материале количественные исследования исторических текстов связаны с объемами оцифрованных материалов, а потому доступны как правило для крупных культур и языков: приведем в пример анализ жанровых особенностей французской драмы в стихах и в прозе XVII–XVIII в. [Schöch 2017], а также романов на французском [Paige 2021] и испанском языках [Tello 2021; Henny-Krahmer 2023].

Для абсолютного большинства такого рода исследований характерно не только сравнительное изобилие материала, но и применение методов, основанных на анализе лексических частот [Schöch et al. 2023: 25–26]. Хотя подсчет слов или словоформ может казаться сравнительно простым подходом, лексические частоты позволяют увидеть сходства или различия между текстами, сравнимые с теми, которые уже зафиксированы в социальном

¹⁴ О компьютерном литературоведении и «дальнем чтении» (distant reading) в последнее десятилетие см. основательные обзоры: [Primorac et al. 2023; Schöch et al. 2023].

¹⁵ См., например, обзоры в [Tello 2021: 51–62; Henny-Krahmer 2023].

пространстве — к примеру, в библиотечных жанровых классификациях или читательских рецензиях [Underwood, So 2021].

Поэтические корпуса реже используются в компьютерных исследованиях в связи с недостаточным объемом отдельных текстов [Корчагин 2019: 115–116]. Однако сами по себе количественные исследования поэзии имеют гораздо более долгую традицию, чем сегодняшнее компьютерное литературоведение [Пильщиков 2018]. В первую очередь, это стиховедение, оформившееся как отдельная дисциплина в начале XX в. [Гаспаров 1974: 18–38]. В этой работе мы более всего будем опираться на методы, находящиеся на пересечении стиховедения и компьютерного литературоведения. Так, использование формальных особенностей поэтического языка может использоваться как преимущество в компьютерном моделировании поэтических текстов, несмотря на недостаток в количестве слов. В частности, использование данных о формальных уровнях стиха — метре, ритме, рифме и т. д. — в дополнение к лексическим частотам успешно используется в новейших работах по авторской атрибуции поэтических текстов¹⁶ [Plecháč et al. 2018; Шеля и др. 2020; Plecháč 2021; Nagy 2021].

Существенно, что некоторые методы компьютерного анализа более индифферентны к объему корпуса и потому применимы к коротким поэтическим текстам — это, например, метод тематического моделирования (topic modelling), позволяющий исследовать семантику текстов [Navarro-Colorado 2018]. В последних исследованиях по компьютерному стиховедению сформулированы специальные подходы для моделирования поэтических текстов [Plecháč et al. 2022; Konle et al. 2022], благодаря которым данные из поэзии наравне с художественной прозой используются для исследования изменений в литературных стилях: как на материале коротких исторических периодов [Haider 2019; Hernández-Lorenzo 2022; Maróthy et al. 2022; Plecháč, Kolár 2022], так и на уровне больших хронологических срезов и поэтических традиций на разных языках [Plecháč, Haider 2020; Seļa et al. 2022].

Эта работа является попыткой использовать количественный анализ и компьютерное моделирование для решения конкретных историко-литературных проблем, связанных с формальными особенностями поэтического языка второй половины 1830-х гг. Мы исходим из того, что история литературы позволяет обозначить печатную поэзию этого периода как обширный материал для количественного анализа, ранее не вполне введенный в научный оборот и нуждающийся в научном описании.

¹⁶ Очевидно, что внимание к формальным особенностям стиха для решения проблем авторской атрибуции возникло задолго до компьютерной эпохи, когда появилась возможность суммировать эти особенности благодаря, например, многомерному анализу. В этом отношении работы последнего десятилетия продолжают долгую традицию; см., например, использование особенностей стиха для атрибуции текстов Шекспира в исследованиях XIX в. [Grzybek 2014] и XX–XXI вв. [Tarlinskaja 2014].

Основные цели этой работы сосредоточены на проверке историко-литературных гипотез методами количественного анализа. Все эти гипотезы связаны с процессом трансформации поэтического языка в 1830-е гг., поэтому мы подробно обратимся к нескольким формальным уровням поэтического текста:

- лексическому уровню, для проверки гипотез о «расшатывании» поэтического языка на уровне лексики и об отличии поэтического словаря поэтов круга Бенедиктова от последователей «среднего» стиля;
- метрическому репертуару, на базе которого мы проверим, заметно ли расширение круга используемых размеров на уровне всей популяции, а также изучим процесс распада жанров;
- рифме, на изменения грамматических свойств которой мы посмотрим в историческом контексте и попробуем изучить механизмы порождения «очевидных» и «банальных» рифм в XIX в.

Структура этой работы воспроизводит процесс создания и анализа поэтического корпуса. Первые две главы посвящены вопросу об использовании количественных данных для изучения истории литературы. Учитывая разнородность собранных в корпус источников, вначале рассматривается история поэтических книг в широком контексте второй трети XIX в. (*Глава 1*), а затем динамика публикаций лирических стихотворений в периодике второй половины 1830-х гг. (*Глава 2*). *Третья глава* посвящена стилометрическому и лексическому анализу текстов разных жанров и стихотворений поэтов разных направлений; в качестве отдельного примера применения стилометрии к вопросам истории литературы мы обратимся к одной мистификации 1837 г., не поддающейся иным, кроме количественного, методам анализа. *Четвертая глава* рассматривает метрический репертуар поэзии 1835–1840 гг., в частности процесс изменения соотношения тем и размеров в этот период. *Пятая глава* посвящена исследованию рифмы поэтов 1830-х гг. в историческом контексте и разрабатывает вопросы о причинах устойчивости «банальных» рифм. Каждая глава предваряется отдельным вступлением, очерчивающим структуру, гипотезы и основные задачи каждой подглавки, и разные части этой монографии можно прочесть отдельно.

3. Корпус поэзии 1835–1840 гг.: объем и разметка

Для подготовки корпуса были составлены две библиографии:

- библиография поэтических книг 1830–1850 гг. (967 вхождений; см. подробнее в *Главе 1*);
- библиография стихотворений, опубликованных в поэтических книгах и в периодике с 1835 по 1840 гг. (4 797 вхождений).

На основании библиографий мы составили метаданные для корпуса лирических стихотворений, опубликованных с 1835 по 1840 г. Не все из вошедших в библиографию материалов были доступны для оцифровки, однако в итоговую версию корпуса был включен довольно объемный — для поэтического корпуса — материал: 104 поэтические книги и стихотворения из 9 периодических изданий¹⁷, просмотренных *de visu*.

В корпус вносились все лирические стихотворения на русском языке, опубликованные в перечисленных выше изданиях. Переводные тексты и подражания учитывались наряду с оригинальными текстами. Не включались нелирические формы: драматические отрывки и фантазии в стихах, а также поэмы и жанрово примыкающие к ним нарративные тексты (повести в стихах, стихотворные сказки, были, предания и тому подобное); не включались повторно тексты из переизданий одной и той же книги. Критериями исключения в случае нарративных стихотворений служили объем текста (более 100 строк), его строфическая организация (разделение на строфы или части) и наррация (наличие повествования, фабулы и сюжета). Поскольку основная часть диссертации (главы со второй по пятую) посвящена лирической поэзии, термины «лирика» и «поэзия» используются как синонимы. В первой главе диссертации лирическая поэзия обсуждается в контексте с нарративными жанрами и дается обзорное рассмотрение нарративных текстов в стихах, изданных во второй четверти XIX в.

Каждый текст в корпусе сопровождается библиографическими метаданными об источнике, сохраняются заголовок и подзаголовок текста, а также подпись автора. Подписи авторов, криптонимы и псевдонимы в значительной части случаев были расшифрованы и унифицированы. Подборки из нескольких стихотворений, объединенных общим заголовком (например, «Две элегии»), вносились как отдельные стихотворения, при этом общий заголовок сохранялся в метаданных текста. Полиметрические тексты и тексты, разделенные на несколько частей, не разделялись на отдельные фрагменты и сохранялись как единые тексты. Всего в корпус вошло 4797 текстов, более подробно объем корпуса описан в *Таблице 0.1*.

¹⁷ Полностью обработанные периодические издания: «Библиотека для чтения» (далее — *БдЧ*, 1835–1840), «Отечественные записки» (*ОЗ*, 1839–1840), «Современник» (1836–1840), «Сын Отечества» (*СО*, 1835–1840), «Маяк» (1840), «Пантеон русского и всех европейских театров» (*ПРиВЕТ*, 1840), а также газеты «Северная пчела» (*СП*, 1835–1840), «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» (*ЛПРИ*, 1835–1839) и «Литературная газета» (*ЛГ*, 1840). За помощь в оцифровке последних двух изданий приношу огромную благодарность Е. Казаковой.

Таб. 0.1. Объем корпуса поэзии 1835–1840 гг. в сравнении с поэтическим подкорпусом НКРЯ (1831–1840).

	НКРЯ (1831–1840)	Корпус 1835–1840		
		Всего	Периодика 1835–1840	Отдельные издания 1835–1840
Кол-во текстов	2 055	4 797	1 905	2 892
Кол-во строк	105 705	192 109	71 541	120 093
Кол-во слов	495 988	880 922	331 512	549 410
Кол-во лемм	25 114	30 378	18 671	24 782

Корпус печатной поэзии 1835–1840 гг. (далее — Корпус-1835) превышает в своем объеме «каноническую» подборку за десятилетие (1831–1840), представленную в Поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹⁸. Тем не менее хронологические границы периода позволяют видеть в Корпусе-1835 лишь синхронный срез поэзии, нуждающийся в контекстуализации, — на протяжении работы мы будем использовать поэтический подкорпус НКРЯ как необходимый хронологический фон.

Все тексты в Корпусе-1835 сохраняют оригинальную пунктуацию и деление на строфы. Не воспроизводились типографские особенности, такие как отступы для строк разной стопности или разделения строф различными символами, а также выделение отдельных слов курсивом или разрядкой. После оцифровки (OCR) тексты были переведены в современную орфографию с помощью модуля для Python `russpelling`, подготовленного И. Боернером и Д. Бирнбаумом [Boerner, Birnbaum 2016] и вычитаны вручную. Для работы с лексическими частотами использовались тексты, лемматизованные с помощью программы `mystem` [Segalovich 2003] (имплементация `rumystem3`).

Метрическая разметка текстов производилась в несколько этапов с помощью инструмента для разметки ударений в поэтических текстах `ru_accent_poet` [Korotkova 2021]. Вначале устанавливался основной метр текста (только классические пять метров, неклассические размеры и полиметрические тексты отмечались как «другое») с помощью SVM-классификатора, обученного на распределении частот безударных интервалов [Šeĭa, Gronas 2022]. Затем на основании количества слогов определялось число стоп. Для определения текстов с регулярной стопностью мы установили границу в 60% строк, написанных с одинаковым количеством слогов в строке, вольные и разностопные размеры определялись вручную;

¹⁸ В работе мы будем обращаться к разным подборкам из поэтического подкорпуса НКРЯ первой половины XIX в. Это связано как с необходимостью сравнения стихотворений 1830-х гг. с более ранними текстами, так и с тем, что датировки НКРЯ указывают на дату создания текста, а не его публикации, как в Корпусе-1835; подробнее проблема сопоставления двух корпусов обсуждается в *Главе 2*.

основная доля ошибок метрической разметки приходится на хореические и полиметрические тексты.

Для разметки рифменных пар использовался инструмент RhymeTagger [Plecháč 2018], тип клаузулы определялся с помощью комбинации результатов RhymeTagger и разметки ударений. Использование автоматических методов распознавания текстов и аннотации неизбежно приводит к появлению ошибок в корпусе и метаданных, беглая оценка точности использованных методов дана в *Таблице 0.2*.

Таб. 0.2. Точность аннотации в Корпусе-1835.

	% точности	Размер выборки
Распознавание текста	99.1%	1000 случайных слов
mystem		200 случайных слов
– определение леммы	98.0%	
– определение части речи	96.5%	
Метрическая разметка		100 случайных стихотворений
– определение метра	94%	
– определение размера	91%	
Рифма		100 случайных пар рифм
– рифмопары (RhymeTagger)	95%	
– тип клаузулы	94%	

Безусловно, для более точной разметки корпуса могли использоваться другие методы, однако мы не ставили перед собой задачи тестирования всех доступных инструментов и стремились к простоте организации и аннотации данных: формат простых текстов и соотносимых с ними таблиц метаданных показался нам наименее ресурсозатратным. Очевидно, что идеальных результатов можно было бы добиться в случае ручной аннотации текстов, однако это было непосильно в рамках этой индивидуальной работы.

Все материалы, собранные в корпус, и метаданные к ним выложены в открытый доступ на платформе Zenodo с зарегистрированным цифровым идентификатором для цитирования (DOI: 10.5281/zenodo.13749559). К публикации приложены дополнительные материалы, в которых задокументированы все этапы анализа текстов, выполненные в каждой из глав работы. В качестве дополнения была также создана онлайн-версия¹⁹ корпуса поэзии 1835–1840 гг., где поиск по текстам и метаданным доступен с помощью пользовательского интерфейса.

¹⁹ https://tonyamart.shinyapps.io/corpus_1835/

* * *

Эта работа была бы невысказима без Тартуского университета, где на протяжении магистратуры и докторантуры мне выпало счастье свободно изучать и точные, и гуманитарные науки. Я благодарю за постоянную поддержку кафедру русской литературы и первых рецензенток этой диссертации на разных ее этапах — Л. Н. Киселеву и Т. Н. Степанищеву — за их терпеливое чтение и ценные комментарии. Мне повезло делиться находками и неудачами этого исследования с моим научным руководителем Р. Г. Лейбовым, и наши беседы часто давали мне силы возвратиться за письменный стол.

Мои взгляды на филологию сформировались в Москве, где у меня был шанс учиться у С. Л. Козлова, А. Л. Осповата, М. Б. Велижева и многих других. Я признательна этой школе и за своих коллег и друзей Д. Глебову, П. Успенского, А. Вдовина, А. Федотова, Д. Скоринкина и В. Полилову, по разговорам с которыми о филологии и прочем я очень скучаю. Мой научный путь невысказим без А. С. Бодровой, повлиявшей на тему этой диссертации и мои интеллектуальные поиски.

Although my background is in literary studies and this dissertation focuses on Russian literature, I am deeply grateful to all my colleagues in the fields of computational humanities and cultural evolution. I began programming and learned statistics thanks to the University of Tartu Centre for Digital Humanities, where I probably took every possible English-based course for which I am very thankful to Liina Lindström and Jane Klavan. My views on the merger between natural sciences and humanities were shaped through discussions with Oleg Sobchuk and Peeter Tinitis — cultural evolutionists at the UT.

As I transitioned to computational literary studies, I was happy to meet and learn from the great minds of the Kraków stylometry group, particularly Maciej Eder and Ben Nagy. Also, I was glad to work together with Kirill Maslinsky and his DH team. I did not feel alone in my attempts in studying verse quantitatively and computationally, thanks to the Prague versification team and the Plotting poetry community; I want to give a special mention to Petr Plecháč, who is a great inspiration. During the final year of my thesis writing, I received a lot of support from historians and computational humanists at the University of Trier, and I am very grateful to Damien Tricoire, Joëlle Weis, and Christof Schöch.

Я благодарна оппонентам этой работы — Д. Дж. Бирнбауму и И. А. Пильщикову — за внимательное и заинтересованное чтение, замечания и комментарии, которые позволили мне не только исправить недочеты диссертации, но и вновь с любопытством взглянуть на собственное исследование.

Написание этой монографии выпало на тяжелое время, в котором наука позволяла сохранить рациональность и рассудок. Вне научного поля меня всегда радовали и спасали мои lifelong подруги Влада, Настя, Катя и Майю. Я счастлива вспоминать и счастливые университетские времена в Тарту, которые подарили мне Сережу, Валеру, Машу И., Машу К. и Сашу.

Эту работу я посвящаю своей семье. Своим интересом к литературе и истории я обязана своей бабушке, Фаине Шаферовне, а к компьютерам и

точным наукам — дедушке, Анатолию Никитьевичу. Мои родители, Игорь Анатольевич и Ирина Леонидовна, всегда поддерживали меня и научили честности, самостоятельности и требовательности, нужными далеко за пределами науки. Я очень признательна и за любовь и заботу семьи моего мужа. Его имя в разделе благодарностей могло появиться среди филологов, культурных эволюционистов, стилометров и компьютерных стиховедов — но все эти определения слишком малы; нет таких слов, чтобы передать мою любовь и благодарность за то, что Артем рядом со мной.

ГЛАВА 1.

Поэтические книги

Среди методологических аспектов, наиболее часто обсуждаемых в связи с «дальним чтением», особенно выделяется не столько стремление к точности или воспроизводимости результатов, сколько желание заглянуть в «великое непрочитанное» (the great unread, термин М. Коуэн, см.: [Moretti 2013: 63–89; Underwood 2019: x–xxii, 1–33]). Вопросам построения корпуса «непрочитанного» в этой дискуссии часто уделяется меньшее внимание, чем методологии анализа текстов. С одной стороны, это связано с тем, что наиболее обширные корпуса, такие как Google Books или Haiti Trust, вбирают в себя объем материалов, который невозможно сопроводить достаточно детализированными (с точки зрения гуманитарных наук) метаданными [ср.: Algee-Hewitt et al. 2016]. С другой стороны, специально собранные и хорошо курируемые небольшие корпуса литературных текстов мало репрезентативны в отношении «популяции» — воображаемой массы всех напечатанных или всех созданных в определенный период текстов.

Оценка репрезентативности корпуса является, на наш взгляд, особенно важным аспектом количественного исследования. В случае изучения поэзии можем ли мы указать, в каком отношении находятся доступные нам материалы к полной популяции печатной поэзии этого периода? Можно ли оценить число напечатанных в середине XIX в. поэтических книг, чтобы утверждать, что дополнительные усилия по оцифровке когда-либо приведут нас к репрезентативному корпусу «неизвестной» поэзии? Какова сохранность поэтических книг 1830-х гг. и достаточна ли она для составления поэтического корпуса вне уже известного канона, представленного в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ)?

В этой главе мы постараемся подойти к решению вопросов о количестве и типах печатных поэтических книг второй трети XIX в., а также попробуем оценить степень их сохранности на основании эмпирических данных.

Для ответа на поставленные выше вопросы недостаточно исследовать только короткий период между 1835 и 1840 гг. — в этой главе мы опишем лирические сборники и стихотворения, напечатанные во второй половине 1830-х гг., в более широком контексте. Мы обратимся к двадцатилетию между 1830 и 1850 гг. и поэтическим книгам разных жанров, вышедшим в это время. Это позволит нам учитывать изменения в динамике публикаций книг и увидеть, с одной стороны, насколько ситуация второй половины 1830-х гг. отличается от более раннего «альманашного» периода, с другой — отражается ли охлаждение интереса к поэзии к началу 1840-х гг. на количестве печатаемых книг в стихах.

Создание библиографии поэтических книг второй трети XIX в. составляет отдельную исследовательскую задачу. Авторитетного сводного источника, представляющего библиографию поэзии или же книг, отпечатанных в 1830-х и 1840-х гг. вообще, не существует ни в виде исторических (например, цензурных) документов [Рейсер 1946], ни в виде современной

библиографии [Левин 2017]. Разрозненные сведения можно почерпнуть из каталогов библиотек и книжных магазинов середины-конца XIX в., данных о частных коллекциях (например, [Смирнов-Сокольский 1965; Гольдберг 1975]), а также ценной, но не верифицированной и официально не опубликованной библиографии поэтических книг 1834–1850 гг., составленной А. Ю. Балакиным [Балакин 2010]. Все эти источники требуют дополнений и сверки с современными библиотечными каталогами и даже в совокупности не могут претендовать на то, чтобы быть исчерпывающими.

Отсутствие библиографии собственно поэтических книг XIX в. связано не только с трудностями учета печатной продукции в Российской империи [Рейсер 1946], но, как можно полагать, и с общей неизвестностью для исследователей многих поэтов, напечатавших свои стихотворения в 1830-х и 1840-х гг.²⁰ Оставляя за скобками общий пессимизм относительно поэзии этого времени, можно полагать, что лакуны в научном изучении книг 1830-х гг. отчасти объясняются и растущим количеством отпечатанных сборников стихов — количеством, обратно пропорциональным степени известности авторов.

Недостаточные биографические и библиографические сведения делают поэтическую продукцию второй трети XIX в. сложным материалом для традиционного исследования. Однако мы предполагаем, что оценка количества и степени сохранности поэтических книг этого времени все же возможна благодаря комбинации традиционных библиографических и экспериментальных статистических методов. Так, сочетание данных книжных реестров XIX в. и современных библиотечных каталогов может быть основой для библиографии и отразит этапы (пере)распределения физических экземпляров в коллекциях (*Гл. 1.1 и 1.2*). Эти материалы, в свою очередь, позволят использовать статистические методы для оценки полноты составленной библиографии (*Гл. 1.3*). Так мы увидим, в каком соотношении находятся имеющиеся библиографические данные к смоделированной полной популяции печатных поэтических книг²¹.

Решение вопроса о таком соотношении кажется нам важным именно в контексте количественного исследования литературы. Хотя примерные объемы напечатанной поэзии и уровень сохранности книг разных жанров и могут быть «интуитивно понятны»²² историкам литературы, мы ставим перед собой задачу собрать для подтверждения или опровержения историко-литературных интуиций необходимую эмпирическую базу и только на ее основании проводить дальнейшее описание сложившегося в нашем случае корпуса текстов (*Гл. 1.4*).

²⁰ Ср., например, первопроходческие работы А. И. Рейтблата о неизвестных авторах этого периода: [Рейтблат 2001: 82–97, 234–243].

²¹ Результаты этой работы были представлены в [Martynenko 2024a], однако в статье мы не останавливались подробно на книгах второй половины 1830-х гг.

²² О методологической опасности опоры на «интуиции» в литературоведении, см., например: [Лотман 1961/2018: 75, 101].

1.1. История библиотеки Смирдина: что книжные реестры XIX в. сообщают об «архиве» и его сохранности

Среди книжных каталогов первой половины XIX в. особое значение имеет книжная коллекция А. Ф. Смирдина с задокументированной историей. Издатель и книготорговец Смирдин оказал большое влияние на введение авторского гонорара и развитие книжного дела и книгопродажи в России в 1820–1830-х гг. [Смирнов-Сокольский 1957; Гриц и др. 2001]. Для историка литературы при этом могут представлять интерес не только личные и деловые отношения Смирдина с наиболее именитыми писателями и поэтами «золотого века» [ср.: Гриц и др. 2001: 194–209; Черейский 1989: 403], но и собранная и описанная им (совместно с В. Г. Анастасевичем и Ф. И. Цветаевым [Кишкин 1977: 151]) книжная коллекция, в разное время функционировавшая как частная библиотека. Хотя история этого собрания последовательно не описана [Кобленц 1973; Кишкин 1977], реестры библиотеки представляют собой наиболее полную систематическую библиографию книг первой половины XIX в. [Кобленц 1973: 82–88].

Известно, что основа библиотеки была составлена к 1815 г. В. А. Плавильщиковым, к которому в 1817 г. и поступил на службу Смирдин [Гриц и др. 2001: 180]. После смерти Плавильщикова в 1823 г. книжный магазин и библиотека перешли к Смирдину, а в 1831 г. он открыл их заново на Невском проспекте [Там же: 187–190; Кишкин 1977: 151]. И собрание Плавильщикова²³, и библиотека Смирдина были описаны в библиографических «росписях», из которых роспись смирдинской библиотеки является наиболее обширной: изначально она включала более 9 000 наименований и несколько раз пополнялась (см. основную часть коллекции в [Смирдин 1828], прибавления к росписи вышли в 1829 и 1832 гг.). Изданные росписи служили в первую очередь как каталоги библиотеки, были устроены систематически²⁴ и сопровождалась инструкцией для читателей, предусматривающей не только библиотечный абонемент в современном понимании, но и выкуп книг по ценам, установленным в каталоге [Смирдин 1828: II–III].

Небывалый коммерческий успех Смирдина был недолгим, уже к концу 1830-х гг. его издательские проекты терпели финансовые убытки, а к началу 1840-х гг. Смирдин был полностью разорен²⁵ [Гриц и др. 2001: 270–285].

²³ См.: Роспись Российским книгам для чтения из библиотеки В. А. Плавильщикова, систематическим порядком расположенная. СПб.: В тип. Плавильщикова, 1820.

²⁴ То есть разделены на тематические разделы, в том числе для книг в стихах. В фокус нашего исследования попали разделы: «Отделение XVIII. Произведения словесности в стихах и прозе»; «Отделение XX. Произведения словесности пиитические», в частности: собрания сочинений отдельных и разных авторов (отд. I и II), «III. Поэзия эпическая», «V. Поэзия лирическая», «VI. Поэзия дидактическая», «VII. Поэзия описательная», «VIII. Басни и сказки».

²⁵ Помимо кризиса книжной торговли в 1840-х гг., современники и последующие исследователи связывают разорение Смирдина с недобросовестностью его партнеров-журналистов, в первую очередь Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча, а также других книгопродавцев, например, В. В. Логинова [Гриц и др. 2001: 277–280].

Около 1842 г. библиотека попала в руки М. Д. Ольхина [Там же: 280], а позднее П. И. Крашенинникова (начало 1850-х гг.) [Кишкин 1977; Выставка 2013]. Они также поддерживали существование коллекции в статусе библиотеки для чтения, о чем мы знаем из изданных Ольхиным и Крашенинниковым каталогов, прямо наследующих смирдинским по устройству и условиям заказа и выкупа книг [Ольхин 1846; Крашенинников 1852].

Все перечисленные выше росписи исполняли функции одновременно и библиотечных, и книгопродавческих каталогов²⁶, что ограничивает прямую интерпретацию росписей как каталогов библиотеки: отсутствие книги в них может объясняться нежеланием дублировать одни и те же наименования из каталога в каталог, непопулярностью книги, ошибкой составителя — или же тем, что все экземпляры были выкуплены или утеряны и действительно отсутствовали в библиотеке. Мы будем рассматривать наиболее полные росписи библиотеки Смирдина²⁷, опубликованные Смирдиным в 1832, Ольхиным в 1846 и Крашенинниковым в 1852 гг. В этих росписях отражено постепенное пополнение библиотеки на протяжении 1830–1840-х гг.: роспись Смирдина с прибавлениями к 1832 г. насчитывает около 12 000 наименований, Ольхина — 6 800, Крашенинникова — уже почти 17 000. Эти источники позволяют составить представление о существовании коллекции в течение двух десятилетий, а вместе с тем и о напечатанных и читаемых между 1830 и 1850 гг. книгах — в том числе поэтических.

Во второй половине XIX в. коллекция Смирдина перестала выполнять функции библиотеки и несколько раз перепродавалась [Кишкин 1977; Выставка 2013], а в 1879 г. была выкуплена рижским книгопродавцем Николаем Киммелем²⁸. Тот, в свою очередь, пытался распродать книги как антикварные и напечатал несколько каталогов, которые в заглавии прямо апеллировали к авторитету смирдинской коллекции, например: «Антикварный каталог №39, заключающий в себе перечень книг из библиотеки А. Смирдина, составляющей ныне собственность Н. Киммеля, книгопродавца в г. Риге» [Киммель 1889]²⁹. Для нашего исследования именно этот

²⁶ О промежуточном положении «библиотек для чтения» между книжным магазином и библиотекой, см.: [Рейтблат 2001: 36–50].

²⁷ Здесь и далее мы будем называть коллекцию «библиотекой Смирдина» независимо от ее владельцев в конкретные исторические периоды, поскольку сами составители росписей, а впоследствии и исследователи, так называли эту коллекцию. Вопрос о том, какая часть книг в действительности представляла и представляет на сегодняшний день оригинальные физические экземпляры из библиотеки Смирдина, — отдельная библиографическая проблема.

²⁸ Точные обстоятельства пути коллекции из Санкт-Петербурга в Ригу неизвестны, однако, по всей видимости, в 1850–1860-е гг. разные части библиотеки Смирдина выкупались петербургскими и московскими библиофилами [Выставка 2013].

²⁹ Каталог № 39 включает издания в стихах (с подразделениями «Поэзия лирическая», «Поэзия эпическая, басни и сказки» и «Поэзия драматическая», а также раздел «Различные сочинения в стихах и прозе» [Киммель 1889: 29, 55, 71, 107]), каталог № 40 озаглавлен «Словесность <ч.> П. Романы и повести».

каталог представляет основной интерес, поскольку он включает список поэтических книг, сохранившихся в библиотеке Смирдина до конца 1880-х гг.

Можно полагать, что Киммель был успешным книгопродавцем и экземпляры из смирдинской коллекции пользовались спросом как книжные редкости: только небольшая часть книг дошла до следующей и финальной точки в пути коллекции до Славянской библиотеки в Праге, где собрание Смирдина хранится на сегодняшний день. Известно, что до 1929 г. коллекция Смирдина находилась в Латвии, а в 1932 г. была перевезена в Прагу [Кишкин 1977: 152]. К тому моменту она включала только 10–20% от своего объема согласно росписям 1850-х гг. [Савицкий 1967: 96–97], при этом большая часть потерь приходилась на книги по истории и на художественную прозу и, что важно, поэзию, где «из 82 зарегистрированных <повидимому, в одном из разделов росписи. — А. М.> книг было получено только 13» [Савицкий 1967: 96–97]. Тем не менее Славянская библиотека предприняла значительные усилия для восстановления коллекции согласно росписям XIX в. и восполнила многие из потерянных физических экземпляров памятников литературы [SLK 2012].

Этапы существования библиотеки Смирдина, отраженные в росписях и каталогах, позволяют вычислить количество пересечений между разными каталогами и, таким образом, примерно проследить, как изменялся и перераспределялся состав библиотеки. Для исследования мы обработали и внесли в базу данных все книги, входившие в разделы лирической и нарративной поэзии (см. *Прим. 24*), опубликованные с 1830 по 1850 гг. На *Рисунке 1.1.1* показаны соотношения между разными каталогами библиотеки Смирдина: каждая отходящая ветвь отражает количество книг, одинаково включенных в два каталога (их количество указано на ветви); знаком суммы (Σ) под названием каталога обозначено общее количество поэтических книг, включенных в каталог.

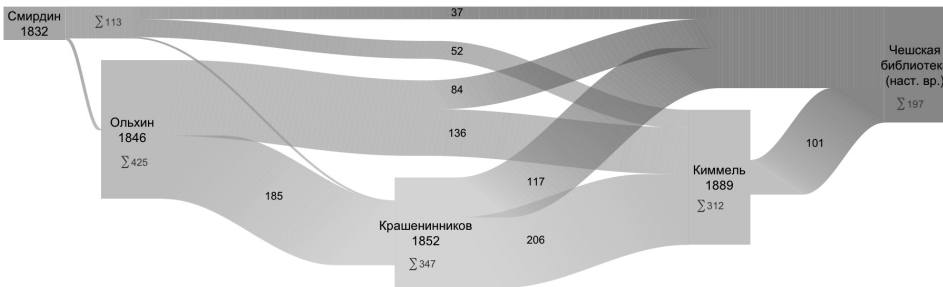


Рис. 1.1.1. Количество общих книг между каждым из каталогов, отражающих библиотеку Смирдина в разные периоды (включались только поэтические книги, напечатанные между 1830 и 1850 г.).

Списки включенных в каталоги книг поэзии во всех случаях совпадают лишь частично. Наибольшее пересечение каждый из реестров XIX в. находит с каталогом Киммеля 1889 г., который мог включать большое число поэтических книг 1830–1840-х гг. в связи с их особым, уже антикварным статусом. Минимальную долю пересечений находят книги 1830–1832 гг. из каталога 1832 г. с последующими каталогами 1846 и 1852 гг. — можно полагать, что эти издания либо были выкуплены, либо не дублировались. Существенно, что каталог 1889 г. включает уже 46% поэтических книг, перечисленных в росписи Смирдина 1832 г. (учитывались только книги 1830–1832 гг.). Максимальная доля пересечений (66%) в сфере поэтических книг находится между каталогами Крашенинникова 1852 и Киммеля 1889 гг. При этом соотношение между каталогом Киммеля и хронологически близким реестром Ольхина 1846 г. иное — порядка 32% общих книг. Сравнительно небольшое пересечение и между реестрами 1846 и 1852 гг. может объясняться неизвестными исследователям этапами перепродажи библиотеки.

На наших данных отчасти подтверждается оценка библиографов, по которой библиотека Смирдина, дошедшая до Праги в 1932 г., составляла только около десятой части от своего объема в середине XIX в. Так, даже после восполнения коллекции, по-видимому, наиболее ценными книгами из каталогов Смирдина, доля общих (поэтических) книг между каталогами XIX в. и современным каталогом Чешской национальной библиотеки составляет около 30%. Единственным исключением является каталог 1846 г., из которого только 19% поэтических книг находится в сегодняшней коллекции Славянской библиотеки. Это снова косвенно подтверждает гипотезу о том, что определенная часть книг была изъята из библиотеки Смирдина между 1846 и 1852 гг. и осталась не восполнена.

215 изданий из собранной нами библиографии не появляются в других каталогах библиотеки Смирдина, кроме реестра Ольхина 1846 г., из них 53 (25%) не были найдены не только в Славянской библиотеке в Праге, но и в других современных коллекциях. Этот пример указывает на то, что часть поэтических книг 1830–1840-х гг. к сегодняшнему дню может быть утеряна — однако изучение каталогов XIX в. дает нам мало информации о том, насколько велика доля потерь.

1.2. Как сохранились поэтические книги 1830–1850-х гг. в современных коллекциях

История коллекции Смирдина дает приблизительное представление о пути поэтических книг из частных коллекций XIX в. в современные библиотечные хранилища. Тем не менее, даже в случае хорошо описанной и обладающей определенным статусом коллекции, исследователь с трудом может опираться на не всегда последовательные данные в каталогах XIX в. Доля книг, не переходящих из каталога в каталог, не обязательно свидетель-

ствует об их потере, а не перемещении, например, в другие коллекции. Таким образом, вопрос о соотношении реестров XIX в. и сохранности экземпляров как в собраниях XIX в., так и в современных хранилищах, является трудным и находится за рамками этой работы: книжные каталоги XIX в. использовались нами только как вспомогательный материал для поиска книг в современных библиотеках.

Для составления библиографии поэтических книг 1830–1850 гг. мы изучили каталоги 11 современных библиотечных коллекций, откуда отбирались только поэтические книги, содержащие лирические или нарративные тексты в стихах; за пределами исследования мы оставили драму и учебную литературу (например, азбуки в стихах и прочие детские сборники). Итоговая версия библиографии включает 967 уникальных наименований (см. *Таблицу 1.2.1*).

Первостепенное значение для составления библиографии имели каталог и фонды Российской национальной библиотеки (РНБ). Начиная с 1810 г. Императорская Публичная библиотека должна была получать в свои фонды по два экземпляра всех отпечатанных в России книг³⁰, таким образом став второй, после библиотеки Академии наук, получателем обязательных экземпляров. Хотя требование об отправке отпечатанных изданий в действительности не всегда выполнялось и до библиотеки доходило только порядка 80% книг [Рейсер 1946], в РНБ хранится крупнейшая из известных нам коллекций поэтических книг 1830–1850 гг. Меньшую, но отчасти заполняющую лакуны РНБ, подборку имеет Российская государственная библиотека (РГБ).

Поиск в каталогах РНБ и РГБ основывался на проверке всех названий поэтических книг 1830–1850 гг., перечисленных в каталогах библиотеки Смирдина [Смирдин 1832; Ольхин 1846; Крашенинников 1852]. Поскольку эти каталоги не являются исчерпывающими, мы также вели поиск по ключевым словам³¹. К этим данным мы добавили результаты сквозного поиска в трех электронных каталогах крупных славянских коллекций за пределами России (каталоги Национальной библиотеки Финляндии, Славянской библиотеки в Чешской республике, коллекции Килгура в Гарварде), а также четырех небольших библиотечных собраний, в XIX в. принадлежавших к западным губерниям Российской империи, где имелись собственные цензурные комитеты и типографии. Помимо этого, использовались данные специальных коллекций, посвященных поэзии XIX в.: каталог библиотеки И. Н. Розанова [Гольдберг 1975] и коллекция «Русская поэзия XVIII и первой трети XIX в.» СПбГУ³².

³⁰ См. рескрипт от 14 октября 1810 г., вводящий два обязательных экземпляра: [ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 1056. Л. 9 об.] (Эл. копия: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/ustav/_Project/page_Manuscripts.php?izo=50FBB88F-4D8E-4E8E-A570-9C168D5CAFDC).

³¹ Поиск проводился по внутренним коллекциям, связанным с художественной литературой и поэзией, а также по ключевым словам (запросы «стих*», «поэт*/поэз*», а также жанровые заглавия (в разных формах слов) — «элегии», «басни», «оды» и т. д.).

³² См.: <https://web.archive.org/web/20230711052559/http://old.library.spbu.ru/>

Таб. 1.2.1. Количество поэтических книг в библиотечных коллекциях.

Сокращение	Библиотека	Количество поэтических книг (1830–1850)	Приблизительный размер коллекции (всего книг за 1830–1850)	Количество поэтических книг 1835–1840
RU_NLR	Российская национальная библиотека (РНБ, Санкт-Петербург)	924 (~1.6%)	~50 000 ³³	196
RU_RSL	Российская государственная библиотека (РГБ, Москва)	529 (~1.9%)	~20 000	122
FI_SL	Национальная библиотека Финляндии, Славянская библиотека	217 (6.0%)	3 500	41
CZ_SLK	Национальная библиотека Чешской Республики, Славянская библиотека	197 (4.4%)	4 200	49
US_Harvard	Гарвардская библиотека, коллекция русской литературы Килгура	167 (8.9%)	1 800	48
EE_Ester	Объединенный каталог библиотек Эстонии Ester	58 (1.8%)	3 200	8
LT_VUL	Библиотека Вильнюсского университета	22 (0.5%)	4 400	4
PL_BN	Национальная библиотека Польши	19 (1.4%)	1 400	7
PL_BUW	Библиотека Варшавского университета	18 (2.25%)	800	4
RU_Rozanov	Библиотека поэзии И. Н. Розанова (печатный каталог, М., 1965)	230	–	58
RU_SPU	Цифровая коллекция «Русская поэзия XVIII — первой трети XIX в.» научной библиотеки Санкт-Петербургского университета	93	–	38

³³ Размер коллекций РНБ и РГБ оценивается очень приблизительно: точное число неизвестно, поскольку выдача в электронных каталогах может включать дублированные вхождения одной книги, а также неточно датированные издания. Количество книг, поступивших в 1830–1840-х гг. в РНБ согласно реестрам, показано в Таблице 1.2.2., однако и эти данные отражают лишь нижнюю границу и в целом плохо соотносятся с реальным количеством книг за этот период, находящимся в хранении на сегодняшний день.

Как показано в *Таблице 1.2.1*, ни одна из библиотек не приближается к полноте коллекции РНБ, образованной из обязательных экземпляров. При этом по количеству найденных книг в стихах по отношению к размеру фонда три библиотеки, помимо РГБ, сравнимы со специальной коллекцией поэзии, собранной Розановым: наши данные позволяют заключить, что поэтические книги специально собирались и хранились в коллекциях Финской и Чешской библиотек, а также в Килгурской коллекции.

Таб. 1.2.2. Количество поэтических книг, включенных нами в библиографию, по отношению к общему количеству книг, поступивших в Императорскую Публичную библиотеку в соответствующий год [Рейсер 1946].

Год	1830	1831	1832	1833	1834	1835	1836	1837	1838	1839	1840
Книг поэзии	58	75	72	56	55	44	29	44	43	40	40
% поэзии	8.3%	8.7%	9.6%	7.3%	9.3%	6.7%	3.2%	4.3%	3.8%	3.9%	4.2%
Всего	692	860	752	764	589	655	897	1021	1103	1016	957
<hr/>											
Год	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850	Всего
Книг поэзии	37	42	26	35	37	39	40	41	38	33	924
% поэзии	4.1%	4.2%	2.3%	3.2%	3.2%	2.8%	2.7%	1.8%	2.0%	1.9%	3.97%
Всего	901	1000	1142	1079	1119	1370	1464	2232	1916	1737	23266

В *Таблице 1.2.2.* мы приводим количество обнаруженных нами поэтических книг в соотношении с количеством поступивших в Публичную библиотеку книг по годам, согласно отчетам библиотеки, суммированным в [Рейсер 1946]. Сопоставление с этими данными показывает, что поэтические книги представляли порядка 3–4% от поступающих печатных изданий. Как видно из наших подсчетов в *Таблице 1.2.1*, в действительности эта доля может быть еще меньшей (~1.5%), а количество книг, включенных в отчеты XIX в., можно принять только за нижнюю границу числа книг этого периода.

Тем не менее данные отчетов, приведенные Рейсером, демонстрируют увеличение количества печатных книг к концу 1840-х гг., при этом пропорционального увеличения количества поэтических книг не происходит. С одной стороны, это можно было бы объяснить уменьшением интереса к поэзии и, как следствие, изданием меньшего количества книг в стихах. С другой — можно предполагать, что поэтические книги конца 1830-х —

1840-х гг. хуже сохранились, в силу сдержанного интереса к поэзии этого периода по сравнению с поэзией «золотого века».

В случае если поэтические книги действительно были утеряны, с определенной погрешностью их упоминания по-прежнему должны находиться в каталогах XIX в., а отдельные экземпляры — сохраниться в виде обязательных экземпляров в РНБ. Если же статус поэзии позволил выжить и «безынтересным» поэтическим книгам конца 1830-х — начала 1840-х гг., то большая часть изданий должна иметь хотя бы один дубликат в современных коллекциях за пределами РНБ. На *Рисунке 1.2.3* представлено распределение поэтических книг из библиографии по трем категориям: наличие в каталогах XIX в., хранение в РНБ и хранение в других современных библиотечных коллекциях.

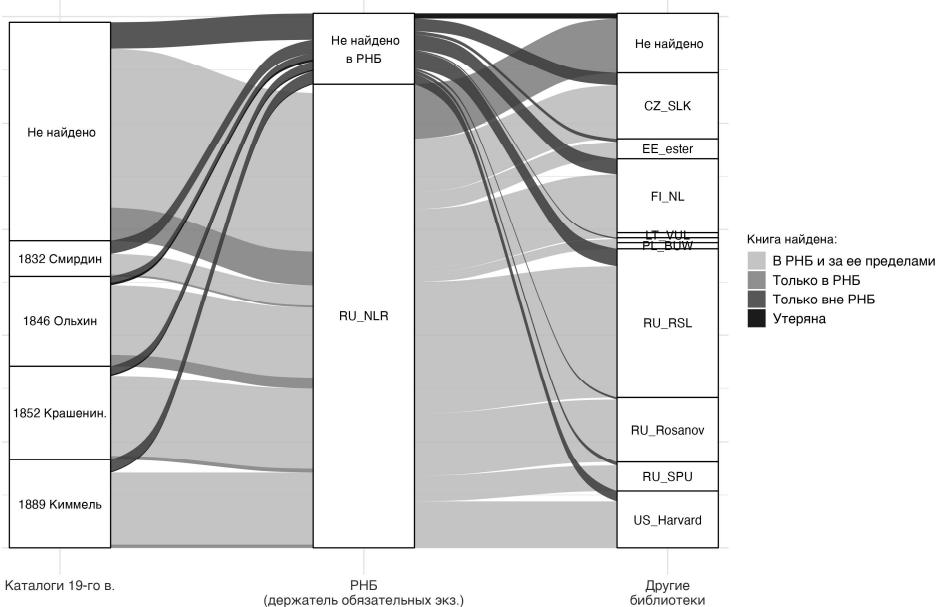


Рис. 1.2.1. Распределение поэтических книг (1830–1850) в библиотечных коллекциях по отношению к упоминанию книги в каталогах XIX в. и в каталоге РНБ (держатель обязательных экземпляров).

Размер каждого из потоков на *Рисунке 1.2.3* представляет пропорцию книг определенной категории. Как видно, около трети книг, включенных нами в библиографию, не были найдены в каталогах библиотеки Смирдина, но имеются в РНБ. Очень небольшая часть книг из каталогов XIX в. не представлена ни в одной из современных коллекций; заметим, что существенная часть утерянных книг известна только по уже упоминавшемуся выше каталогу Ольхина 1846 г. Сравнительно небольшое количество поэтических книг при этом хранится исключительно в РНБ — для подавляющего большинства имеются физические копии в других библиотечных коллекциях.

Можно заключить, что современные коллекции представляют достаточно репрезентативные подборки поэтической продукции, и лишь небольшая часть книг действительно не дошла до наших дней. Однако достаточно ли собранные нами библиографические данные — не принимающие во внимание огромное количество других библиографических источников — чтобы сделать вывод о том, что печатная поэзия 1830–1840-х гг. достаточно хорошо сохранилась?

1.3. Сколько поэтических книг 1830–1840-х гг. навсегда утеряно? Эксперимент с использованием модели невидимых видов

Данные о физических экземплярах книг в современных библиотечных коллекциях позволяют нам не останавливаться на дескриптивном анализе уже имеющейся библиографии, но попытаться представить объемы того, что в эту библиографию не вошло. Так, мы можем статистически вычислить количество упущенных нами источников и оценить, какова нижняя граница количества напечатанных поэтических книг в период 1830–1850 гг. вообще. Для этого мы предлагаем обратиться к методам популяционной экологии, в частности к модели невидимых видов.

Первая попытка подойти с точки зрения статистики к вопросу объемов печатной продукции принадлежит Л. Эгги и Г. Пруту, которые попробовали оценить количество утерянных театральных программ 1770-х гг.: предложенная ими модель пыталась предсказать исходное количество программ, опираясь на число сохранившихся [Egghe, Proot 2007]. Вопрос, который пытались решить Эгги и Прут в рамках инфометрики и библиографии, был быстро распознан как давно и широко известная в популяционной экологии проблема оценки видового разнообразия (*species richness*) и обилия видов (*ecological abundance*), а математическая модель Эгги и Прута подверглась острой критике [Burgel 2008].

В биологии статистическая оценка видового разнообразия — количества уникальных видов на определенной территории — исходит из числа зарегистрированных особей каждого вида. Так, особи распространенных видов будут особо заметны и частотны, другие же встретятся лишь несколько раз или останутся вовсе незамеченными. Количество вхождений для редких видов — встреченных 1 или 2 раза — используется для предсказания количества видов, не увиденных вообще, но для которых есть вероятность быть зарегистрированными в будущем, а потому модель носит название модели «невидимых видов» (*unseen species model*). Возвращаясь к проблеме подсчета утраченных театральных программ Эгги и Прута, несложно заметить, что их попытка оценить изначальный объем тиража, основываясь на количестве редких сохранившихся копий, в действитель-

ности представляет ту же проблему, «но развернутую во времени» [Burrell 2008: 104].

В рамках культурной эволюции подходы с использованием модели невидимых видов нашли широкое применение, поскольку понятие «вида» из биологии возможно прямо перенести на определенные группы объектов в культуре. Так, модель использовалась для исследования пропорции неизвестных исследователям культурных артефактов в археологии, лингвистике и смежных областях³⁴. Это возможно сделать в том числе и с литературными произведениями и их материальными носителями. Способы оценки видового разнообразия из экологии были прямо перенесены на изучение литературных текстов в исследовании М. Кестемонта, Ф. Карсдорпа и их коллег о количестве утерянных средневековых эпических нарративов в разных европейских традициях [Kestemont et al. 2022]. Они объясняют это тем, что

<...> medieval works can be treated as distinct species in ecology, and that the number of extant documents for each work can be regarded as analogous to the number of sightings for an individual species in a sample. Thus, if we treat the available count information for medieval literature as «abundance data», then one can apply unseen species models to estimate the number of lost works in a corpus. [Kestemont et al. 2022: 767]³⁵

Концепты «произведения» (work) и «документа» (document) позволяют противопоставить нематериальный уникальный текст (нарратив) и его материальные носители — рукописи, потенциально существующие в нескольких экземплярах. Модель невидимых видов используется для вычисления нижней границы как для количества уникальных произведений, так и для количества их материальных носителей — подобно тому, как в экологии бы оценивалось количество видов и количество особей.

Согласно результатам исследования Кестемонта и его коллег сегодняшние коллекции сохраняют по меньшей мере 68% средневековых нарративов (works), при этом потеря материальных документов оказывается существенно выше: сохранившиеся манускрипты представляют только 9% от изначальной популяции [Kestemont et al. 2022: 767]. Представленные в процентном диапазоне результаты — коэффициенты выживаемости (survival rates) — позволяют вычислить и количество утерянных документов и произведений. Так, если сохранившиеся 68% — это 799 известных произведений, то можно полагать, что существовало по меньшей мере 1 170 сред-

³⁴ См. обзор в: [Kestemont et al. 2022: Supplement Materials].

³⁵ Перевод: «...средневековые произведения можно расценивать как отдельные виды в экологии, а количество сохранившихся экземпляров каждого текста — как аналогу количеству наблюдений отдельного вида в выборке. Следовательно, если мы используем доступную количественную информацию о средневековой литературе как «данные о численности» <в биологии>, то мы можем применить модели невидимых видов для оценки количества потерянных произведений в корпусе».

невековых нарративов, из которых около 300 не найдены; аналогичным образом, коэффициент выживаемости в 9% (3 648 сохранившихся физических документа) предполагает первоначальное существование порядка 40 000 манускриптов.

Можно усомниться в том, что прямое перенесение статистического метода из биологии в действительности позволяет вычислить коэффициент выживаемости для данных совершенно иного типа, таких как средневековые манускрипты. В ответ на это возражение Кестемонт и его коллеги, с одной стороны, указывают на то, что полученные ими результаты прямо соотносятся с оценками сохранившихся рукописей, ранее сделанными филологами [Kestemont et al. 2022: 766]. С другой стороны, верифицировать результаты эксперимента можно, используя симуляцию постепенной потери документов, для которых нам известен изначальный объем популяции/тиража. Этот эксперимент был проделан в раннем исследовании Кестемонта и Карсдорпа, посвященном нидерландским средневековым рукописям. Результаты симуляции показали, что метод вычислений Chao1 стабилен и ближе остальных методов подходит в своих оценках к известному истинному размеру изначальной книжной популяции [Kestemont, Karsdorp 2020: 50–52³⁶].

Мы полагаем, что модель невидимых видов можно применить и к вопросу сохранности поэтических книг 1830–1840-х гг.: разные методы вычисления коэффициента выживаемости, предложенные в [Kestemont et al. 2022], позволяют адаптировать этот подход к ситуации массовой печати второй трети XIX в. Основа подхода при этом останется той же: мы будем пользоваться различием «произведения» — определенного текста (будь то отдельное издание поэмы или стихотворения, или же сборник стихотворений, представляющий «текст» в своей целостности) и «документа» — материального носителя этого текста, существующего в определенной библиотечной коллекции³⁷.

Учитывая разнородность изданий, собранных в библиографию, кажется нецелесообразным подсчитывать общий коэффициент выживаемости для всех поэтических книг вместе. Для эксперимента мы разделяем все издания на пять подгрупп, отчетливо различимых по количеству страниц³⁸ и поэтических текстов под одной обложкой:

³⁶ Расширенную симуляцию, основанную на другом методе и подтверждающую оценки [Kestemont et al. 2022], см. в [Camps, Randon-Furling 2022].

³⁷ Для эксперимента не использовались вторые и третьи издания; мы также исключили из библиографии 31 книгу, найденную в каталогах XIX в. и не обнаруженную ни в одной из современных коллекций.

³⁸ Медианное количество страниц для изданий в каждой из групп: альманахи — 241; лирические сборники — 76; лирические стихотворения — 4 (среднее — 10 стр.); поэмы (отд.) — 51; поэмы (сборники) — 133. Средний размер изданий в сантиметрах приблизительно одинаков для всех групп, кроме альманахов, где ожидаемо преобладают малоформатные издания в 16-ю долю листа (~10–16 см).

Сборники стихотворений: Сборники преимущественно (>70%) лирических стихотворений (например: «Стихотворения графини Е. Ростопчиной», 1841, 194 страницы);

Отдельные стихотворения: Отдельно изданные лирические стихотворения (брошюры, отдельные оттиски) («Стихотворение по случаю освящения храма в городе Торжке сентября 15-го 1842 года. Соч. В. Н.», 1842, 7 стр.)

Отдельные поэмы: Отдельно изданные нарративные стихотворения (поэмы, повести в стихах, сказки и т. п.) («Конек-Горбунок: Русская сказка. Соч. П. Ершова» 1834, 122 стр.);

Сборники поэм: Собрания нарративных стихотворений (два и более произведения под одной обложкой) («Повести в стихах Елизаветы Шаховой», 1842, 167 стр.);

«Альманахи»: периодические и отдельные издания, включающие стихотворения нескольких авторов³⁹ («Дамский альбом, составленный из отборных страниц русской поэзии», 1844, 284 стр.).

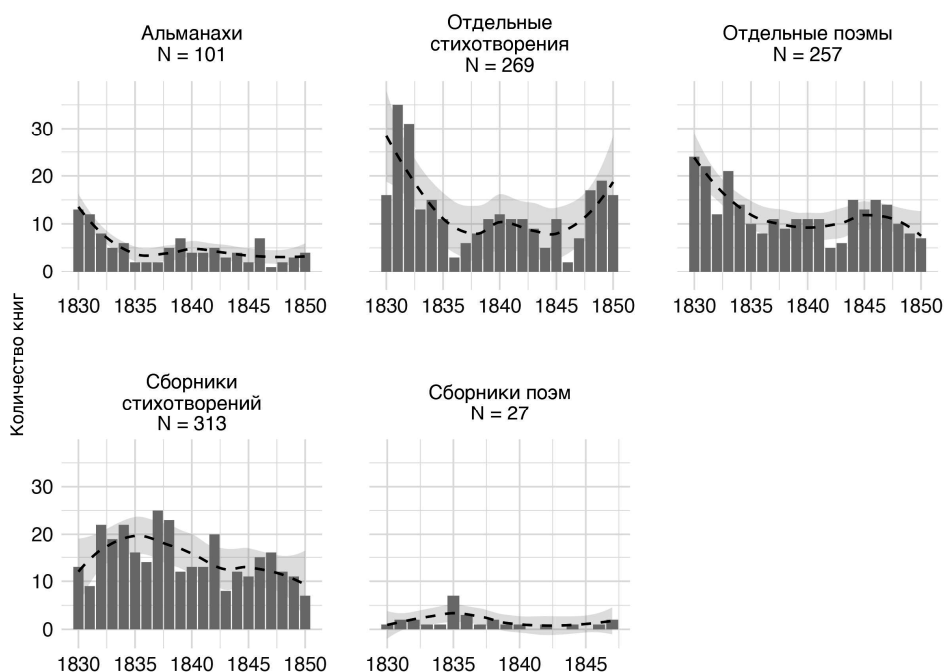


Рис. 1.3.1. Распределение количества поэтических изданий на временной оси (отображены все издания, включенные в библиографию, пунктирной линией обозначен общий тренд).

³⁹ Это единственная группа изданий в нашей библиографии, где существенную часть книги может составлять проза.

Распределение, показанное на *Рисунке 1.3.1*, согласуется с описаниями литературоведов относительно количества и характера поэтических изданий второй четверти XIX в. Так, число альманахов и повестей в стихах неуклонно снижается к 1840-м гг. Схожий тренд заметен и для сборников лирических стихотворений, большое число которых появилось во второй половине 1830-х гг. и снизилось к середине 1840-х гг.: по-видимому, авторские собрания на время заняли нишу, освободившуюся после охлаждения интереса к альманахам и нарративным формам. Распределение на временной оси отдельных лирических стихотворений крайне неравномерно: можно полагать, что это отражение не столько изменений в количестве отпечатанных брошюр, сколько свидетельство плохой сохранности этого типа изданий. Эту гипотезу мы и попробуем проверить с помощью метода невидимых видов.

Для того, чтобы использовать модель невидимых видов, сведения о наличии физических экземпляров книг в библиотечных хранилищах были переведены в формат «данных о численности» (abundance data). Данные о численности в нашем случае представляют число хранилищ, в которых была обнаружена каждая из книг (от 0 до 11); основное внимание будет уделяться количеству книг, встречающихся реже всего. В работе со средневековыми манускриптами Кестемонт и его коллеги предлагают использовать метод Chao1, который является наиболее консервативным и уделяет внимание только редким видам, замеченным 1 и 2 раза. Это удовлетворяет представлениям о распространении средневековых рукописей, не имеющих множества копий, однако ситуация массовой печати XIX в. требует иного подхода. Как можно заметить из наших данных о численности (*Таблица 1.3.1*), для некоторых категорий изданий оказывается стабильно высоким число книг, встретившихся 2, 3 и даже 4 раза из 11 возможных. В связи с этим мы будем использовать «улучшенный» метод iChao1 (improved Chao1), который принимает во внимание количество наблюдений от 1 до 4-х. В то же время мы полагаем, что даже этот метод оценки выживаемости книг будет достаточно консервативным и укажет лишь на нижнюю границу в количестве произведений и документов. Оценка iChao1 мы также сравним с изначально предназначенным для печатной продукции методом Эгги и Прута (Egghe & Proot).

Таб. 1.3.1. Данные о численности, полученные из библиографии поэтических книг. Количество наблюдений сокращено как: f1 — количество книг, встретившихся только в одном библиотечном хранилище, f2 — в двух хранилищах и т. д.

Группа	f1	f2	f3	f4	Всего произведений	Всего документов (печатных копий)
Альманахи	6	26	41	16	101	308
Сборники стихотворений	64	68	57	54	313	1000
Отдельные стихотворения	188	56	15	8	269	387
Сборники поэм	2	5	2	8	27	108
Отдельные поэмы	69	72	60	31	257	659

Данные о количестве поэтических книг, встретившихся в 3-х и 4-х хранилищах, показывают, что лучше всего из типов, выделенных в нашей подборке, сохранились альманахи. Так, 57 из 101 альманаха — то есть 56%, — доступны в 3-х или 4-х экземплярах; для стихотворных сборников доля таких книг составляет уже только 35%. Это может быть связано с целым рядом факторов: начиная от размера тиража и степени известности разных авторов, включенных в альманах, заканчивая физическими характеристиками альманахов, которым свойственно лучшее качество печати и включение изображений и нот ([Гриц и др. 2001: 147–170], ср. также упоминание лучшей сохранности иллюстрированных манускриптов в [Kestemont et al. 2022: 765–766]). Заметно, что достаточно высока сохранность и для лирических сборников и поэм.

Заклучения, полученные умозрительно из *Таблицы 1.3.1*, можно проверить экспериментально, используя эти данные для вычисления коэффициента выживаемости (использовался пакет *Scipy* для *Python*). На *Рисунке 1.3.2* показано распределение плотности коэффициента выживаемости для каждой из групп согласно методу *iChao1*; сравнение разных методов и оценка размера изначальной популяции произведений показана в *Таблице 1.3.2*.

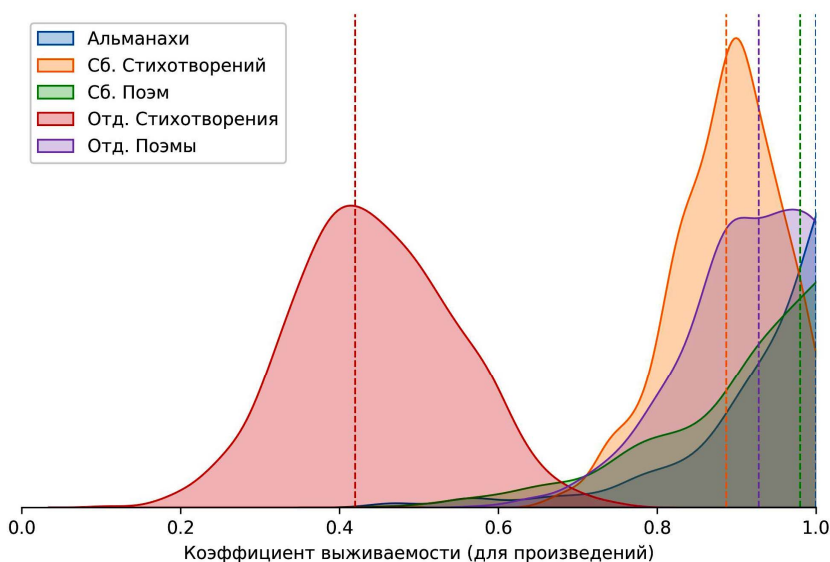


Рис. 1.3.2. Оценка выживаемости произведений согласно методу *iChao1* (плотность распределения; пунктирной линией показано среднее).

Таб. 1.3.2. Сравнение предсказанного размера популяции согласно разным методам.

Группа	Произведений найдено	Предсказанное количество произведений по оценке модели		
		iChao1	Chao1	Egghe & Proot
Альманахи	101	101.69	101.69	101.02
Сборники стихотворений	313	350.5	343.08	355.49
Отдельные стихотворения	269	647.27	583.75	597.26
Сборники поэм	27	27.48	27.39	27.1
Отдельные поэмы	257	290.01	290.01	293.42

Как видно из *Таблицы 1.3.2* для альманахов и сборников поэм все методы указывают в качестве нижней границы на то количество изданий, которое уже включено в библиографию. Для сборников поэм такой результат может объясняться недостаточным количеством данных: было обнаружено только 27 изданий такого типа. Однако результаты, полученные для альманахов, отчетливо указывают на то, что те сохранились в наиболее полном объеме по сравнению с другими группами изданий.

Для сборников лирических стихотворений и отдельно изданных поэм доля выживаемости оказывается более низкой — сохранилось порядка 89%. Иными словами, для каждой из этих групп библиографии не достает по меньшей мере по 30 изданий. Такой результат согласуется с описанными нами ранее данными из реестров XIX в., из которых по меньшей мере 15 лирических сборников и 2 поэмы не были найдены ни в одной из рассматриваемых современных коллекций.

Сравнение разных методов для вычисления коэффициента выживаемости показывает, что улучшенный коэффициент iChao1 более остальных применим к печатной продукции. Оценка iChao1 менее консервативна, чем у использовавшегося для рукописей Chao1 и даже созданного для печатных документов метода Эгги и Прута. Особенно хорошо разницу в оценке объема популяции видно на примере группы отдельных лирических стихотворений, где iChao1 указывает на существенно больший размер популяции (~647 изданий), чем остальные методы. Использование модели не только подтверждает гипотезу о плохой сохранности этой категории изданий, но и позволяет оценить долю потерь: в библиографию вошло не более трети изданий, о существовании которых мы можем говорить с большой уверенностью.

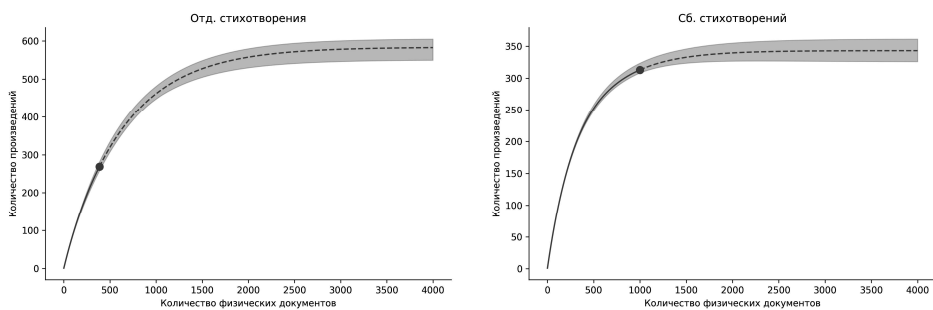


Рис. 1.3.3. Кривые аккумуляции для сборников и отдельных лирических стихотворений (1830–1850).

Соотношение между количеством ожидаемых и найденных произведений и их материальных носителей можно изобразить с помощью кривой аккумуляции (Рис. 1.3.3). Сплошной линией показано количество произведений и физических документов, включенных в библиографию; пунктирной — тех, которые по оценке модели возможно найти с определенной долей уверенности (CI, синий диапазон). При соотношении с осью абсцисс пунктирная линия сообщает, какое количество новых документов необходимо добавить для того, чтобы потенциально обнаружить новые произведения (ось ординат). Так, для лирических сборников просмотр порядка 500 книг этой категории из других коллекций позволил бы добавить около 30 сейчас не вошедших в библиографию произведений. При этом такое же количество просмотренных новых отдельно изданных стихотворений потенциально удвоит нашу библиографию в этой категории. Другими словами, большая часть отдельных брошюр не учитывается в нашей библиографии, но потенциально имеет шансы на восполнение.

Если мы разделим данные о численности на пятилетние периоды, существенных изменений в коэффициентах выживаемости для разных категорий книг не произойдет. К примеру, в течение четырех пятилетних периодов между 1830 и 1850 г., коэффициент выживаемости для сборников лирических стихотворений остается на уровне около 85%. Таким образом, сохранность поэтических книг за этот период сравнительно одинакова, несмотря на малый интерес к поэзии 1840-х гг. со стороны как современников, так и исследователей.

Отдельно взятые данные за 1835–1840 гг. также сходны с выводами, полученными из *Таблицы 1.3.2* и *Рисунка 1.3.2*. Заметно, однако, что для второй половины 1830-х гг. более высокой, чем за двадцатилетний период, оказывается сохранность альманахов (все они сохранились по меньшей мере в 2-х экземплярах, см. *Таблицу 1.3.3*), а также отдельных поэм и сборников. Уровень сохранности сборников составляет 88.8%, отдельных брошюр — 42.1% (Рис. 1.3.4).

Таб. 1.3.3. Данные о численности, полученные из библиографии поэтических книг 1835–1840 гг., и оценка количества произведений по iChao1.

Группа	f1	f2	f3	f4	Всего произведений	Количество произведений по оценке iChao1	Всего документов (печатных копий)
Альманахи	0	5	8	7	22	22	73
Сборники стихотворений	22	23	14	13	103	116	340
Отдельные стихотворения	34	10	5	2	51	121	77
Сборники поэм	1	2	1	3	15	15	66
Отдельные поэмы	13	18	13	8	60	65	166

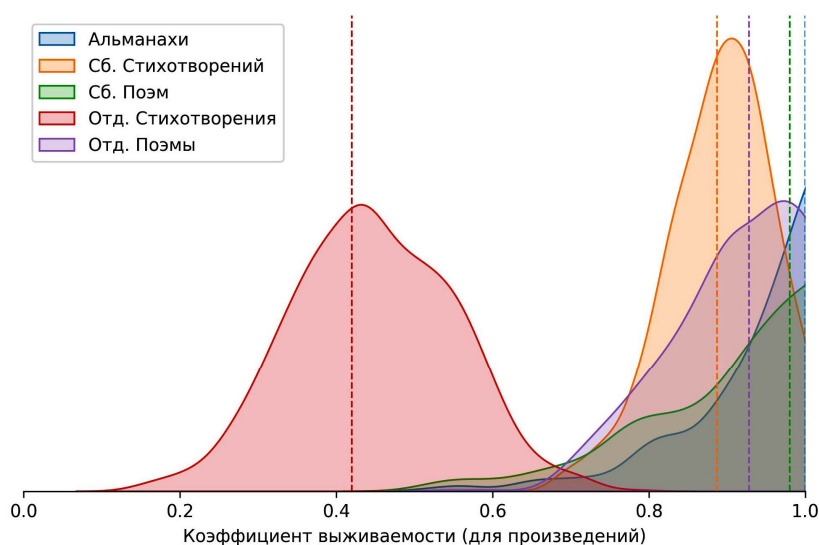


Рис. 1.3.4. Оценка выживаемости произведений (iChao1) для периода 1835–1840 гг.

Используя кривые аккумуляции, мы также можем оценить, какое количество новых произведений возможно найти при просмотре определенного количества книг из каждой категории. Так, для обнаружения неучтенных 10–15 сборников второй половины 1830-х гг. потребовалось бы обследовать еще по меньшей мере 160 физических экземпляров (Рис. 1.3.5). Собранные в библиографии отдельно напечатанные лирические стихотворения, представляют, согласно модели, по меньшей мере треть от отпечатанных в это время, и при осмотре 400 брошюр такого типа библиография может пополниться примерно вдвое. Однако оценка модели в этом случае достаточно широка: доверительный интервал (серая зона) показывает, что дополнитель-

ные физические документы могут увеличить количество произведений в диапазоне от 75 до 150 — предсказание в этом случае менее точно, чем для данных за период между 1830 и 1850.

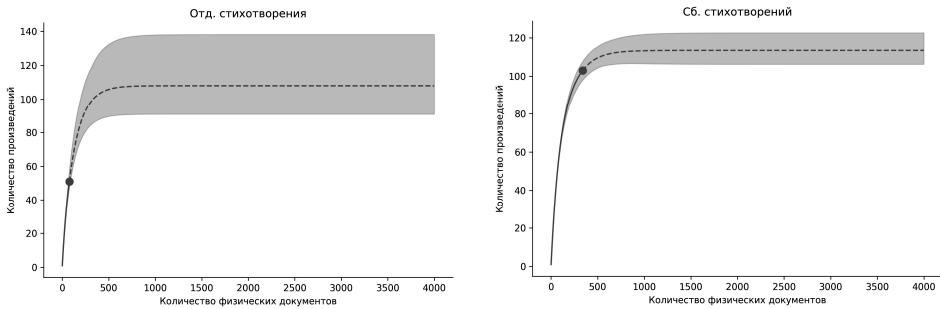


Рис. 1.3.5. Кривые аккумуляции для сборников и отдельных лирических стихотворений (1835–1840).

Предположения модели о высокой, а иногда и практически идеальной сохранности категорий изданий, преимущественно найденных в 3–4 экземплярах, может вызывать сомнения в адекватности iChao1 применительно к массовой печати. Размер тиража альманахов и сборников (как лирических, так и нарративных) мог превышать несколько десятков или сотен, поэтому мы не исключаем, что необходима дополнительная адаптация модели для оценки изданий такого типа.

Тем не менее, мы убеждены, что использованный нами метод более подходит для отдельно изданных стихотворений — брошюр, очевидно печатавшихся в очень небольшом количестве экземпляров. Эта категория изданий при этом наименее исследована, а последовательное составление библиографии в этом случае представляется исключительно трудной задачей.

Описанный эксперимент позволяет утверждать, что поэтические книги 1830–1850-х гг. сохранились в достаточной степени, чтобы действительно представлять «популяцию». При этом большая часть потерь приходится на отдельно изданные лирические стихотворения, количество которых можно оценить в 250–350 текстов (около 50 для периода 1835–1840): это число представляется не критическим с точки зрения построения корпуса. Вместе с тем довольно хорошо сохранился более важный источник текстов — сборники лирических стихотворений. Хотя это можно было бы предполагать уже из сохранности поэтических книг в коллекциях за пределами библиотеки-держательницы обязательных экземпляров, использование модели дает более точную оценку сохранности сборников на уровне около 88% — мы можем утверждать, что наша библиография не исчерпывающая, но охватывает существенное количество материала. Кроме того, и собранные сведения о коллекции Смирдина, и эксперимент с библиографией поэтических косвенно указывают на то, что сохранность печатных изданий — по крайней мере книг в стихах — не является прямой функцией

социального интереса к поэзии уже для XIX в.: несмотря на явное снижение интереса к поэзии в середине века, сохранность книг остается на высоком уровне, и лишь брошюры представляют исключение как отдельный «эффемерный» вид печати. Так, применение к вопросам библиографии и, в частности, поэтическим книгам второй трети XIX в. модели невидимых видов, как нам кажется, обогащает представления о печатной поэзии этого периода — с основанием на количественных данных, а не интуициях.

Поэзия, представляющая «архив», таким образом, действительно сохранилась на физических носителях. Однако в какой мере она соотносится с уже известной историей литературы и насколько поэтические книги 1835–1840-х гг. уже включены в «канонический» корпус — НКРЯ?

1.4. Что известно о поэтических книгах второй половины 1830-х гг.

1.4.1. Хранение vs оцифровка

В статье «Canon/Archive. Large-scale Dynamics in the Literary Field» Марк Алджи-Хьюит и его коллеги поднимают вопросы о соотношении канонических выборов и «архива» — сохранившегося, но не изученного массива текстов [Algee-Hewitt et al. 2016]. Хотя коллекции оцифрованных исторических документов и обещают открыть доступ к последним, в действительности «архивные» источники остаются недоступными даже в случае языков и культур, обладающих очень большими ресурсами: первоначальная идея Алджи-Хьюита и его коллег собрать случайную выборку в 674 романов на английском языке — из всех известных по библиографиям романов — потребовала в 2014–2016 гг. существенных усилий и не была выполнена в полной мере [Ibid.: 2]. Эта неудача заставляет обратить внимание не только на соотношение между критическими изданиями авторов «первого ряда» и остальными, но и на сам процесс оцифровки и последующего цифрового сохранения. Хотя некоторые коллекции (Google Books, Gallica) в меньшей степени подвержены этому искажению, данные о цифровых копиях книг на русском языке также соотносятся с представлениями о ценности или каноничности тех или иных групп изданий.

В нашей библиографии собраны данные о наличии⁴⁰ цифровой копии книги в открытом доступе в цифровых хранилищах библиотек. Наибольшее количество таких копий предлагает практически полностью оцифрованная Славянская библиотека Чешской национальной библиотеки (130 оцифрованных поэтических книг 1830–1850, доступных на Google Books), крупная подборка также имеется у РГБ (96). Количество оцифрованных экземпляров РНБ (крупнейшего хранилища книг этого периода) сравнимо с цифровой

⁴⁰ Наши данные отражают состояние цифровых коллекций на январь 2022 г.

коллекцией поэтических книг НБ СПбГУ, они включают 67 и 51 книгу соответственно.

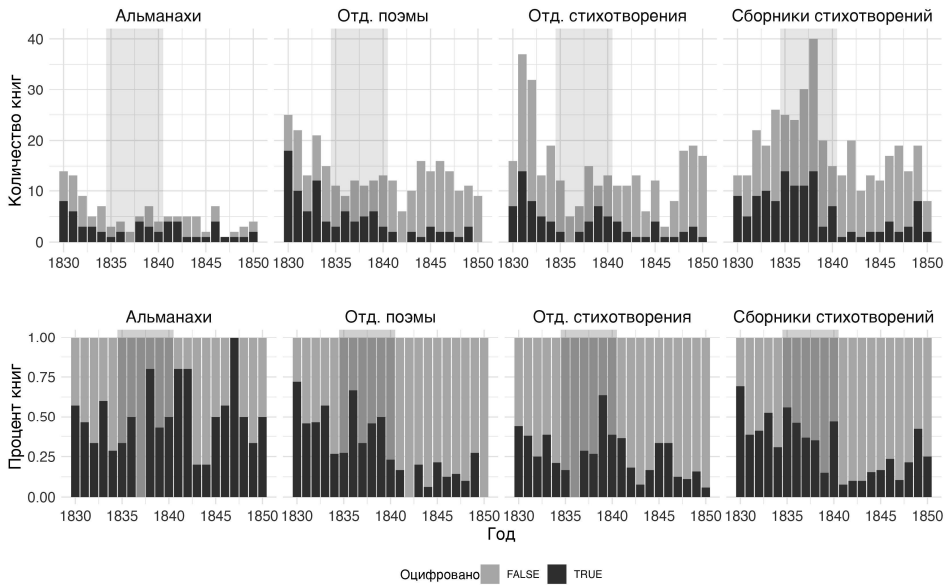


Рис. 1.4.1. Количество (верхний ряд) и доля (нижний) оцифрованных поэтических книг.

Данные о цифровых копиях суммированы на *Рисунке 1.4.1*. Более половины изданий из библиографии оцифровано только в случае альманахов: по-видимому, на оцифровку влияют в этом случае те же факторы, что и на сохранение вообще: высокое качество издания (в том числе иллюстрации) и собрание текстов разных авторов. Для остальных типов изданий можно заметить тенденцию к уменьшению доли оцифрованных документов с конца 1830-х гг. Например, для отдельно изданных поэм количество книг сравнимо для второй половины 1830 и 1840-х гг., однако процент оцифрованных экземпляров резко уменьшается с 50% для начала 1830-х гг. до 15–20% для книг 1840-х гг. Сходный спад в доле оцифрованного можно наблюдать и в случае сборников лирических стихотворений: она объясняется, вероятно, низким статусом поэзии конца 1830-х — 1840-х гг. в литературоведении.

Однако «архивная» сторона собранной нами библиографии состоит не только в недостаточной оцифровке материалов. Большая часть авторов, издавших книгу стихов во второй половине 1830-х гг., мало известна истории литературы. Так, хотя из 138 поэтов, издавших собственную книгу стихов в 1835–1840 гг., 82 (59%) имеют индивидуальную статью в словаре «Русские писатели», тексты только 29 (21%) из них включены в Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Уже из столь небольшого пересечения заметно, что НКРЯ практически не соотносим с поэтическими книгами,

отпечатанными во второй половине 1830-х гг. Более того, даже для сравнительно небольшого числа отобранных авторов, в национальный корпус включалось лишь ограниченное число текстов, а не полные сборники стихотворений (см. об этом *Главу 2*). Доля авторов, издавших книгу стихотворений и известных по публикациям в периодике, также довольно небольшая: по нашим данным, из 138 авторов поэтических книг только треть (45 авторов, 32%) также публиковала стихотворения в периодике в период между 1835 и 1840 гг.

Можно заключить, что библиография поэтических книг плохо соотносится как с периодикой, так и с поэтическим каноном, отобранным в НКРЯ, а потому представляет редкий шанс взглянуть на «архив» — срез поэтической продукции второй половины 1830-х гг., не в полной мере введенный в научный оборот.

1.4.2. Статус поэтических сборников, их особенности и авторы

Во второй половине 1830-х гг. сократилось число альманахов и повестей в стихах, в то же время увеличилась доля авторских сборников стихотворений (*Рис. 1.4.2*): наибольшее количество сборников приходится на 1837–1838 гг., затем их число постепенно снижается. Существенное увеличение таких изданий в продаже — зачастую сборников плохого качества печати и наполнения — отмечали еще современники:

Куда деваться от стихов? Где укрыться от вдохновения, которое беспрестанно проявляется в виде разнообразных книжечек, на белой и серой бумаге, с опечатками и грамматическими ошибками? За эти книжонки принимаешься с сладкими надеждами, а оставляешь их с нестерпимой скукою [СП: 1838, №194, 791].

В то время как авторы стихотворений, опубликованных в периодических изданиях, в достаточной мере соотносятся с поэтическим каноном (см. *Главу 2*), существенная часть поэтических книг этого периода принадлежит неизвестным, по-видимому, часто только «эпизодическим» поэтам, чьи стихотворения не появлялись в периодике: нам известно по меньшей мере 64 таких автора.

Вхождение неизвестных авторов в поэзию без дебютной публикации в журнале — но с дебютным сборником, как кажется, объясняется изменением статуса поэтической книги и ее автора [Гриц и др. 2001; Todd 1997]. В 1810–1820-х гг. возможность издать собственную книгу стихотворений была практически исключительно у состоявшихся поэтов: их сборники либо печатались на собственные деньги, либо покупались книгопродавцами, поскольку сулили последним финансовые выгоды [Гессен 1930; Гриц и др. 2001], в редких случаях — издавались вскладчину и на деньги патროнов [ср.: Шеля 2018]. К 1830-м гг. издание сборника стихотворений пере-

стало быть итоговой (если не финальной) точкой в творчестве поэта и потому в меньшей степени требовало от последнего устоявшейся репутации и популярности: «отчетный» жанровый сборник 1800–1810-х гг. постепенно сменяется лирической исповедью, ценной самой по себе. Авторами сборников стихотворений, в свою очередь, становились самые разные поэты: мелкопоместные дворяне [Балакин 2017], студенты и разночинцы [Рейтблат 2001: 82–97], крестьяне [Шеля 2018: 94–116].

Для авторов, издавших поэтическую книгу во второй половине 1830-х гг. (как брошюру, так и сборник⁴¹), нам были доступны биографические данные для 92 из 137 поэтов: из них 59 (42%) принадлежало к дворянству, 33 (23.9%) точно к нему не относилось; для остальных 33% авторов сведения о сословной принадлежности были нам недоступны, однако можно полагать, что в ряде случаев они также не были дворянами. Хотя в нашем распоряжении нет сравнимых количественных данных об авторах поэтических сборников 1810–1820-х гг., можно с высокой долей уверенности говорить, что большинство книг этого времени принадлежало поэтам-дворянам. Высокая доля — практически четверть — поэтической продукции, восходящей к не-дворянам, во второй половине 1830-х гг. является прямым свидетельством демократизации литературы и увеличением доступности печати.

Можно полагать, что в это время издание собственной книги становится доступнее для неизвестных авторов из-за снижения стоимости бумаги, набора и печати [Захаров 1973: 77–79], однако большинство авторов опубликовало в указанный период только одну книгу. Редкие исключения представляют, например, издатели альманахов Н. И. Бобылев и В. А. Владиславлев, а также представители «низовой» литературы — И. И. Данков [о нем: Рейтблат 1992] и А. М. Пуговишников [Виницкий 2007] — издававшие небольшие книжки с прямой целью заработка. Отметим также, что издание в это время трех книг Бенедиктовым (1835, переиздание 1836, 1838), действительно отражает высокий, хотя кратковременный, спрос на его сочинения.

⁴¹ Если рассматривать только сборники лирических стихотворений, распределение остается примерно таким же: 43 (42%) автора-дворянина, 24 недворянского происхождения (23.8%), 34 (33.7%) — неизвестно.

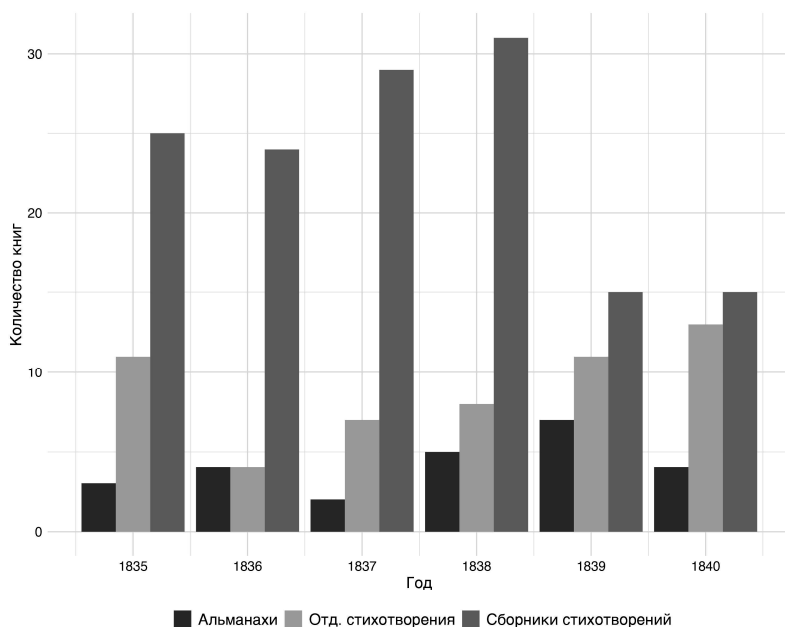


Рис. 1.4.2.а. Количество поэтических книг, содержащих лирические стихотворения и опубликованных в 1835–1840 гг.

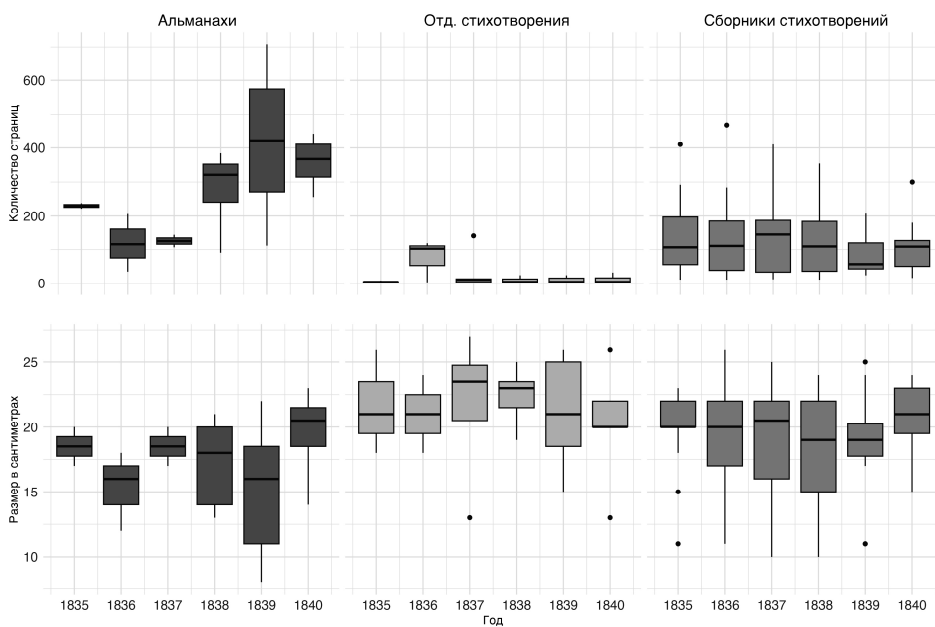


Рис. 1.4.2.б. Распределение количества страниц и размера в сантиметрах для разных групп изданий.

По нашим данным в период с 1835 по 1840 г. из печати вышло 218 изданий, содержащих лирические стихотворения: 139 сборников, 54 брошюры с отдельными стихотворениями и 25 альманахов⁴². Достаточно стабилен во второй половине 1830-х гг. формат сборника лирических стихотворений: это книга в среднем в 110 страниц обычного формата в 8-ю долю листа (~19–20 см)⁴³, содержащая в среднем 20–30 стихотворений. С учетом переизданий⁴⁴, во второй половине 1830-х гг. несколько сборников стихотворений издали Пушкин («Поэмы и повести» в 2 ч., 4-я ч. «Стихотворений»), И. А. Крылов (переиздания басен), Бенедиктов (2 сборника, 1 переизд.), а также А. И. Полежаев (1 сб., 2 переизд.); среди малоизвестных авторов — М. А. Демидов (3), А. М. Зилов (3), М. И. Максимов (3), А. И. Пуговишников (3).

Для отдельно изданных стихотворных брошюр количество страниц ожидается очень мало, однако заметно, что из них сохранились, как правило, большие листовки (20–25 см). Часто это отдельные оттиски, приуроченные к различным событиям и преподнесенные высокопоставленным лицам⁴⁵, ср.:

«Стихи на освящение Собора всех учебных заведений в России июля 20 дня 1835 года» (Хвостов Д. И., СПб., 1835)

«Гимн на восшествие Государя Императора Николая 1-го на Всероссийский престол. Написана Хрисанфом Харинским» (СПб., 1839)

«С радостными чувствами благоговения, жданный 1840 год. Соч. <в стихах> Александра Орлова» (М., 1840)

⁴² Мы не включали посмертные издания и переиздания «классиков» русской литературы, выходящие во второй половине 1830-х гг. (например, издания стихотворений А. Д. Кантемира, басен И. И. Хемницера и т. д.).

⁴³ Средние значения показаны в ящичковых диаграммах жирной горизонтальной линией внутри ящичка. Объем ящичка указывает на распределение 50% всех данных, а длина усов — дополнительные 24.5% распределения. Выбросы (outliers), находящиеся за пределами основного распределения, показаны точками. К примеру, для сборников лирических стихотворений (колонка справа), основная (50%) масса значений лежит между 25 и 200 страницами между 1835 и 1838 гг., а затем снижается до диапазона между 25 и 100. В исключительных случаях сборники содержали более 300 страниц (показаны точками) — это, как правило, малоформатные издания: например, «Басни Ивана Крылова» (СПб., 1837) размером 10 см, включающие 410 страниц.

⁴⁴ Прижизненные переиздания включались в библиографию поэтических книг, однако тексты из переизданий одной и той же книги вносились в Корпус-1835 только один раз.

⁴⁵ Издания этого типа, по-видимому, имеют наибольший шанс на выживание в составе конволютов. Последний, однако, предполагает определенный отбор в коллекцию, например, по жанровому признаку (ср. конвolut РНБ под шифром 18.153.2.3, собирающий оды и посвящения высокопоставленным лицам, в том числе, например, стихотворение В. Барановского «Портрет Д. А. И. Р.-Л.», отпечатанное в Одессе в 1838 г. (<https://web.archive.org/web/20230124192558/https://vivaldi.nlr.ru/bx000010159/view/#page=10>)).

Согласно архивным данным, в цензуру отдавалось большое количество таких стихотворений, однако их дальнейшая судьба зачастую неизвестна⁴⁶. Среди авторов, выпустивших несколько брошюр такого типа в 1835–1840 гг., можно указать на А. А. Орлова⁴⁷ (3), Ф. Н. Глинку (2), Д. И. Хвостова (2) и С. Д. Мысовского-Светогорского (2).

Противоположное соотношение количества страниц и размера представляют альманахи: объемные коллективные подборки небольшого формата, в конце 1830-х гг. еще остававшиеся «карманными» книжками. Хотя история альманахов этого периода подробно описана⁴⁸, отметим, что в это время появляется сразу несколько «авторских» альманахов — неперIODических сборников одного автора, названных «альманахом»⁴⁹. По заключению У. Тодда эта форма была наименее рискованной и дешевой: альманахи были популярны и могли принести финансовую выгоду [см. также: Рейтблат 2001: 82–83], однако перестали планироваться как периодические издания [Todd 1997: 48]. Примером такого альманаха может быть, например, «Цевница» П. Я. Шаршавого (СПб., 1837) [Смирнов-Сокольский 1965: 195; Балакин 2017], и альманах Н. Анордиста (Альманах на 1840 год. М., 1840; настоящее имя автора — Н. К. Радостин [Рейтблат 2001: 95])⁵⁰.

Таким образом, поэтические книги этого периода представляют достаточно разнородный материал: от вполне стандартных по формату и устройству авторских сборников «канонических» авторов — до случайных листовок неизвестных авторов или их «дебютных» сборников, в некоторых случаях даже замаскированных под альманахи.

1.4.3. Города и типографии

Абсолютное большинство включенных в библиографию поэтических книг было напечатано в Петербурге (103)⁵¹ или в Москве (89). В единичных случаях встречались издания, напечатанные в крупных губернских центрах

⁴⁶ Приведем в пример несколько изданий, получивших цензурные билеты, однако не обнаруженных нами ни в реестрах библиотеки Смирдина, ни в современных коллекциях: сборник стихотворений «Урна, стихотворения Алексева. От студента Медико-хирургической академии Сокольского. 28 стр.» [ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 1. Д. 136. Л. 66 об.]; отдельные брошюры — «Стихи для конфект. От мещанина Сергея Солодовникова» [Там же: Л. 85 об.]; «Поздравительные стихи с новым годом на русском языке. От московского мещанина Анисима Сергеева. 2 стр.», «Поздравительные стихи на 1838 год от Швейцара Немецкого клуба. 2 стр» [РГИА. Ф. 772. Д. 957. Л. 158].

⁴⁷ О нем как представителе низовой литературы см.: [Рейтблат 2001: 171–175].

⁴⁸ [Смирнов-Сокольский 1965], см. также библиографию: [Рейтблат 2001: 288].

⁴⁹ Более ранние примеры этого явления описаны в [Рейтблат 2001: 94–97].

⁵⁰ В нашей базе данных эти издания учитывались как индивидуальные сборники стихотворений.

⁵¹ О широком развитии книгоиздания в Петербурге и моде на книги именно из северной столицы в этот период см., например: [Гриц и др. 2001: 204].

(Ярославль (3), Смоленск (1)), а также ряд книг, напечатанных в Украине: в Одессе (3) и в университетских типографиях Харькова (4) и Киева (2). Единичные примеры поэтических книг на русском языке происходят из западных губерний — эстляндской, лифляндской и виленской (по одной книге, отпечатанной в Ревеле, Дерпте, Вильно). Можно думать, что и книжное производство, и основные потребители поэтической продукции были сконцентрированы в двух столицах империи. Не стоит, впрочем, совершенно исключать и того, что наши данные отражают систематическую ошибку выжившего: в то время как учтенные нами библиотечные коллекции сфокусированы на книгах, изданных в Москве и Петербурге, за пределами библиографии могли остаться сборники стихотворений и в особенности отдельные брошюры, напечатанные в губернских городах и не дошедшие до столичных библиотечных хранилищ.

Динамика публикаций поэтических изданий в московских и петербургских⁵² типографиях, наиболее значительных для второй половины 1830-х гг. (более 4 книг), показана на *Рисунке 1.4.3*. Линии на графике представляют кумулятивную сумму поэтических книг, включенных в библиографию для каждой типографии в период между 1830 и 1850, серым цветом подсвечен период между 1835 и 1840 г.

Среди московских типографий можно выделить семь, пользовавшихся наибольшей популярностью у издателей и авторов поэтических сборников: это типографии Московского университета (15 книг за 1835–1840 гг.) и Лазаревского института восточных языков (11), а также типографии А. Семена (18), Н. С. Селивановского (8), Кирилова (12), Смирнова (6) и Степанова (11).

Типография Московского университета была одной из крупнейших на тот момент в России, при этом печать в ней обходилась дешевле, чем в типографиях А. Семена и Н. С. Селивановского [Клейменова 1991: 72–88]. Большое число поэтических сборников было издано также в типографии Семена, отличавшейся высоким качеством печати и, как можно предположить, более высокой ее стоимостью [Клейменова 1991: 109–110; Markova 2011]⁵³. Однако типография Н. С. Селивановского (сына С. И. Селивановского, которому после смерти отца перешло его дело) уже, по-видимому, не обладала высоким авторитетом и во второй половине 1830-х гг. там печатались в основном сочинения неизвестных авторов (например, Карманова,

⁵² Всего в библиографию входят 12 московских и 35 петербургских типографий. Прямым следствием из этого является то, что по нашим данным в петербургских типографиях за период 1835–1840 гг. в среднем печатали по 1–2 поэтические книги на типографию; в случае московских типографий это число несколько выше — порядка 7 книг на типографию.

⁵³ В типографии Семена было издано, например, двухтомное собрание стихотворений Баратынского (1835); однако наиболее известное и значительное издание Семена в этот период — «Живописное обозрение», издаваемое совместно с Н. А. Полевым [Markova 2011].

Аполлона де ***, И. Карелина). Среди типографий, открытых в 1820–1830-е гг., большое число поэтических сборников было опубликовано в типографии Степанова (там также издавался журнал «Телескоп»), а также в типографии Кирилова, открывшейся в 1836 г. [Клейменова 1991: 112–113].

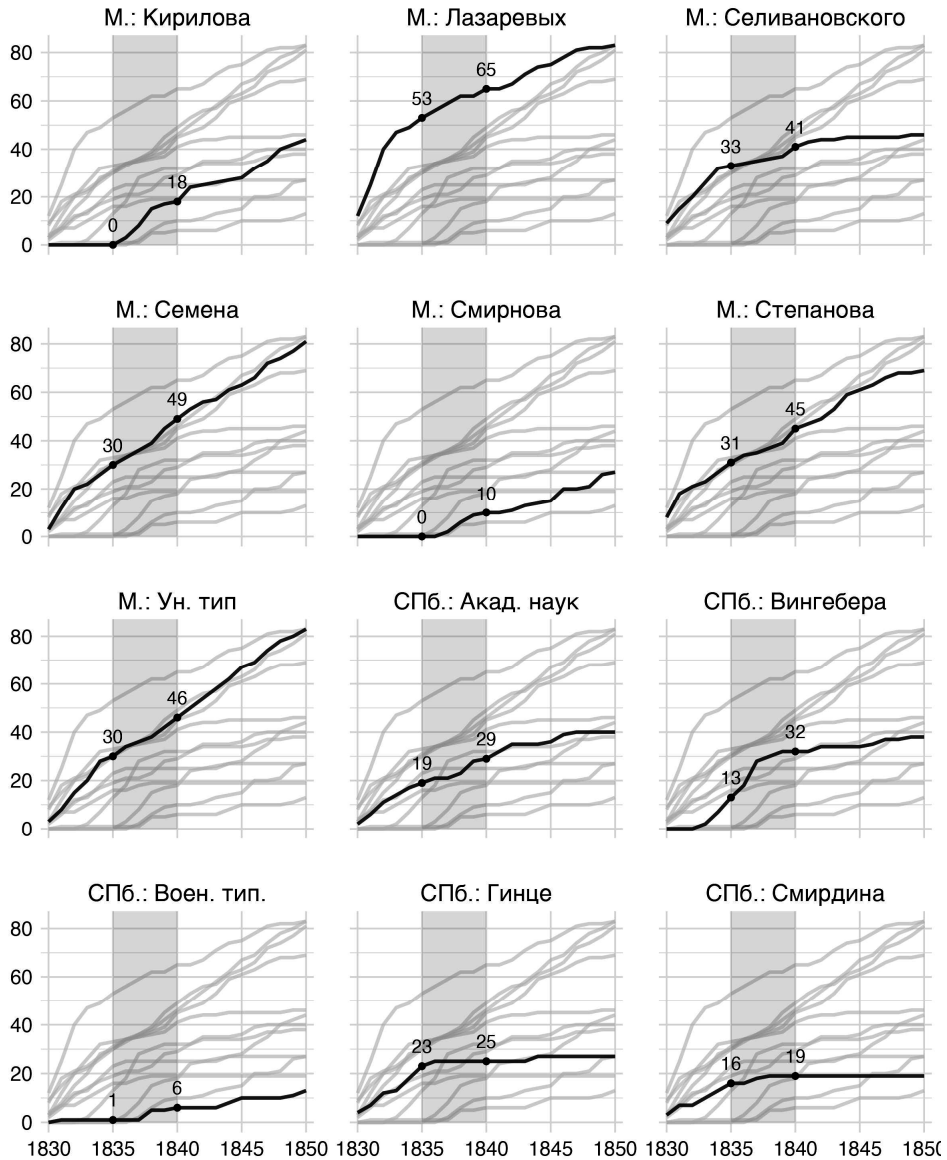


Рис. 1.4.3. Кумулятивная сумма поэтических книг, напечатанных в наиболее популярных типографиях. Серым показан период между 1835 и 1840 гг.

Заметный из *Рисунка 1.4.4* рост количества книг вплоть до 1850 гг. в московских типографиях по сравнению с петербургскими указывает на долгосрочную работу и в случае, например, типографий Семена и Селивановского, известность ряда московских типографов. Увеличение числа отпечатанных поэтических книг не столь заметно для петербургских типографий: в тех из них, что были активны во второй половине 1830-х гг., в 1840-х гг. практически не издавалось поэтических сборников.

Наибольшей популярностью среди авторов поэтических сборников, издававших свои сочинения в Петербурге, пользовалась типография Конрада Вингеберга (19 книг). История этой типографии, однако, не описана ни в одном из известных нам источников [ср.: Захаров 1973]. Ряд поэтических сборников был издан в ведомственной типографии Императорской Российской Академии, наибольшая издательская активность которой приходится на 1830-е гг. [Файнштейн 1990; Захаров 1973]. Чаще всего это были сочинения, получившие поощрение от Академии: «Стихи бедной девицы <Анисимовой>, слепой дочери бедного пономаря, сообщенные в Российскую академию, и от ней изданные» (1838), «Стихотворения Елизаветы Шаховой» (1839), «Полное собрание Русских, Немецких и Итальянских Стихотворений Елизаветы Кульман» (1839), «Новые досуги сельского жителя» Ф. Н. Слепушкина (1840). Среди «престижных» типографий, несомненно, выделяется типография Смирдина, деятельность которой, однако, останавливается к концу 1830-х гг. (ср. плато на *Рисунке 1.4.4* после 1837 г.) [Гриц и др. 2001: 277–280].

Хотя количество сборников, изданных в Москве и Петербурге во второй половине 1830-х гг., вполне сопоставимо, перечень петербургских типографий оказывается гораздо более широким, что указывает на большее, чем в Москве, разнообразие книгопечатен. Следует, однако, подчеркнуть, что эта разница менее существенна, чем разница в количестве книг, вышедших из типографий в Москве или Петербурге и в других городах империи: поэтические книги этого времени печатались практически исключительно в типографиях двух столиц, при этом в 1840-х гг. они, можно полагать, вышли из моды и в Петербурге. Это может объясняться целым рядом сложных факторов, однако не в последнюю очередь связано со сосредоточением в Петербурге и Москве не только типографий, но и распространителей и потребителей специфической поэтической продукции.

1.4.4. Рецензии на сборники в критике 1830-х гг.

Поскольку многие поэтические книги, собранные в библиографию, мало известны литературоведам, мы попробовали уточнить наши данные, собрав отзывы критиков на эти издания. Основной целью сбора отзывов было оценить, какая доля печатной поэзии второй половины 1830-х гг. обозревалась в критике, были ли рецензии в подавляющем большинстве негативными в связи с понижающимся статусом поэзии.

Нами было собрано 343 отзыва⁵⁴, в которых упоминается 137 книг из библиографии (62% всех книг). Наибольшее число отзывов получали коллективные издания (альманахи) — рецензии найдены для 19 из 25 (76%), а также авторские сборники стихотворений (105 из 139, 75.5%); лишь в редких случаях в критике находятся упоминания отдельно изданных стихотворений (13 из 54, 24%).

Отзывы вручную были условно разделены на положительные, нейтральные и отрицательные. Так, из 343 отзывов большую часть составляли отрицательные (186 отзывов), положительная оценка высказывалась примерно в 40% отзывов (132 положительных отзывов). При этом разные издания и критики имели различную стратегию рецензирования. В *Таблице 1.4.1* приведены данные о количестве рецензий на поэтические сборники, найденные в каждом издании.

Таб. 1.4.1. Количество отзывов на поэтические книги в периодике 1835–1841 гг.

Источник	Всего отзывов	Положительных		Нейтральных		Отрицательных	
БдЧ	82	26	31.7%	5	6.09%	51	62.2%
ЖМНП	30	22	73.3%	2	6.7%	6	20%
СО	53	21	39.6%	2	3.8%	30	56.6%
Современник	58	16	27.6%	–	–	42	72.4%
СП	55	28	50.9%	6	10.9%	21	38.2%
Телескоп	12	3	25%	–	–	9	75%
ОЗ	44	16	36.4%	2	4.5%	26	59.09%

Благосклонные отзывы характерны для Журнала Министерства народного просвещения (ЖМНП): будучи официальным органом, журнал прямо отказывался от участия в литературной полемике⁵⁵ [ППК 2008: 572]. Относительно осторожной была и критика, помещенная в «Сыне Отечества» (СО) и «Северной пчеле» (СП)⁵⁶.

Наибольшее количество отзывов, с преобладанием среди них отрицательных, было напечатано в «Современнике» и «Библиотеке для чтения» (БдЧ). В случае «Современника» это, видимо, объясняется программной

⁵⁴ Мы включили в это число как полноценные рецензии, так и краткие упоминания, выражающие какую-либо оценку со стороны критика. Из всех найденных рецензий только одна относится к книге, экземпляр которой не был обнаружен нами в современных хранилищах (*Яковлев А. Двенадцать басен*. СПб.: Вингебера, 1839).

⁵⁵ Отметим также, что одним из сотрудников ЖМНП был поэт и критик Ф. Менцов, отзывы которого также отличались крайней сдержанностью [Ильин-Томич 1999].

⁵⁶ Об отчасти сходной специфике «беззубой» театральной критики в СП, см.: [Федотов 2016: 38–39]. Ср. также полемическую статью Гоголя о непоследовательности и непрофессионализме критики в СП и СО [Гоголь 1836: 202–204]; об этой статье, см.: [Рейфман 1996].

позицией журнала относительно необходимости профессиональной критики [Рейфман 1996]. Критический раздел *БдЧ* представлял в этом отношении противоположность: раздел «Литературная летопись» имел отчасти развлекательный характер и часто лишь высмеивал отдельные сочинения [Каверин 1966: 152–153, 171–182; Todd 1997: 56; Гриц и др. 2001: 267–269; Зыкова 2005: 80–83, 123–125]. Заметим, однако, что именно в *БдЧ* при этом помещено наибольшее количество отзывов — «летопись» делала видимым большое число современных изданий для широкого числа подписчиков⁵⁷.

Несмотря на большое количество найденных отзывов, нужно подчеркнуть, что журнальные критики рецензировали разные книги: немногие из изданий получили более трех откликов. Обратим внимание на сборники, получившие более четырех откликов в каждом году.

Таб. 1.4.2. Издания с наибольшим числом отзывов за каждый год.

Год издания	Название книги	Количество отзывов			
		Положительных	Нейтральных	Отрицательных	Всего
1835	Стихотворения Владимира Бенедиктова	3	–	1	4
1835	Стихотворения Алексея Кольцова	3	1	–	4
1835	Тимофеев А. В. Песни	2	–	2	4
1836	Стихотворения Владимира Бенедиктова / Изд. 2-е	2	–	2	4
1836	Стихотворения Алексея Мейснера	2	–	2	4
1837	Повести и мелкие стихотворения А. Подолинского	4	–	0	4
1837	Стихотворения Лукьяна Якубовича	3	–	1	4
1837	Стихотворения Константина Бахтурина	2	–	2	4
1837	Стихи Е. Бернета	2	–	2	4
1837	XII сонетов С. Стромиллова	–	2	2	4
1838	Стихотворения В. Бенедиктова. Кн. 2	3	–	2	5
1838	Альманах на 1838 год составленный из литературных трудов и проч. Владиславлева	4	–	0	4
1838	Утренняя заря Альманах Владиславлева на 1839 год. 1-й год	4	–	0	4

⁵⁷ Ср. о критике, помещаемой в *БдЧ*: «Все ознакомились с моей книгой благодаря статье “Библиотеки для чтения”, составлявшей в 1839 году принадлежность каждого мало-мальски грамотного русского дома» [Русский вестник: 1872, т. 102, №2, 679–680; см. также: Каверин 1966: 122–123].

Год издания	Название книги	Количество отзывов			
		Положительных	Нейтральных	Отрицательных	Всего
1838	Плоды вечерних безделок, сочинение Ивана Раевича	–	–	4	4
1838	Марков М. А. Мечты и были	3	–	1	4
1838	Стихотворения Д. Сушкова: Первая книжка	2	–	2	4
1839	Стихотворения Елизаветы Шаховой	6	–	–	6
1839	Одесский альманах на 1840 год	5	–	–	5
1839	Опыты в Русской Словесности воспитанников Гимназии Белорусского Учебного Округа. Напечатанные по приказанию Г. Министра Народного Просвещения	5	–	–	5
1839	Одесский альманах на 1839 год	3	–	1	4
1839	Новогодник, собрание сочинений в прозе и стихах, современных русских писателей изданный Н. Кукольником	3	–	1	4
1839	Мысовский-Светогорский С.Д. Мысль о бессмертии: [Стихотворение]	3	–	1	4
1839	Невский альбом. Литературный сборник, издаваемый Николаем Бобылевым	2	–	2	4
1840	Утренняя заря: Альманах Владиславлева на 1840 год. 2-й год	6	–	–	6
1840	Мечты и звуки. Стихотворения Н.Н.	4	–	1	5
1840	Стихотворения Александра Папкевича	–	–	4	4
1840	Невский альбом, издаваемый Николаем Бобылевым. Год второй. Т. 1	3	–	1	4
1840	Мои счастливейшие минуты в жизни: Стихотворения кн. Александра Ивановича Долгорукого	–	1	3	4
1840	Новые досуги Федора Слепушкина	2	–	2	4

Большое число положительных отзывов за каждый год получают коллективные издания и, в частности, альманахи: характерными примерами могут служить многочисленные отзывы на «Одесский альманах на 1840 год» (издавался Д. М. Княжевичем в Одессе)⁵⁸ и альманах «Утренняя заря на 1840 год» Владиславлева. Оба альманаха привлекали читателей и критиков как качественным оформлением и литографиями, так и хорошими подборками стихотворений и прозы⁵⁹.

Персональные поэтические сборники заслуживали менее единогласные оценки критиков. Наиболее показательна в этом отношении динамика отзывов на книги Бенедиктова — от однозначного одобрения в 1835 г. до поляризованных отзывов в 1838 г. К 1838 г. Бенедиктов уже теряет популярность: среди негативных отзывов на сборник — статья Н. Полевого в «Сыне Отечества» [СО: 1838, т. 2, отд. 4, 86–96] и анонимный отзыв в «Северной Пчеле» [СП: 1838, № 14, 55], где поэзия Бенедиктова обвиняется в недостатке мысли и «невыдержанности»⁶⁰.

Среди коллективных изданий наиболее восторженные оценки критиков 1839 г. вызвал сборник «Опыты в русской словесности воспитанников гимназий Белорусского учебного округа» (Вильна, 1839). Это, по всей видимости, было связано с положительной правительственной⁶¹ и персональной монаршей оценкой издания. Обстоятельства публикации этого сборника и «благосклонное принятие» его императором и министром народного просвещения С. С. Уваровым описаны в статье П. Лавринца [Лавринец 2007], однако рецензии на сборник в критике им не рассматривались. Крайне благожелательные развернутые отзывы на «Опыты...» отражают восприятие столичными критиками книги, воплощающей успех уваровской политики: рецензии на «Опыты...» почти не разбирают сочинения гимназистов, а дают повод для рассуждений об истинной «русскости» западных губерний империи⁶², проявлении в поэтических опытах гимназистов самого духа русской поэзии [см.: ОЗ: 1839, т. 5, отд. 7, 1–10; СО: 1839, т. 10, отд. 4, 59–60; ЖМНП: 1839, ч. 22, № 3, 74–82; СП: 1839, № 183, 731; БдЧ: 1839, т. 36, 1–15].

⁵⁸ Краткий обзор украинских альманахов см. в [Рудь 1978].

⁵⁹ В случае «Утренней зари», однако, существует ряд свидетельств о повышенном интересе к альманаху в связи со служебным статусом Владиславлева (в годы выпуска альманахов — начальника штаба жандармского корпуса Л. В. Дубельта), ср.: «По словам современников, III Отделение способствовало распространению альманахов Владиславлева, сделав их для многих учреждений обязательными» [Лемке 1909: 126]; об альманахе см. также: [Гриц и др. 2001: 151–152; Смирнов-Сокольский 1965: 204].

⁶⁰ Примечательно, что анонимный рецензент *СП*, говоря о невозможности подробно обсуждать сборник в газете, отсылает к более подробной (и также негативной) рецензии Полевого в *СО*.

⁶¹ См. отдельное упоминание С. С. Уварова и его «триады» в рецензии на сборник в *СО* [СО: 1839, т. 10, отд. 4, 59–60].

⁶² Ср. развернутое рассуждение о Литве как изначально русской земле, захваченной поляками и «европейскими дикарями» латгальцами и земгальцами [ОЗ: 1839, т. 5, отд. 7, 1–10].

С вниманием императорской семьи связано и обращение критиков к другому сборнику — изданию стихотворений Елизаветы Шаховой (СПб., 1839). Эта полноценная книга стихов в 120 страниц была издана Российской академией после успеха Шаховой на литературном поприще (ср. ее первый миниатюрный сборник «Опыты в стихах пятнадцатилетней девицы Шаховой» (СПб., 1837, 23 стр.)). Издание 1839 г. было поднесено Николаю I, который в ответ пожаловал поэтессе бриллиантовые фермуар и серьги [Аксененко 2006: 344]. Критики хвалили мастерство версификации и развивающийся талант Шаховой [СП: 1839, № 254, 1015; Современник: 1840, т. 17, 65–67], при этом все же высказывая снисходительные оценки к «женской» поэзии вообще [СО: 1839, т. 11, отд. 4, 38–41].

Широкое обсуждение в критике по большей части идеологически одобряемых сочинений заставляет обратить внимание на исключение из этого паттерна — большое количество отзывов на первый сборник Некрасова «Мечты и звуки» (СПб., 1840). Как уже отмечалось, сборник был в целом благосклонно встречен критикой [Макеев 2008: 36], а судя по количеству отзывов, книга была в целом заметна на фоне прочих поэтических сборников 1840-го г. Разумеется, поэтические новинки этого года не были достаточно конкурентоспособны: «Стихотворения Н. Н.» обсуждались в критике наряду со сборниками А. Папкевича, А. В. Долгорукого и Ф. Н. Слепушкина.

Однако укажем отдельно, что видимость сборнику «Н. Н.», возможно, придавала его реклама в «Северной пчеле»⁶³, где объявление о продаже сборника в 1840 г. появляется 6 раз. Для сравнения, объявление о продаже сочинений Пушкина в 1840 г. опубликовано 12 раз, Марлинского — 7, альманаха Владиславлева — 5, стихотворений Лермонтова — только 4 раза. Можно осторожно предполагать, что Некрасов действительно прилагал усилия для «продвижения» своего сборника — реклама является еще одним подтверждением интерпретации этого сборника как «коммерческого проекта» [Макеев 2008: 12–31].

Количественное обозрение отзывов на сборники второй половины 1830-х гг. позволяет говорить о достаточно небольшой видимости поэтических книг этого периода в критике: у рецензентов, по всей видимости, не было прямой задачи последовательно обзирать выходящие стихотворения, что оставляло часть книг неизвестных поэтов без внимания. Вместе с тем критика этого времени в ряде случаев прямо выполняла начальственный заказ (ср. внимание к сборникам Российской академии и в особенности к «Опытам в русской словесности...»), а не давала открытые эстетические оценки. В этом отношении заметно отличие критики, помещаемой с 1839 г. в «Отечественных записках», знаменующее переход к следующему этапу в истории русской журналистики.

⁶³ Раздел рекламных объявлений, графически выделенный на последней странице каждого номера, появился в *СП* в 1838 г.

На этом этапе анализа становится возможно перейти от библиографии и оценки объема книжной популяции к более традиционным историко-литературным сюжетам. Предпринятый в этой главе обзор был призван показать, на каких основаниях может быть построен корпус текстов, претендующий на охват широкого поэтического материала. Мы можем заключить, что собрание более объемного, чем НКРЯ, корпуса поэтических текстов второй половины 1830-х гг. возможно благодаря сохранившимся источникам, в действительности приближающимся к «популяции» в статистическом смысле слова: по крайней мере в отношении сборников лирических стихотворений нами собрана библиография для 80% напечатанных книг. Существенная часть этих книг никогда не составляла материала для исследования и, как видно из отзывов в критике, вызвала сдержанный интерес даже у современников. Хотя нам доступна только часть цифровых копий поэтических книг 1835–1840 (104 из 218), даже эта часть представляет неизученный и непрочитанный поэтический «архив». В следующих главах мы будем изучать эти «архивные» тексты в сравнении с хорошо известными образцами поэтического языка первой трети XIX в. Однако, прежде чем перейти к этому сравнению, необходимо понять, что представляют собой те стихотворения второй половины 1830-х гг., которые дошли до современного читателя и отразились в академическом каноне.

ГЛАВА 2. Журнальная поэзия

Задача подготовить «полный» корпус поэзии определенного периода неизменно приводит к вопросу о соотношении сложившегося «канонического» корпуса этого периода и «архива» — доступного массива печатной продукции, сохранившегося в библиотеках и книжных коллекциях [Algee-Hewitt et al. 2016: 2]. Собранные нами в библиографию поэтические книги (см. *Гл. 1*) в этой терминологии представляют «архив»: авторы книг и помещенные в сборники стихотворения часто неизвестны исследователям и не прямо соотносятся с описанной литературоведами историей литературы. Положение этих поэтов можно оценить по 1) доле тех, которым посвящена статья в словаре «Русские писатели», 2) представленности их текстов в НКРЯ — и сравнить эти данные с такими же по периодике.

Таб. 2.0.1. Сравнение количества поэтов, известных по источникам 1835–1840 гг. и включенных в канонические подборки.

Корпус	Количество авторов (100%)	Имеют статью в словаре «Русские писатели»	Включены в Поэтический подкорпус НКРЯ
Периодика 1835–1840	191	133 69.6 %	62 32.9 %
Поэтические книги 1835–1840	138	82 59.4 %	29 21.0 %

Как уже отмечалось в *Главе 1*, хотя отдельные статьи имеются для значительной части обнаруженных нами авторов отдельных книг, лишь очень небольшая часть поэтов (21%) включена в НКРЯ. Это соотношение несколько выше для поэтов, которые печатали свои стихотворения в периодических изданиях: из известных нам 191 в НКРЯ включены 62 (т. е. 32.9 %).

Большее число пересечений между периодикой и НКРЯ не связано с тем, что критические издания (источники НКРЯ) ориентировались на журнальные публикации 1830-х гг. Как правило источники текстов восходят к рукописям или к прижизненным сборникам стихотворений и лишь в немногих случаях тексты даются по публикациям в периодике⁶⁴ [Поэты 1820–1830: I, 695].

Вопрос об источниках текстов отражает сложность процесса канонизации авторов: отбор стихотворений в журналы был первой ступенью в обретении литературной репутации, которая затем могла влиять на известность сборника стихотворений. В этой траектории собрание отдельных

⁶⁴ Ср. в качестве исключения набор текстов Н. С. Тепловой, архив которой плохо сохранился и стихотворения отчасти воспроизводятся в *БП* по периодическим изданиям 1830-х гг. [Поэты 1820–1830: I, 769–771].

стихотворений в сборник служит важной «итоговой» точкой и для исследователей, обращающихся к редакциям стихотворений в сборниках как более авторитетным⁶⁵. Иначе обстоит дело, когда поэт дебютирует сборником, а не с серией публикаций в журналах: и сами поэты, и впоследствии исследователи видели в дебютных сборниках конца 1830-х гг. малопоказательные первые опыты. Тексты из таких книг часто не воспроизводятся в критических изданиях в основном составе корпуса [ср.: Фет 1959: 710–711; Некрасов 1967: 593–594]. Можно предполагать, что для ситуации второй половины 1830-х гг. последовательные неанонимные публикации в периодике имеют больший символический статус как для современников, так и для исследователей, чем издание отдельной книги стихотворений.

В этой главе корпус стихотворений из периодики будет рассматриваться отдельно от сборников стихотворений как более близкий к исследовательскому представлению о лирике второй половины 1830-х гг. Мы рассмотрим «журнальную» поэзию в соотношении с уже существующей подборкой НКРЯ и обсудим, может ли сложившийся историко-литературный нарратив обогатиться за счет более полной подборки текстов из периодики.

2.1. Поэтический подкорпус НКРЯ как «каноническая» выборка

В контексте исследования русской поэзии XIX в. мы принимаем в качестве «канонической» подборки Поэтический подкорпус НКРЯ. Хотя его составители отмечают, что подкорпус «не задумывался как собрание “канонических” произведений» [Корчагин 2015: 236], источники текстов в этом разделе НКРЯ прямо отражают ориентацию на сложившийся академический канон и определенное представление о «единой иерархии литературных достижений» в поэзии XIX в. [Там же: 235].

Подборка НКРЯ за XVIII–XIX вв. во многом опирается на принципы сбора материала, сформулированные М. Л. Гаспаровым в «Современном русском стихе»: выбираются критические издания и антологии (прежде всего — из серии «Библиотека поэта», далее *БП*), объединяющие тексты по внеметрическим признакам [Гаспаров 1974: 41–42]. При этом подборки НКРЯ и Гаспрова находят ряд отличий: так, в НКРЯ как правило включались тексты из «Большой серии» *БП* (у Гаспарова — из «Малой»); источники текстов XVIII–XIX в. в НКРЯ представлены практически исключительно научными изданиями второй половины XX — начала XXI в. Это связано как со сложностью автоматической обработки и разметки печатных

⁶⁵ Нужно заметить, что ориентация на сборники тем не менее сохраняется в случае выбора источника текста для стихотворений, опубликованных в периодике, а затем в дебютном сборнике: здесь составители также могут опираться на сборник в большей степени, чем на периодику, ср. [Некрасов 1967: 641–642].

изданий XVIII — начала XX в., так и с появлением новых критических изданий [Корчагин 2015: 235].

В имеющейся в нашем распоряжении версии НКРЯ (август 2021 г.) 1212 стихотворений датировано между 1835 и 1840 г., либо отмечено диапазоном дат, где верхняя граница датировки приходится на этот период. Датировки в поэтическом подкорпусе являются датами написания, восходящими к критическим изданиям [Гришина и др. 2009: 77], где традиционно реконструируются даты создания определенной редакции текста. Дата публикации используется, таким образом, лишь в исключительных случаях, когда отсутствуют иные источники датировки. В связи с этим стихотворения, опубликованные в периодике между 1835 и 1840 гг., в НКРЯ как правило будут датированы началом 1830-х гг. Учитывая разницу в принципах датировки в НКРЯ и в нашем корпусе, где использовались только даты публикации, далее мы будем больше обращаться к текстам, датированным в НКРЯ между 1830 и 1840 гг., давая подборку за 1835–1840 только для сравнения.

Таб. 2.1.1. Источники стихотворений 1830-х гг. в НКРЯ.

Источник	Количество текстов в НКРЯ	
	1835–1840	1830–1840
Поэты 1820–1830-х гг. (БП, 1972)	166 (13.7%)	361 (15%)
Поэты 1840–1850-х гг. (БП, 1972)	29 (2.4%)	49 (2%)
Другие антологии БП	7 (0.6%)	15 (0.6%)
Пушкин (ПСС: В 16 т.)	61 (5%)	197 (8.2%)
Лермонтов (Academia, 1935–1937)	82 (6.8%)	357 (14.8%)
Жуковский (Языки славянской культуры, 2000–)	47 (3.9%)	116 (4.8%)
Авторские сборники из серии «Библиотека поэта»	714 (58.9%)	1128 (46.8%)
Авторские сборники вне БП	100 (8.3%)	178 (7.4%)
Антологии вне БП	6 (0.5%)	8 (0.3%)
Всего текстов (100%)	1212	2409
Всего авторов	60	82

Суммированные данные об источниках стихотворений в НКРЯ (Таб. 2.1.1) показывают, что тексты стихотворений 1830-х гг. в абсолютном большинстве восходят к изданиям «Библиотеки поэта». Исключениями являются источники текстов для авторов, имеющих более авторитетные издания, — прежде всего Лермонтова (Academia, 1935–1937), Пушкина (ПСС в 16 т.: АН СССР, 1937–1959) и Жуковского (Языки славянской культуры, 2000–). К изданиям вне БП также восходит небольшое число текстов для поэтов, которые не имеют отдельного тома в серии (например, Е. П. Ростопчина), однако эти случаи единичны: в целом для «второстепенных» авторов

основным фактором для включения в НКРЯ являлось либо отдельное издание в *БП*, либо включение в антологию этой же серии.

Необходимо заметить, что даже в случае с авторскими томами *БП*, в НКРЯ мог не включаться полный корпус текстов поэтов, как он представлен в серии. Так, например, из 168 стихотворений тома И. И. Козлова [Козлов 1960]⁶⁶ в НКРЯ включены только 33⁶⁷. Из 209 стихотворений Ф. Н. Глинки [Глинка 1957] в корпус вошли только 42. Можно полагать, что такого рода выборки объясняются стремлением составителей включить в НКРЯ отдельных поэтов сообразно их значимости как в контексте определенного времени, так и в контексте сложившейся научной традиции [см.: Корчагин 2015]. Однако остаются не до конца понятны не только принципы выборки, но и то, почему своего рода отбор затронул и, например, такую давно и прочно канонизированную поэтессу, как Каролина Павлова, для которой из 115 стихотворений, включенных в *БП* [Павлова 1964], в НКРЯ попало лишь 55.

Стремление ограничить поток «массовой» поэзии в НКРЯ вполне объяснимо, однако уменьшение корпусов отдельных авторов, тексты которых уже были отобраны в авторский том «Библиотекой поэта», приближает корпус к принципам составления антологий. В антологиях *БП* — например, «Поэты 1820-х — 1830-х гг.» — последовательно отбирались «лучшие, наиболее интересные и характерные образцы творчества того или иного поэта» [Поэты 1820–1830: I, 694]; ограниченные объемом печатных изданий, эти выборки составляют порядка 10–20 текстов. Сочетание в корпусе собраний сочинений в полном объеме для авторов «первого ряда» и «антологических» подборок для остальных привело к неравномерному распределению числа текстов в НКРЯ.

Как показано в *Таблице 2.1.1*, в поэтический корпус НКРЯ за десятилетие между 1830 и 1840 гг. включены тексты 82 авторов, за вторую половину 1830-х — 60. Распределение текстов между ними по сути представляет распределение Парето (*Рис. 2.1.1*): неравенство между авторами в НКРЯ сравнимо с известным распределением благосостояния, где около 20% населения обладают 80% всех богатств. В случае НКРЯ за 1830–1840 гг. 30% авторов представляют порядка 80% текстов всего корпуса. Особенно выразительно это для первых пяти по количеству текстов авторов, тексты

⁶⁶ Хотя издание «Большой серии» *БП* [Козлов 1960] — единственный источник текстов Козлова в НКРЯ, в надежности этого указания можно усомниться. К примеру, приведенный в корпусе текст поэмы «Абидосская невеста» с эпиграфом из Р. Бернса в переводе Г. Шенгели («Не люби мы упоенно...») не восходит к изданию 1960 г., указанному в качестве источника в НКРЯ: в отличие от редакции НКРЯ, в издании 1960 г. поэма помещена с иным посвящением и без эпиграфов, а также носит название «Невеста абидосская» и подзаголовок «Турецкая повесть лорда Байрона» [ср.: Козлов 1960: 330, 483].

⁶⁷ В этом абзаце число текстов указано согласно выдаче НКРЯ в августе 2023 г.

которых фактически представляют 40% от всех текстов подкорпуса за этот период.

При таком распределении закономерно, что каждый следующий автор имеет на порядок меньший объем корпуса, чем вышестоящий по рангу. Так, авторская подборка Лермонтова представляет 14.8% (357 текстов) от всего подкорпуса НКРЯ за 1830-е гг.⁶⁸, вторая по рангу подборка Пушкина — уже существенно меньше (8.05%, 194 текста), почти в два раза меньшую от пушкинской подборку составляет авторский корпус Кольцова (5-й по количеству текстов, 4.69% от всего корпуса, 113 текстов). Сходным образом распределены тексты и в подборке НКРЯ только за вторую половину 1830-х гг. (кривая узким пунктиром на *Рис. 2.1.1*).

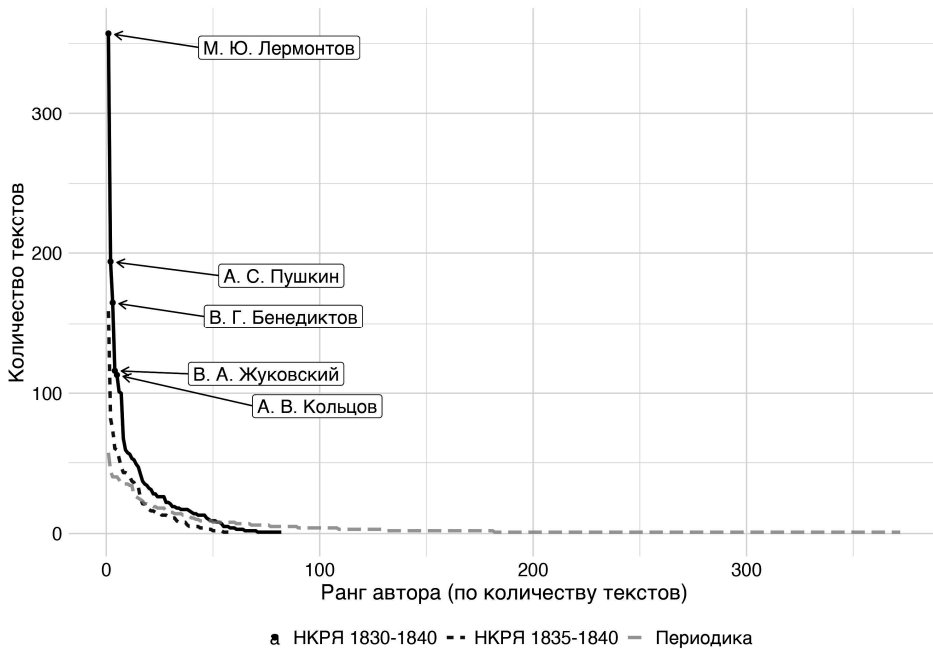


Рис. 2.1.1. Распределение количества текстов в зависимости от ранга автора по количеству текстов.

Стихотворения, опубликованные в периодике, ожидаемо распределены между авторами более равномерно (кривая широким пунктиром на *Рис. 2.1.1*). Впрочем, и эта подборка отчасти следует кривой Парето, по-видимому, отражая аккумуляцию текстов соответственно популярности или активности автора: на 49 наиболее печатаемых авторов (30% от всех установленных) в корпусе периодики приходится 59% текстов. Отметим, однако, что значительно отличается неравенство между наиболее

⁶⁸ Отдельно подчеркнем, что в случае Лермонтова абсолютное большинство текстов не было опубликовано в 1830-е гг.

печатаемыми поэтами: на первые пять поэтов приходится только 11.7% всех текстов корпуса периодики.

Списки наиболее представленных авторов на *Рисунке 2.1.1* не идентичны для трех корпусов; основные отличия очевидно связаны с отсутствием отбора авторов в корпус периодики. Первые десять авторов с наибольшим числом текстов в каждой из подборок даны в *Таблице 2.1.2*.

Таб. 2.1.2. Количество текстов для 10 наиболее представленных авторов в НКРЯ и корпусе периодики.

Ранг	НКРЯ 1830–1840		НКРЯ 1835–1840		Периодика 1835–1840	
	Автор	Кол-во текстов	Автор	Кол-во текстов	Автор	Кол-во текстов
1	Лермонтов М. Ю.	357 (14.8%)	Бенедиктов В. Г.	159 (13.1%)	Якубович Л. А.	57 (3.04%)
2	Пушкин А. С.	194 (8.05%)	Лермонтов М. Ю.	82 (6.77%)	Ростопчина Е. П.	44 (2.34%)
3	Бенедиктов В. Г.	165 (6.85%)	Кольцов А. В.	74 (6.11%)	Кольцов А. В.	40 (2.13%)
4	Жуковский В. А.	116 (4.82%)	Пушкин А. С.	60 (4.95%)	Тютчев Ф. И.	40 (2.13%)
5	Кольцов А. В.	113 (4.69%)	Некрасов Н. А.	59 (4.87%)	Пушкин А. С.	38 (2.02%)
6	Языков Н. М.	101 (4.19%)	Фет А. А.	53 (4.37)	Козлов И. И.	37 (1.97%)
7	Полежаев А. И.	100 (4.15%)	Жуковский В. А.	47 (3.88%)	Бенедиктов В. Г.	35 (1.86%)
8	Тютчев Ф. И.	67 (2.78%)	Ростопчина Е. П.	43 (3.55%)	Кони Ф. А.	35 (1.86%)
9	Некрасов Н. А.	59 (2.45%)	Мятлев И. П.	43 (3.55%)	Красов В. И.	35 (1.86%)
10	Мятлев И. П.	57 (2.37%)	Майков А. Н.	42 (3.47%)	Стромилов С. И.	35 (1.86%)

Несмотря на в целом репрезентативную подборку источников НКРЯ, в распределении текстов разных авторов заметно искажение в сторону наиболее «канонических» (Пушкин, Лермонтов) или же тех поэтов, в творчестве которых как бы представлено целое направление⁶⁹ (Бенедиктов). «Второстепенные» авторы в количественном отношении занимают очень небольшую часть корпуса: их отдельные подборки в 10–20 стихотворений недостаточны для количественного исследования стиля какого-либо из

⁶⁹ Ср. сходные принципы выборки авторов в антологии *БП*: [Поэты 1820–1830: I, 694].

этих авторов. Если рассматривать НКРЯ как инструмент для изучения истории стиха и истории поэзии XIX в., то он представляет репрезентативную подборку скорее в первом отношении: метрическое разнообразие и соотношение разных стиховых форм в корпусе представляются более сбалансированными, нежели репрезентация поэтов разных направлений.

Ориентация НКРЯ на критические издания XX–XXI вв. не только повлияла на распределение текстов, но и сделала корпусную подборку трудно сопоставимой с первичными источниками, будь то журнальные публикации или сборники стихотворений. Критические издания второй половины XX в., как правило, не воспроизводили ни первые, ни вторые публикации, а сложным образом комбинировали все источники, отдавая наибольшее предпочтение рукописям. Как видно из сравнения с корпусом периодики, источники текстов и финальная композиция поэтического подкорпуса НКРЯ прямо соотносятся с исследовательской традицией и обозначенными в ней «вершинными» авторами и текстами, но не с литературным процессом как он отражен в печатных изданиях того времени.

Принимая оговорки о сложности прямого сравнения НКРЯ с печатной поэзией 1830-х гг., в этой и последующих главах мы будем обращаться к поэтическому подкорпусу НКРЯ как контрастному *каноническому* корпусу, противопоставленному архиву — массиву печатной поэтической продукции 1830-х гг.

2.2. Корпус поэзии из периодики — источник новых данных для истории литературы

В предыдущей части мы показали, что количество стихотворений, опубликованных каждым из авторов, в периодике более сбалансировано, чем в НКРЯ. Тем не менее, распределение текстов в корпусе периодики не свидетельствует о полном «равенстве» авторов и указывает на ряд исключительно часто печатаемых поэтов, в целом хорошо известных истории литературы. Так, больше всего стихотворений в периодике между 1835 и 1840 гг. было опубликовано Л. А. Якубовичем, Е. П. Ростопчиной, А. В. Кольцовым и Ф. И. Тютчевым — все они также представлены в поэтическом подкорпусе НКРЯ (см. *Таб. 2.1.2*).

По общему количеству текстов поэтический подкорпус НКРЯ в целом может соотноситься со стихотворениями в периодике с 1835 по 1840 гг.: всего в НКРЯ за этот период входит 1212 текстов (для десятилетия 1830–1840 — 2409 текстов), в базу данных по периодике — 1905. Даже динамика публикаций — например, увеличение числа стихотворений в 1839–1840 гг. — сходна в обоих корпусах (*Рис. 2.2.1*). Однако только около 17% текстов присутствуют одновременно в НКРЯ и корпусе периодики (323 из 1905); вероятно, это объясняется особенностями выборки НКРЯ, включающей большое число «канонических» текстов и ограничивающей вхождение «второстепенных».

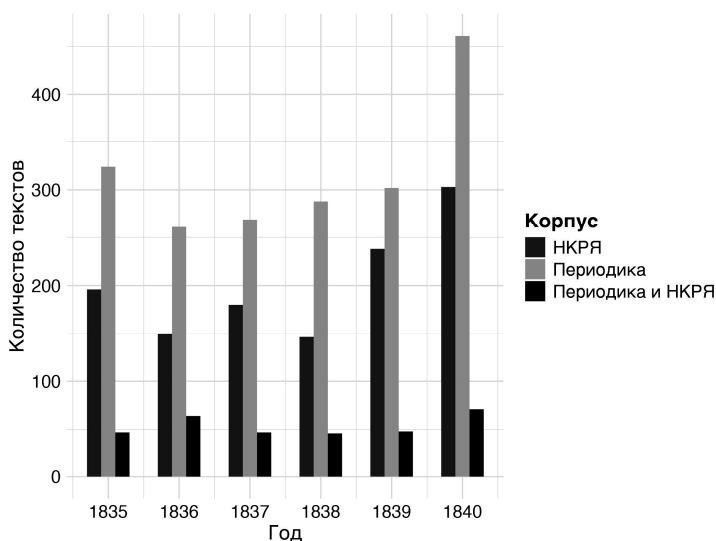


Рис. 2.2.1. Количество текстов в НКРЯ (всего), корпусе периодики (всего) и количество пересечений (датировки даются по публикациям в периодике).

Тем не менее сравнение «канона» и «архива» в этом случае кажется не бесполезным в связи с близостью двух подборок. Наиболее представленные авторы периодики *известны* истории литературы — может ли простое наполнение корпуса бóльшим количеством текстов дать более четкие представления о поэзии этого периода? Или же стоит согласиться с составителями НКРЯ в том, что с включением большого числа текстов «второстепенных» поэтов удастся только «замаскировать подлинные тенденции развития стиха» и истории поэзии вообще? [Корчагин 2015: 245–246]

Далее в этой главе мы опишем статистику публикаций лирических стихотворений в периодических изданиях 1830-х гг. и постараемся связать ее со сложившимся историко-литературным нарративом. Помимо уже выдвинутой проблемы соотношения канона и архива, это позволит нам ответить на вопрос, может ли сплошное обозрение отдельного литературного жанра (в нашем случае — лирической поэзии) в печати потенциально обогатить или скорректировать уже сложившийся историко-литературный нарратив.

2.2.1. Были ли журналы рупорами поэтических направлений?

Обращаясь к динамике публикаций в периодике, можно выделить два важных измерения: количество стихотворений в издании вообще и количество стихотворений отдельных авторов внутри каждого издания (см. Рис. 2.2.2 и Таб. 2.2.2). Разделы словесности и, в частности, поэзии в разных изданиях не были одинаковы: так, в новых и возобновленных изданиях

конца 1830-х гг. (*СО* после 1837 г., *ОЗ*, *ПРИВЕТ*) количество стихотворений изначально было выше, чем в журналах, существовавших с середины десятилетия (ср. *БдЧ* и *Современник*). Отдельно укажем также на большое число стихотворений в газете — «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”»; мы учитывали тексты из ЛПРИ, поскольку в отличие от других газет это «прибавление» включало большое число новых публикаций в стихах (в сумме более 500 текстов): для сравнения, в «Северной пчеле» за весь период 1835–1840 гг. было напечатано только 15 стихотворений. Для всех учтенных нами периодических изданий характерно постоянное существование раздела поэзии как такового: на это указывает и большое число поэтических текстов в *БдЧ* и «*Современнике*», и своего рода «ставка» на поэтические тексты в возобновленных *ОЗ*.

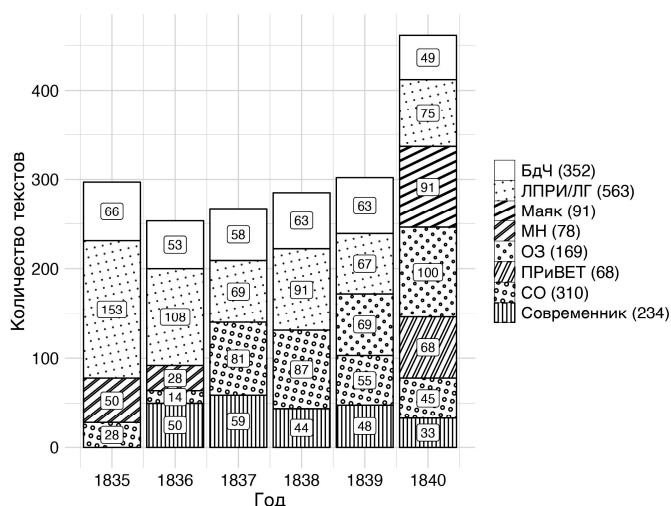


Рис. 2.2.2. Количество лирических стихотворений в журналах по годам; общее число стихотворений в каждом издании указано в легенде в скобках.

Количество помещаемых текстов мы, разумеется, рассматриваем с точки зрения редакторской политики, но не как показатель реальной «видимости» этих текстов для читателей. Тиражи каждого из журналов, их общая популярность и, как следствие, известность для читателя были совершенно различными: например, число подписчиков и распроданных экземпляров *БдЧ* в 1836 г. было в несколько раз выше (~5000), чем у «*Современника*» (порядка 600–700) [ЛЭ 1937: 936; ИРЖ 1973: 157, 160, 255; ср. падение количества отпечатанных экз. «*Современника*»: ППК 2008: 586].

В истории журналистики 1830-е гг. описываются как время противостояния нескольких литературных группировок, выступавших в разных журналах. Так, пушкинский круг однозначно связывается с «*Современником*», круг Белинского — с «*Отечественными записками*»; последователей Бенедиктова и «френетической» школы принято соотносить с *БдЧ* и *СО*. Хотя это представление довольно сильно упрощает реальную дина-

мику публикаций, где некоторые авторы появлялись сразу в нескольких, как можно было бы думать, противоборствующих изданиях (ср. публикации Ростопчиной в *Таб. 2.2.4*), в количественном отношении оно находит некоторые подтверждения.

Например, разделение на литературные кружки прямо заметно в случае часто печатаемых в каждом издании поэтов. Для пяти изданий, наиболее полно представленных в нашей выборке, были составлены списки поэтов, опубликовавших 4 и более стихотворения за весь период. Эти списки можно сравнить между собой, чтобы оценить, насколько авторы, характерные для разных изданий, пересекаются. Для этого количество пересечений берется по отношению к суммарному числу авторов (индекс Жаккара). Полученные результаты для каждой пары изданий представлены в *Таблице 2.2.3*, в диапазоне от 0 (полное отсутствие пересечений) до 1 (точное совпадение списков авторов).

Таб. 2.2.3. Соотношение наиболее печатаемых авторов в разных изданиях за весь период (коэффициент Жаккара).

	БдЧ	ЛПРИ	СО	Соврем.	ОЗ
БдЧ	1.0	0.136	0.167	0.108	0.029
ЛПРИ		1.0	0.178	0.125	0.114
СО			1.0	0.128	0.056
Соврем.				1.0	0.154
ОЗ					1.0

Хотя основная масса значений приходится на довольно низкую долю пересечений (около 0.11–0.12), можно отметить несколько значений, заметно ниже или выше среднего (менее 0.108 и более 0.154 соответственно — границы 1 и 3-го квантилей). Так, практически нет пересечений между кругом авторов, печатавшихся в *ОЗ* и *БдЧ*, *ОЗ* и *СО*; при этом достаточно много соответствий находят списки авторов *ОЗ* и «Современника». С другой стороны, есть некоторое (заметим, существенно ниже ожидаемого) количество пересечений между авторами, печатавшимися в *БдЧ*, *СО* и *ЛПРИ*. Однако поскольку в этот период многие издания меняли редакторов и собственное «направление», полученные цифры требуют более развернутого обсуждения.

Публикации отдельных авторов в каждом из источников как правило распределены во времени неравномерно: отдельные поэты могли быть постоянными вкладчиками, однако большинство публиковало тексты лишь эпизодически. Так, порядка 60% авторов во всех изданиях принадлежало к такой «случайной» категории, то есть печатало лишь по одному стихотворению в издании в течение года. Исключения представляют в этом отношении только «Современник» и «Отечественные записки», где доля «случайных» авторов в среднем только 50%.

Наиболее печатаемые поэты в каждом из изданий показаны в *Таблице 2.2.4*, в скобках указано количество текстов. Разными видами шрифтов выделены наиболее заметные⁷⁰ авторы *БдЧ* и *СО* (жирным), «Современника» (курсив) и *ОЗ* (подчеркнуты). Поскольку количество стихотворений, опубликованных отдельными авторами, как правило, невелико, мы будем соотносить эти данные с общим числом публикаций в журнале за каждый год (см. *Рис. 2.2.2*).

Для примера, из данных 1835 г. видно, что основное число найденных нами стихотворений приходится на *БдЧ* и *ЛПРИ*, сравнительно небольшое число стихотворений восходит к *СО* и «Телескопу». В случае *ЛПРИ* достаточно сложно указать на наиболее печатаемых поэтов, за исключением Ф. Н. Глинки и Ф. Н. Менцова, однако в *БдЧ* явно выделяются большие подборки Пушкина, И. И. Козлова и П. П. Ершова.

Разумеется, категория количества текстов, на которой строится статистика, сама по себе не является объяснительной: большое число напечатанных в периодике стихотворений прямо не коррелирует ни с популярностью поэта, ни с видимостью стихов для читателей 1830-х гг. Однако можно полагать, что отбор стихотворений для публикации в журнале или газете служил признаком одобрения хотя бы со стороны редакторов.

Уровень редакторского вмешательства в отбор и правки публикуемых текстов прямо связан с устройством отдельных журналов. Наиболее изученным из них является «Библиотека для чтения» (*БдЧ*), находившаяся под единоличным управлением О. И. Сенковского [Гриц и др. 2001: 260–265; ППК 2008: 569–570; Каверин 1966: 62–126]. *БдЧ* широко известна как первый коммерчески успешный толстый журнал: он был широко популярен за пределами двух столиц и выходил огромными для 1830-х гг. тиражами (в 1835 году тираж журнала достиг пяти тысяч, в 1837 — уже семи тысяч) [ИРЖ 1973: 160; Гриц и др. 2001: 250–251; ППК 2008: 569]. При этом «энциклопедическое» устройство журнала и включение туда самых разных текстов (как по тематике, так и по эстетическому уровню, ср. [ППК 2008: 569]) осуждалось критиками и приравнивалось к «мешанине» [см.: Гриц и др. 2001: 239–240; Lounsbury 2001: 368–370]. В советской литературоведческой традиции *БдЧ*, как правило, определяется исключительно негативно как печатный орган «вульгарного романтизма» [ср.: ОИРЖ 1950: 337; ИРЖ 1973: 163].

⁷⁰ Поэты, входящие в топ-5 авторов по числу текстов, опубликованных в журнале за весь период.

Таб. 2.2.4. Распределение публикаций разных авторов в периодических изданиях с 1835 по 1840 гг. В начале строки (N) обозначено учебное количество стихотворений в журнале за год.

Издание	1835	1836	1837	1838	1839	1840
БдЧ	N = 66 Пушкин А.С. (16), Козлов И.И. (11), Ершов П.П. (6)	N = 53 Козлов И.И. (12) , Тимофеев А.В. (9) , Бенедиктов В.Г. (6), <u>Ростопчина Е.П. (2)</u>	N = 58 Тимофеев А.В. (11), Бернет Е. (10), Кропоткин Д.А. (7), Вережкин Н.Ф. (5), Бенедиктов В.Г. (4)	N = 63 Менцов Ф.Н. (10), Мейстер И. (7), Кропоткин Д.А. (6), Тимофеев А.В. (4), Кукольник Н.В. (3)	N = 63 Кропоткин Д.А. (6) , <u>Красов В.И. (5)</u> , Волков П.Г. (4), Бернет Е. (3)	N = 49 Губер Э.И. (14), Греков Н.П. (7), Ершов П.П. (7) , Степанов С. (6), Кукольник Н.В. (4)
ЛПРИ / ЛГ (1840)	N = 153 Глинка Ф.Н. (7), Менцов Ф.Н. (7), Галанин И.Д. (6), Демидов М.А. (5), Бистром А. (4)	N = 108 Демидов М.А. (10), Мызников В.Я. (7), Фон-Бейер Г. (5), Глинка Ф.Н. (4), Суханов М.Д. (4)	N = 69 Соколовский В.И. (9), Якубович Л.А. (7) , Степанов Н. (6), Стромиллов С.И. (4) , Бенедиктов В.Г. (3), Гребенка Е.П. (3), Козлов И.И. (3)	N = 91 Стромиллов С.И. (9) , <u>Айбулат К.М. (7)</u> , Козлов И.И. (6), <u>Кольцов А.В. (6)</u> , Якубович Л.А. (6)	N = 67 <i>Айбулат К.М. (4)</i> , Некрасов Н.А. (4), Якубович Л.А. (4) , Афанасьев- Чужбинский А.С. (3), Соколовский В.И. (3), Степанов С. (3), Стромиллов С.И. (3) , Теплова Н.С. (3), Цыганов Н.Г. (3)	N = 75 Бобылев Н.И. (6), Якубович Л.А. (6) , Вуич Н.Е. (5), Огарев Н.П. (3), <i>Айбулат К.М. (2)</i> , Кропоткин Д.А. (2)
СО	N = 28 Тимофеев А.В. (6) , Шаликов П.И. (4)	N = 14 Кони Ф.А. (3) , Бороздна И.П. (2), Александров Б. (1)	N = 81 Кони Ф.А. (14), Якубович Л.А. (9), Бенедиктов М. (5), Драгоманов Я.А. (5), Менцов Ф.Н. (5)	N = 87 Стромиллов С.И. (6) , Сушков Д.П. (5), Алексеев П.Ф. (4), Губер Э.И. (4), Филимонов В.С. (4)	N = 55 <i>Ростопчина Е.П. (3)</i> , Струговщиков А.Н. (3), Алексеев П.Ф. (2), <u>Кольцов А.В. (2)</u> , Корсаков П.А. (2), Некрасов Н.А. (2), Стромиллов С.И. (2)	N = 45 Касторский Н. (18), Майков А.Н. (3)

Издание	1835	1836	1837	1838	1839	1840
Современник		N = 50 Тютчев Ф.И. (24), Пушкин А.С. (4), Давыдов Д.В. (3), Якубович Л.А. (3) , Вяземский П.А. (2)	N = 59 Туманский В.И. (11), Пушкин А.С. (5), Губер Э.И. (4), Тютчев Ф.И. (4), Ершов П.П. (3) , Карамзин А.Н. (3)	N = 44 Тютчев Ф.И. (5), <u>Ростопчина Е.П. (4)</u> , <u>Кольцов А.В. (3)</u> , Прокопович Н.Я. (3), Якубович Л.А. (3)	N = 48 Ростопчина Е.П. (7), Грот Я.К. (6), <i>Тютчев Ф.И. (4)</i> , <i>Айбулат К.М. (3)</i> , <i>Баратынский Е.А. (3)</i> , Милькеев Е.Л. (3), Стромиллов С.И. (3)	N = 33 Ростопчина Е.П. (6), Айбулат К.М. (5), Шахова Е.Н. (3), Баратынский Е.А. (2), Грот Я.К. (2), Жуковский В.А. (2), Милькеев Е.Л. (2), <i>Тютчев Ф.И. (2)</i>
ОЗ					N = 69 Павлова К.К. (12), Лермонтов М.Ю. (11), <i>Ростопчина Е.П. (7)</i> , <i>Айбулат К.М. (4)</i> , Гребенка Е.П. (4)	N = 100 Красов В.И. (20), Клошников И.П. (19), Кольцов А.В. (14), Лермонтов М.Ю. (10), Вунч Н.Е. (4), Ознобишин Д.П. (4), Павлова К.К. (4)

Как показано в *Таблице 2.2.4* в действительности авторы, принимавшие участие в журнале, не всегда сводились к кругу Бенедиктова. В особенности необходимо выделить здесь 1835–1836 гг., когда *БдЧ* — главное читаемое периодическое издание, где публиковалось большое число стихотворений авторов разных литературных направлений⁷¹; отметим также пять стихотворений В. И. Красова в *БдЧ* в 1839 г. Действительное преобладание в *БдЧ* поэтов стилистически следующих за Бенедиктовым приходится только на 1837–1838 гг., то есть когда слава и одобрение самого Бенедиктова уже начали ослабевать. Можно думать, что поэтический отдел *БдЧ* следовал за общим принципом журнала быть вне направлений [см.: Каверин 1966: 69–74], в том числе в отношении печатаемой поэзии⁷².

Особенно большое число стихотворений в 1835–1836 гг. было напечатано в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (ЛПРИ). Это объясняется тем, что около трети стихотворений в газете составляли шарады, омонимы и загадки (48 из 154 стихотворений за 1835 г. (31.2%), 42 из 111 за 1836 (37.8%)) — в эпоху редакторства А. Ф. Воейкова поэтический раздел ЛПРИ продолжал воспроизводить в печати альбомные жанры 1810–1820-х гг. Хотя эти жанры иногда появлялись в других периодических изданиях, ни в одном они не составляют более трети: такая доля мелких стихотворений в ЛПРИ явно соотносится с развлекательным характером газетного прибавления. В этом отношении подкорпус ЛПРИ может представлять отдельный интерес как пример бытования «легких» игровых жанров в печати в середине 1830-х гг.

Изменения в устройстве и наполнении ЛПРИ с приходом в 1837 г. Краевского неоднократно отмечались [ЭСБЭ: XVIIа, 803; XXVII, 326–327; Турьян 1994: 125], они проявились и в поэтическом разделе: в газете перестали печататься анонимные шарады и загадки, вместо этого появилось больше текстов активных поэтов 1830-х гг. (Якубович, Стромиллов, Бенедиктов, Е. П. Гребенка). Хотя тематически и жанрово поэтическое наполнение ЛПРИ мало сравнимо с высоким уровнем текстов и консолидацией поэтов позднее в «Отечественных записках», можно заметить, что в 1838–1839 гг. в ЛПРИ появляются стихотворения Некрасова, а также ряд уже популярных к тому времени «русских песен» — не только Кольцова, но и С. И. Стромилова, и даже забытого поэта-самоучки Н. Ф. Цыганова [Шеля 2018: 114–117]. В 1839–1840 гг., по заявлению самого Краевского, ЛПРИ, затем переименованные в «Литературную газету», становится, по сути, прибавлением к *ОЗ* [Мельгунов 1995: 5]. Можно полагать, что в газете публиковались более разнородные стихотворения, чем в журнале: среди постоянных поэтов в ЛПРИ / ЛГ с 1837 г. не появляется отчетливого

⁷¹ О «блистательном перечне» имен в *БдЧ* до 1837 г. применительно не только к разделу поэзии, см.: [Каверин 1966: 62–67; ППК 2008: 11–13, 569–570].

⁷² Ср. также мнение Каверина о «случайном» наполнении отдела словесности [Каверин 1966: 69].

«круга» *ОЗ*, а продолжают последовательно печататься в основном Якубович, Бенедиктов, Стромилов и Айбулат.

С 1837 г. возобновляется и стихотворный раздел в «Сыне отечества», редакторов которого — Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча, а с 1838 г. и Н. А. Полевого — обычно связывают с «торговым направлением» в литературе, обвиняя в ориентации на «среднего» верноподданного читателя [ср. ИРЖ 1973: 271]. Данные нашего корпуса позволяют увидеть, что в 1835–1837 гг. печатавшиеся в *СО* (а не в *БдЧ*) авторы действительно прямо соотносятся с последователями Бенедиктова — это Тимофеев, Менцов, Бернет, Якубович и другие. Наполнение поэтического отдела несколько изменяется с приходом в редакцию Полевого: в 1838–1839 гг. в стихотворном отделе *СО* печатаются, например, Н. С. Теплова и С. И. Стромилов, а также Е. П. Ростопчина; в эти годы в *СО* также появляются стихотворения Кольцова. В 1840 г. журнал переходит под редакцию Сенковского [Каверин 1966: 123], что отражается и в явном упадке стихотворного раздела: наиболее крупная подборка стихотворений за 1840-й г. — переводы сербских народных песен, выполненные А. Касторским, остальные поэты публикуют свои тексты в *СО* лишь sporadически.

В 1836–1838 гг. доля стихотворений, публикуемых в *БдЧ*, *ЛПРИ*, *СО* и «Современнике», практически одинакова (см. *Рис. 2.2.2*). «Современник» как издание⁷³, задуманное Пушкиным и продолженное его ближайшим окружением, в исследовательской традиции часто противопоставляется «лагерю» *БдЧ* и его ориентации на не-элитарного читателя [ППК 2008: 9–15]. Среди поэтов, опубликовавших в «Современнике» хотя бы по одному стихотворению за каждый год с 1836 по 1840 гг., — Баратынский, Жуковский и Тютчев. Нельзя не заметить, что последнему принадлежало и абсолютное большинство стихотворений, помещенных в «Современнике» в 1836 г. (см. *Таб. 2.2.4*): тютчевские публикации — самые большие авторские подборки стихотворений, опубликованные в периодике в это время. В этом отношении проблема «незаметности» тютчевской подборки для современников становится еще более выразительной и отражается сложность взаимоотношения между количеством напечатанных текстов и их реальной видимостью, даже когда подборка публикуется как цикл. Отсутствие внимания к стихотворениям Тютчева в критике лежит в целом ряде причин — от биографических (отстраненность Тютчева в это время от литературного процесса) и специфических поэтических (отсутствие полного имени автора при публикациях, подписанных криптонимом «*Θ. Т.*»), новизна жанра «фрагмента» и восприятие цикла как «немецкого») [Лейбов 2000: 17–24], до более простых «практических»: экземпляры «Современ-

⁷³ О неоднозначном статусе «Современника», первоначально одобренного не как журнал, а как сборник из 4-х частей, см.: [Вацуро, Гиллельсон 2005: 195–197]; о цензурных ограничениях на издания журналов вообще: [Там же: 165–190; ППК 2008: 15–16].

ника» распространялись мало⁷⁴ и в целом вызывали скромный интерес со стороны читателя [ППК 2008: 15; Осповат 1980: 29]. В этот период в журнале публикуются, по выражению Тынянова, «совершенно неведомые» и «третьестепенные» поэты [Тынянов 1968: 179]. Хотя наши данные указывают на ряд более известных имен в «Современнике» (назовем, например, Л. Якубовича и Бернета) — их вес в литературном поле был действительно невелик [ср.: ИРЖ 1973: 255]. Вряд ли читатели искали поэтических новинок в этом журнале после 1837 г.

Период 1837–1838 гг. в целом характеризуется видимостью в периодике поэтов, так или иначе пытавшихся следовать за успехом Бенедиктова и писавших стихотворения в «романтическом» духе. Это время Л. Я. Гинзбург описывает как поэтическое затишье — «ложному» печатному успеху романтиков в истории литературы противопоставляется непубличная литературная жизнь 1830-х гг.:

Напряженная умственная жизнь молодой интеллигенции 1830-х годов, осуществлялась в формах кружковых, подспудных, лишь случайно и скудно отражалась в печати. Зато «ложно-величаява школа» имела бытие гласное и печатное [Гинзбург 1972: 33–34].

Обобщение, распространяемое на период 1830-х гг. вообще, как видно, не вполне справедливо ни для публикаций 1835–1836 гг., ни для конца 1830-х: уже в 1839–1840 гг. печатное присутствие позднее канонизированных поэтов 1840–1850-х гг. вполне заметно [ср.: Бухштаб 1972].

В первую очередь это происходит вследствие выступления в печати молодых поэтов из кружка Белинского и «Отечественных записок» (отчасти также *ЛПРИ/ЛГ*). Полностью переформатированный журнал, *ОЗ* в 1839–1840 гг. включал крупные подборки Лермонтова и Павловой, а также В. И. Красова, И. Н. Ключникова. Нужно отметить переход в *ОЗ* и успешного к тому времени Кольцова [Шеля 2018: 118–131]. *ОЗ* являлись, по видимому, первым из журналов конца 1830-х гг., где выступали поэты, отчетливо связанные с определенным направлением — до этого такая попытка предпринималась только в первых четырех книгах «Современника». В 1839 и 1840 гг. в *ОЗ* последовательно появляются стихотворения 15 авторов, среди которых можно найти и уже состоявшихся поэтов (Баратынский, Вяземский, Ростопчина), и молодых поэтов круга Белинского. Таким образом, появление *ОЗ* можно связать не только с поворотным моментом в истории журналистики и концом «эпохи» *БдЧ*, но и с выступлением в печати нового поколения поэтов.

Суммарные данные по динамике публикаций второй половины 1830-х гг., таким образом, позволяют детализировать и контекстуализировать во времени ряд литературных фактов: локализовать журнальную популярность

⁷⁴ Данные о количестве подписчиков в 1836 г., см., например: [ЛЭ 1937; ИРЖ 1973: 255; ППК 2008: 582–587].

Бенедиктова и других романтиков коротким периодом между 1835 и 1838 гг., указать на отчетливую «кружковость» не только «Современника» и *ОЗ*, но и *СО*. Наконец, нужно особо подчеркнуть усиление интереса к поэзии в новых журналах 1839–1840 гг. Если ситуацию 1835–1838 гг. действительно можно описать как «упадочную», то к 1839 г. становится заметен отчетливый интерес к поэзии со стороны новых журналов — здесь нужно указать не только на *ОЗ*, но даже на менее заметные в истории поэзии издания, как «Маяк» и *ПРИВЕТ*. Описывая общие тенденции в истории литературы, историки литературы, однако, склонны предполагать, что к концу 1830-х гг. интерес читателей к журнальной поэзии существенно снизился, а редакторы журналов уделяли мало внимания поэтическому разделу:

Журналу <БдЧ. — А. М.>, в котором *отделение русской литературы было почти случайным* <курсив здесь и далее наш. — А. М.>, ничего не стоило заменить бойкотирующих писателей другими [Каверин 1966: 69].

Как все журналисты 1830-х годов, Сенковский считал стихи второсортным товаром и гораздо больше внимания уделял прозе [ОИРЖ 1950: 338].

Сложно согласиться с этими суждениями, рассматривая детализированные данные и наблюдая за увеличением числа поэтических текстов в новых и возобновленных журналах второй половины 1830-х гг. Заметим, что тенденция отмечалась и в критике этого времени:

Русская литература давно уже, может быть, даже никогда, не была так обильна стихотворными произведениями, как в первые три месяца текущего <1839. — А. М.> года [ЖМНП: 1839, ч. 23, отд. 4, 84].

В третье трехмесячье 1839 года наши периодические издания были едва ли не богаче, нежели в два предшествовавшие, разного рода и достоинства стихотворениями [ЖМНП: 1839, ч. 24, отд. 4, 175].

В отличие от нелестного замечания о возросшем числе поэтических книг низкого качества (см. *Гл. I*), стихи в периодических изданиях заслуживали большего поощрения критики. Не преувеличивая значения этого комментария в *ЖМНП*, заключим, что по сравнению со стихотворениями, опубликованными в отдельных изданиях, данные по периодике в действительности приближаются к корпусу отобранных текстов отдельных авторов, вошедших в поэтический канон и впоследствии в НКРЯ.

Основная часть публикаций в периодических изданиях второй половины 1830-х гг. принадлежит поэтам, так или иначе ранее вписанным в историю литературы⁷⁵. Отчасти это говорит о том, что история поэзии этого периода

⁷⁵ Отметим на полях, что изученность отдельных журналов и кружков отражается и в метаданных нашего корпуса. Так, биографические данные (например, дата рождения) вкладчиков доступны нам в разной пропорции для разных журналов: нам неизвестен

описывает в большей степени поэтов, активных в журналах, и в меньшей степени тех, кто участвовал в альманахах или издал собственную книгу стихов.

Это может объясняться тем, что устройство и участников периодических изданий можно представить как довольно плотную социальную сеть (ср. случаи «Современника» и *ОЗ*); как следствие, степень изученности отдельных поэтов прямо связана с их вовлечением в «сеть», будь то определенные литературные салоны или университетские кружки. Менее известны истории литературы вкладчики изданий с непостоянным составом участников и плохой репутацией в литературоведении (например, *СО*), однако и в этом случае периодика в меньшей степени представляется «архивом», чем отдельно изданные сборники стихотворений.

В то же время количественные данные о стихах в печати могут использоваться для более объективного и детализированного взгляда на литературный процесс 1830-х гг. Так, динамика публикаций позволяет уточнить отдельные предположения о распределении сил в периодических изданиях этого периода, использовать численные данные о публикациях для исследования рецепции отдельных текстов или подборок. В более широком контексте количественное представление данных о стихах в периодике, как кажется, позволяет усомниться в постулатах о бессобытийности и отсутствии интереса к стихам во второй половине 1830-х гг. С одной стороны, данные отражают постоянное присутствие поэзии как важной части «литературных» журналов и газет. С другой — нельзя не заметить ротацию авторов внутри изданий и, более того, кратковременное возобновление интереса к поэзии в периодике 1839–1840-х гг., не отмечавшееся в предыдущих исследованиях.

2.2.2. (Не)известные женские публикации в периодике 1830-х гг.

В сравнении с более ранними периодами, стихотворения в периодике 1830-х гг. чаще бывают подписаны женскими криптонимами или даже полными именами поэтесс — в обзорах, посвященных женской поэзии XIX в., примерно с этого десятилетия ведется хронология появления и активного участия женщин в печатной литературе и в частности в поэзии [Савкина 1998; Vowles 2004; ср. Бухштаб 1972: 26–31]. В этом контексте

год рождения для половины авторов *ЛПРИЛГ*, «Маяка» и *СО*, неизвестен возраст четверти авторов *БдЧ*, однако известны годы рождения для подавляющего большинства поэтов, печатавшихся в «Современнике» (86.8%) и *ОЗ* (98.8%). Используя имеющиеся данные можно сказать, что большого возрастного отличия между поэтами, печатавшимися в разных журналах нет: в среднем во всех журналах во вторую половину 1830-х гг. печатаются авторы 27–33 лет, к концу 1830-х гг. средний возраст несколько снижается до 27–29 лет во всех изданиях (кроме «Маяка», там это значение — 35), что можно связать со вступлением в литературу молодых поэтов.

наибольшее внимание чаще всего уделяется двум поэтессам: Е. П. Ростопчиной и К. К. Павловой. Вступление в литературу и печатная полемика поэтесс о самой сущности «женской» поэзии хорошо описаны. Исследования женской поэзии потому как правило сфокусированы противопоставлению двух авторских стратегий, которые схематично сводятся к двум полюсам: от «женского» амплуа Ростопчиной — до нейтрального «мужского» Павловой [Greene 2004; Rosenholm, Savkina 2012; Nasty 2020: 17–65]. Менее изученной остается историко-литературная сторона вопроса, в частности, печатное присутствие поэтесс в литературном поле.

Хотя литературный канон отдает явное предпочтение Павловой⁷⁶, журнальные публикации Ростопчиной к концу 1830-х гг. были более заметны и очень благосклонно встречены критикой⁷⁷: в литературном пантеоне 1830-х гг. Ростопчина занимала важное место как главная преемница Пушкина⁷⁸. Вместе с тем публикационная активность Ростопчиной выходила далеко за рамки «Современника»: в отличие от других поэтов этого времени она печатала большое число своих стихотворений одновременно в нескольких журналах — «Современнике» (опубликовано 19 стихотворений), *ОЗ* (9), и в то же время — в *СО* (5) и *БдЧ* (3), и даже в театральном журнале *ПРибЕТ* (4).

Всего в периодике 1835–1840 гг. нами было обнаружено 114 стихотворений (5.9% от всех текстов), которые могут быть точно атрибутированы женщинам, из них порядка 40% (45 текстов) написаны Ростопчиной, далее по количеству стихотворений следуют Павлова (16), Н. С. Теплова (15) и Е. Н. Шахова (13). Еще 14 поэтесс опубликовали от одного до трех стихотворений.

Существуют предположения, что среди периодических изданий этого времени *БдЧ* и «Современник» были наиболее благосклонны к женщинам-авторам [Зыкова 2005: 146–147; Vowles 2004: 65–66]. По нашим данным, количество стихотворений за женскими подписями действительно достаточно велико в «Современнике» (24 из 236, 10.2%), однако для *БдЧ* оно в пропорциональном отношении сравнительно небольшое — 16 из 365 стихотворений (4.4%). Среди других изданий необходимо отметить также 26 стихотворений за женскими подписями в *ОЗ* (из 181, 14.4%; в основном это стихотворения Павловой), 16 текстов в *ЛПРИ/ЛГ* (из 574, 2.8%) и 14 в *МН* (из известных нам 94, 14.9%). Хотя зачастую эти публикации принадлежат поэтессам, известным истории литературы, отметим несколько случаев, когда редкие тексты за неизвестными женскими подписями позволяют заполнить библиографические и историко-литературные лакуны.

⁷⁶ Ср. хотя бы отсутствие авторского сборника Ростопчиной в серии «Библиотека поэта».

⁷⁷ См., например: [ЖМНП: 1839, ч. 23, отд. 4, 276–278; 1840, ч. 27, отд. 6, 62–63; Современник: 1830, т. 18, 89–93; Поэты 1840–1850: 64].

⁷⁸ См. об этом: [Greene 2004: 96–97; Vowles 2004: 73–75; Nasty 2020: 51–60].

Укажем на четыре журнальные публикации⁷⁹ Е. В. Аладыной⁸⁰, которые появились в *БдЧ* и *СО* в 1838–1839 гг. с подписью « — А — А» (либо «*.....А*.....А»). Все четыре стихотворения впоследствии вошли в сборник Аладыной «Сочинения Е. В. А.....й» (СПб., 1838). Инициалы отчасти были раскрыты уже в оглавлении в *БдЧ*, где авторство стихотворения «Матери-другу» («Я помню, на рассвете дней...») было указано как «<стихотворение> —ы —ой» [БдЧ: 1838, т. 30, огл.], то есть отсылало к женскому имени. Это стихотворение впоследствии было положено на музыку А. Е. Варламовым [Варламов 1974], однако подпись Аладыной осталась без расшифровки и в позднейших источниках указывается как акроним «А. А.»: в некоторых случаях это приводит к неправильной расшифровке и атрибуции слов, например, А. Н. Аммосову [Уханева 2015: 89].

Более сложный случай атрибуции представляют стихотворения Варвары Макшеевой, которая опубликовала несколько стихотворений в периодике и которой приписывается⁸¹ сборник «Стихотворения, сочиненные девицею В. М.» (СПб., 1838). Настоящая автор сборника — «В. Молчанова» — установлена по цензурным документам А. Ю. Балакиным⁸². Сравнение собранных нами в периодике стихотворений Макшеевой со сборником стихотворений «В. М.» также позволяет полагать, что сборник не принадлежит Макшеевой.

Случаи такого рода указывают на необходимость дальнейшего исследования творчества поэтесс 1830-х гг.: помимо Аладыной и Макшеевой в журналах этого времени за полной подписью напечатаны стихотворения целого ряда неизвестных поэтесс — М. Падерной, Э. Надеждиной, Е. Годовниченковой, М. Ф. Ростовской, М. Б. Даргомьжской и др.⁸³ — все они, за исключением наиболее масштабных фигур, оказываются исключены из историко-литературного повествования. Хотя наиболее изученными оказываются поэтессы, активно участвовавшие в салонной жизни двух столиц [см.: Vowles 2004: 64], присутствие большого числа женских подписей в периодике позволяет разглядеть в конце 1830-х гг. процесс выхода женской поэзии из приватной сферы — в печатную.

⁷⁹ Это стихотворения: «Красное покрывало» («Потух последний солнца луч...») [БдЧ: 1838, т. 30, 5–9]; «Матери-другу» («Я помню, на рассвете дней...») [БдЧ: 1838, т. 30, 100–101]; «Любовь» («Любовь, любовь! перед тобой...») [СО: 1838, т. 6, № 12, 70–71]; «С...е» («Тебя любить — мое предназначение...») [СО: 1839, т. 7, № 1, 10].

⁸⁰ См. краткую биографическую справку о ней без указания на эти, по-видимому, дебютные журнальные публикации: [Гришкина 1989].

⁸¹ Ср. указание в библиографическом описании РНБ, восходящее к словарю Масанова: https://web.archive.org/web/20240718123626/https://webservices.nlr.ru/util/?method=recordFormat&vid=07NLR_VU1&sysid=004559840&format=037&base=NLR01.

⁸² Указание в [Балакин 2010]: «Молчанова В. — Авторство раскрыто по реестру рукописей (ЦГИА, 772–1–1070, л. 190 об.)».

⁸³ Ср. чрезвычайно краткое указание на то, что некоторые из этих поэтесс были связаны с *БдЧ*, которое, за недостатком прочих сведений, сводится к простому перечислению имен: [Амброзяк 2015: 59]; о появлении женских публикаций в *БдЧ* см. также: [Зыкова 2005: 146–147].

ГЛАВА 3. Лексика

Историки литературы и историки стиха сходятся во мнении, что поэты конца 1830-х гг. оказали существенное влияние на изменения в поэтическом языке XIX в. И те, кто отталкивался от «поэтики гармонической точности» и намеренно нарушал нормы «среднего» стиля, и те, кто пытался преобразовать условный «пушкинский» стиль 1820-х гг. — большинство поэтов 1830-х гг. в целом стремилось отойти от установившейся в первой четверти XIX в. поэтической нормы. С одной стороны, это было связано с поиском нового содержания в поэзии и проявлялось в «расшатывании» норм поэтического языка [Гинзбург 2007: 110–111]. С другой стороны, на протяжении 1830-х гг. происходили изменения в жанровой и метрической системе: по гипотезе М. Л. Гаспарова, поэты стали меньше обращаться к жанрам, за которыми были закреплены определенные стиховые формы; лирические стихотворения все более стали сводиться к форме «отрывка» и иметь не жанровые, а тематические заголовки, в связи с которыми устанавливались новые метрические ассоциации [Гаспаров 1974: 52].

В этой главе мы покажем, как эти два процесса — изменения в поэтическом словаре и метрических ассоциациях — отражаются в поэзии второй половины 1830-х гг. Сначала мы обратимся к жанровым заголовкам и их распределению в корпусе, а затем попробуем изучить отдельные авторские стили.

Первая часть главы призвана ответить на вопросы о том, использовались ли «традиционные» поэтические жанры в поэзии 1830-х гг. и существовала ли в этот период стабильная связь между жанрами и метрами. Для этого мы покажем, как жанры соотносятся с метрическими формами, а также проанализируем наиболее частотные слова в текстах с жанровыми заголовками.

Во второй части главы мы обратимся к подборкам стихотворений отдельных поэтов и проверим, можно ли на основании поэтического словаря обнаружить авторов, принадлежащих к разным направлениям. В сравнении с данными НКРЯ мы также покажем, далеки ли по лексическому наполнению тексты второй половины 1830-х гг. от текстов конца XVIII — первой четверти XIX в.

В третьей части главы рассматривается отдельный историко-литературный кейс — гипотетическая пародия на сборник женской поэзии «Сочинение Анны Смирновой» (СПб., 1837). Мы покажем, как методы авторской атрибуции, также базирующиеся на анализе словоупотребления, могут помочь в исследовании этой «нечитаемой» мистификации.

Таким образом, использование количественных методов в этой главе направлено на решение двух объемных вопросов: (1) насколько поэзия 1830-х гг. отклоняется от предшествующей традиции на уровне поэтического словаря и жанрового диапазона, и (2) можем ли мы измерить такого рода отклонения с помощью доступных нам количественных инструментов.

3.1. Устойчивость жанровых традиций в противостоянии с «распадом» жанров

3.1.1. Ассоциации между жанрами и метрами

В текстах 1830-х гг. можно видеть отчетливый след неоклассической системы поэтических жанров. Данные нашего корпуса показывают, что жанровые заголовки не вышли из обихода, и поэты второй половины 1830-х гг. продолжали достаточно часто использовать их для публикаций как в периодике, так и в отдельных изданиях: четверть текстов в корпусе обладает жанровым заголовком или подзаголовком.

Для анализа мы разделили все заголовки и подзаголовки текстов⁸⁴ на отдельные слова и посчитали встречаемость каждого слова (все слова были приведены к начальным формам). Всего было обнаружено 45 жанровых слов, из них 25 встретились десять и более раз (Таб. 3.1.1).

Таб. 3.1.1. Число вхождений жанровых заголовков в Корпус-1835 (20 наиболее встречаемых жанров).

Слово	Всего вхождений	Периодика	Отд. издания	Слово	Всего вхождений	Периодика	Отд. издания
песня	296	164	132	отрывок	45	27	18
романс	115	19	96	подражание	45	25	20
сонет	81	30	51	послание	43	6	37
элегия	73	29	44	молитва	36	22	14
басня	69	12	57	омоним	30	30	0
песнь	58	28	30	фантазия	29	6	23
альбом	53	19	34	псалом	28	7	21
дума	52	31	21	эпиграмма	28	20	8
шарада	51	51	0	мелодия	21	11	10
баллада	45	29	16	антологический	17	17	0

Всего 1252 стихотворения (26%) в корпусе имеют в заголовке обозначение жанра. Интересно, что доля жанровых заголовков выше в периодике (589 из 1905 текстов, 30%), чем в отдельных изданиях (663 из 2894, 22.9%). Можно думать, что жанровые заголовки в периодике могли соотносить с традицией отдельные тексты, в этом случае находящиеся вне контекста сборника или биографической легенды. Обратим внимание и на то, что

⁸⁴ В случаях, когда сборники стихотворений были разделены на жанровые разделы, мы учитывали название раздела как подзаголовок (такие сборники, впрочем, единичны). Для текстов, объединенных одним заголовком («Три русские песни»), вхождение заголовка учитывалось заново для каждого текста.

численный перевес «жанровых» текстов в периодике связан с публикациями, с одной стороны, «игровых» жанров (шарад и омонимов), а с другой — «песен».

Так, отдельная часть жанровых текстов в периодике — а именно, 76 шарад, омонимов и акrostихов, — была опубликованы в 1835–1836 гг. в «Литературных прибавлениях к “Русскому Инвалиду”» (см. Гл. 2.1). ЛПРИ в нашем корпусе — единственный крупный источник текстов в этих жанрах.

Однако даже без учета шарад и омонимов доля жанровых заголовков в периодике более высока (26.9%), чем в отдельных изданиях (22%). Можно полагать, что это связано с популярностью в журналах одного жанра — песни (и, в частности, «русской песни», см.: [Шеля 2018]). Исходя из подсчетов по Корпусу-1835, песни особенно часто печатались на страницах новых и возобновленных периодических изданий в 1840 гг. (Рис. 3.1.1.б). Так, в 1839 г. в периодике появилось только 17 текстов, содержащих слово «песня» в заголовке (8 песен в БдЧ, по 3 в ЛПРИ, ОЗ и СО), в 1840 г. это число возрастает до 70 текстов (СО — 19, ЛГ — 18, ОЗ — 14, ПРиВЕТ — 9, Маяк — 7, БдЧ — 3). Разнообразие источников подтверждает то, что появление «песни» не связано с обширными публикациями одного автора в отдельном журнале — напротив, сразу ряд изданий публикует по несколько песен в этот год.

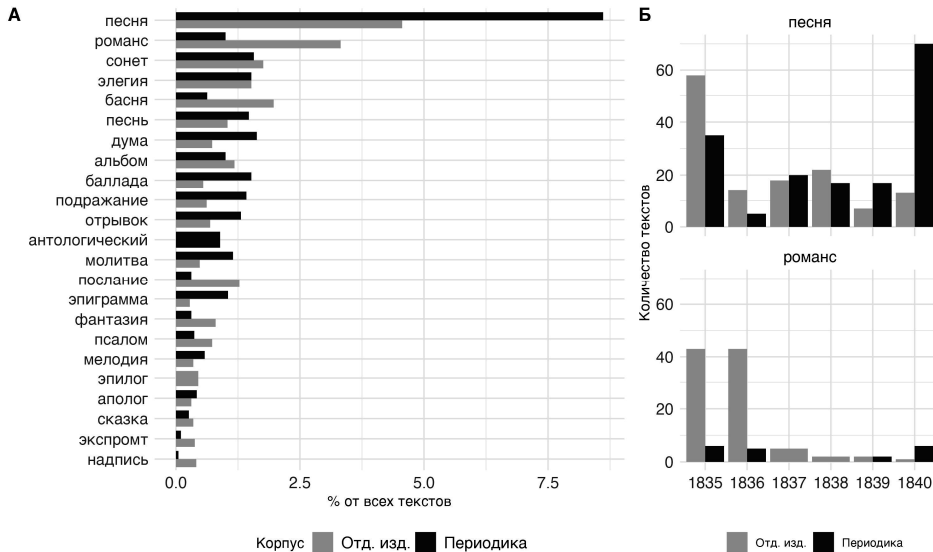


Рис. 3.1.1. а. Доля текстов разных жанров в периодике и отдельных изданиях. б. Количество текстов со словом «песня» и «романс» в заголовках в разные годы.

В целом во второй половине 1830-х гг. десятая часть всех текстов, опубликованных в периодике, имела слово «песня» или «песнь» в заголовке или подзаголовке (песня — 8.61%, песнь — 1.47% от всех текстов в периодике). Тексты другого «песенного» жанра — романсы — в большинстве случаев печатались в поэтических сборниках и альманахах и реже появлялись в периодике. Малую популярность в периодике в сравнении с отдельными изданиями также имели басни и послания.

Около четверти текстов в корпусе имеют тематические заголовки: наиболее распространенные из них включают слова «поэт» (106 текстов), «ночь» (60), «смерть» (47), «друг» (44), «жизнь» (44), «любовь» (34), «море» (33), «могила» (31), «сон» (26). Доля таких текстов в периодике и отдельных изданиях сходна, так же как и число текстов, обращающихся к метапоэтической теме («поэт» в заголовке). Несколько реже в периодике встречаются тексты, по-видимому, связанные с жанром элегии и имеющие в заголовках слова «любовь», «ночь» и «мечта», однако частотным для всех видов изданий остается «романтический» заголовок со словом «море». Равная доля жанровых и тематических заголовков в корпусе подтверждает теорию Гаспарова о том, что в 1830-е гг. мог происходить переход от жанров к темам, а за определенными темами могли закрепляться отдельные метрические ассоциации. Так, уже при беглом анализе можно заметить, что стихотворения о поэзии (слова «поэт», «поэзия», «певец» в заголовках) в подавляющем большинстве случаев написаны 4-стопным ямбом (о появлении метапоэтических тем в этом размере см. *Гл. 4.2*). Можно думать, что в некоторых случаях тематические заголовки устойчиво ассоциировались с жанрами (ср., например, элегические заголовки «разлука», «мечта» и т. п.). Дальнейшее исследование соотношения жанровых и тематических заголовков, однако, требует более обширного сравнительного материала: темы, встречающиеся в названиях текстов, более разнообразны, чем жанровые заголовки, и текстов за 1835–1840 гг. недостаточно для количественного и сравнительного анализа.

Тем не менее, собранные нами данные не свидетельствуют о том, что во второй половине 1830-х гг. происходит явный «распад» жанровой системы. Это следует не только из общей доли текстов с жанровыми заголовками, но и, например, из устойчивых ассоциаций между жанрами и метрическими формами.

Распределение метров и размеров в стихотворениях с жанровыми заголовками в Корпусе-1835 можно назвать традиционным (*Рис. 3.1.2.a*). В большинстве жанров ожидаемо господствует ямб, однако хорей более свойственен для песенных жанров: в первую очередь, для самих песен, но также и для мелодий и романсов. Хотя в Корпус-1835 было включено только небольшое число баллад, их хорейская традиция также присутствует в выборке.

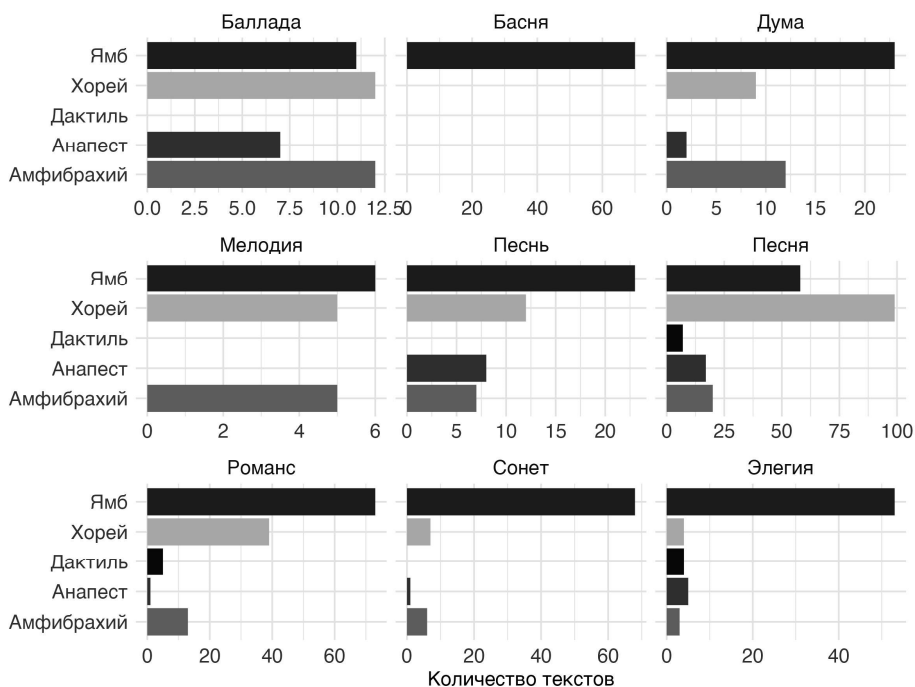


Рис. 3.1.2. а. Распределение текстов по жанровым словам в заголовке и метрам.

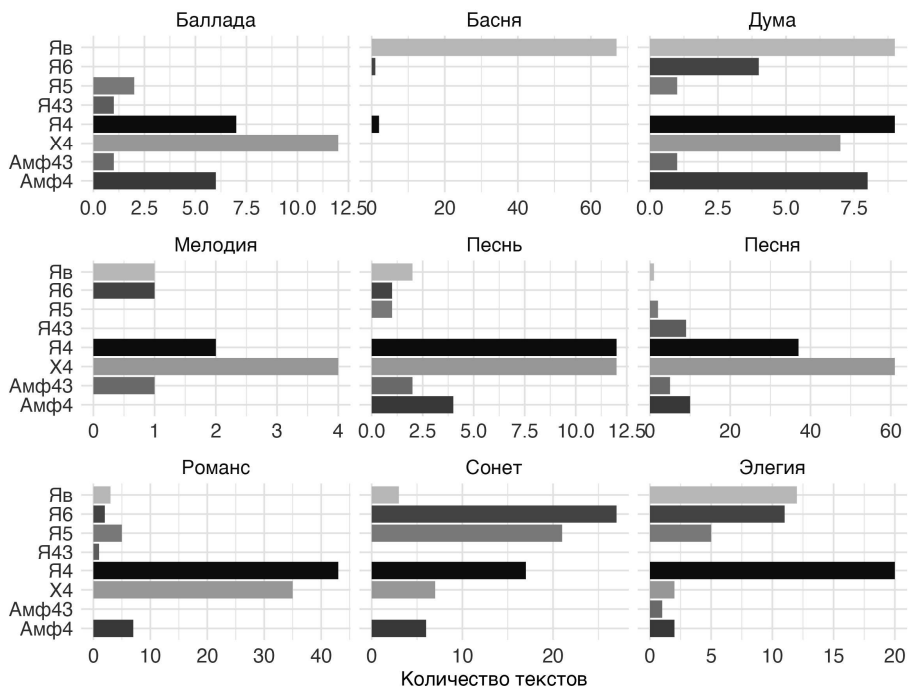


Рис. 3.1.2. б. Распределение текстов по жанровым словам в заголовке и размерам.

При более детальном изучении соотношения между жанрами и размерами проявляется внутреннее разнообразие «ямбических» жанров. Например, в элегиях 1830-х гг. сосуществуют несколько метрических вариаций: от элегий, написанных 6-ст. ямбом в духе 1810-х гг., к любовным элегиям 1820-х гг., которым свойственен 4-ст. ямб. Однако в целом 4-ст. ямб не является преобладающим размером для стихотворений с жанровыми заголовками. Можно осторожно полагать, что семантическая универсальность 4-ст. ямба способствовала его использованию в текстах без жанровых заголовков: их имеют только 251 (17.2%) из 1458 текстов, написанных 4-ст. ямбом; доля жанровых заголовков в других размерах составляет порядка 20%. Хотя это различие достаточно небольшое, можно думать, что тексты, которые прямо ассоциировались с определенными жанрами, могли чаще использовать конвенциональные размеры.

3.1.2. Лексические особенности жанров: жанровые кластеры и классификация

Связи между метрами и жанрами достаточно устойчивы в стихотворениях, имеющих жанровый заголовок даже в 1830-х гг., однако они не были строго предписаны, а набор размеров не уникален для каждого жанра. В определении жанровой природы большую роль играет лексическое содержание — однако можно ли определить жанр текста в 1830-х гг., исходя из списка используемых в нем слов?

Для ответа на этот вопрос мы провели два эксперимента. В первом мы представили, как тексты разных жанров соотносятся между собой в зависимости от употребления в них частотных слов, если алгоритм не имеет знания о жанровых категориях (классах). Во втором эксперименте мы попробовали эксплицитно смоделировать такие классы и обучить алгоритм отличать тексты разных жанров.

В обоих экспериментах использовались агрегированные данные. Поскольку количество текстов и их длина в строках разнятся для каждой жанровой категории, для каждой итерации экспериментов мы объединяли все тексты⁸⁵, относящиеся к одному жанру, и выбирали из них случайно по 1000 строк; использовались предварительно лемматизованные тексты. Случайно отобранные строки разделялись на несколько независимых друг от друга выборок⁸⁶, которые мы использовали для подсчета частот слов и дальнейшего анализа.

⁸⁵ Для того, чтобы сверхдлинные тексты не имели преимущества в отдельной выборке, мы использовали семплирование: для текстов длиннее 50 строк выбирались последовательные фрагменты по 25 строк, количество фрагментов зависело от длины текста, однако один текст представлен не более чем пятью фрагментами.

⁸⁶ Использовалось 10 независимых выборок по 100 строк.

В ходе первого эксперимента мы попробовали установить, достаточно ли небольшого числа (250)⁸⁷ наиболее частотных слов для того, чтобы увидеть жанровые кластеры. Сначала мы отобрали тексты 10 жанров (баллада, басня, дума, отрывок, песнь, песня, послание, романс, сонет, элегия) и на их основании установили единый список из 250 наиболее частотных слов. Внутри 10 выборок из каждого жанра подсчитывалось количество появлений каждого из 250 слов — каждая выборка была представлена как вектор, в котором учитывалось число вхождений каждого слова. Чтобы визуализировать соотношение между «жанровыми» векторами, мы использовали метод проекции на плоскость UMAP [McInnes et al. 2018]: в проекции длинные числовые вектора «сворачиваются» до двух значений на осях абсцисс и ординат. Наибольшее значение⁸⁸ в этом виде проекции имеют точки, находящиеся рядом друг с другом: их близость мы можем интерпретировать как схожесть двух векторов, а в этом случае — двух жанровых выборок.

Из *Рисунка 3.1.3* видно, что многие выборки из одного жанра близки друг другу: так, в левой части графика заметен кластер песен, баллад и романсов, в верхней — выборки из дум и элегий. Наиболее компактным и отдаленным оказывается кластер басен, где используется иная лексика, чем в остальных жанрах. Хотя только басни обладают отчетливым отделенным жанровым кластером, другие близкие друг к другу жанровые выборки кажутся нам более чем ожидаемыми с точки зрения истории литературы. Так, развитие жанра элегии к 1830-м гг. сделало элегию близкой к отрывку или философской думе; еще более интуитивно понятна близость романса, песни и баллады.

Важно, что при построении проекции алгоритм не имел никакой информации о том, как жанры должны соотноситься друг с другом: близость выборок на графике основана исключительно на основании употребления частотных слов в разных жанрах. Положительный результат кластеризации позволяет нам обратиться к классификации — методу, наиболее популярному для анализа жанров в компьютерном литературоведении [Underwood 2019; Tello 2021; Schöch et al. 2023: 53–74; Henny-Krahmer 2023].

⁸⁷ Мы также протестировали этот метод на 500 и 700 наиболее частотных словах: все итоговые проекции сравнимы между собой, однако увеличение числа учитываемых слов приводит к большему смещению жанровых кластеров. Можно полагать, что это происходит в связи с недостаточным числом слов в выборках и разреженности матрицы частот слов, использующейся для построения проекции.

⁸⁸ Расстояние между далеко расположенными элементами в этом виде проекции нельзя интерпретировать буквально: например, мы не можем утверждать, что на *Рисунке 3.1.1* жанр послания ближе к басне, чем песня. Об отношениях этих жанров можно только заключить, что и послание, и песня достаточно далеки на проекции от басен.

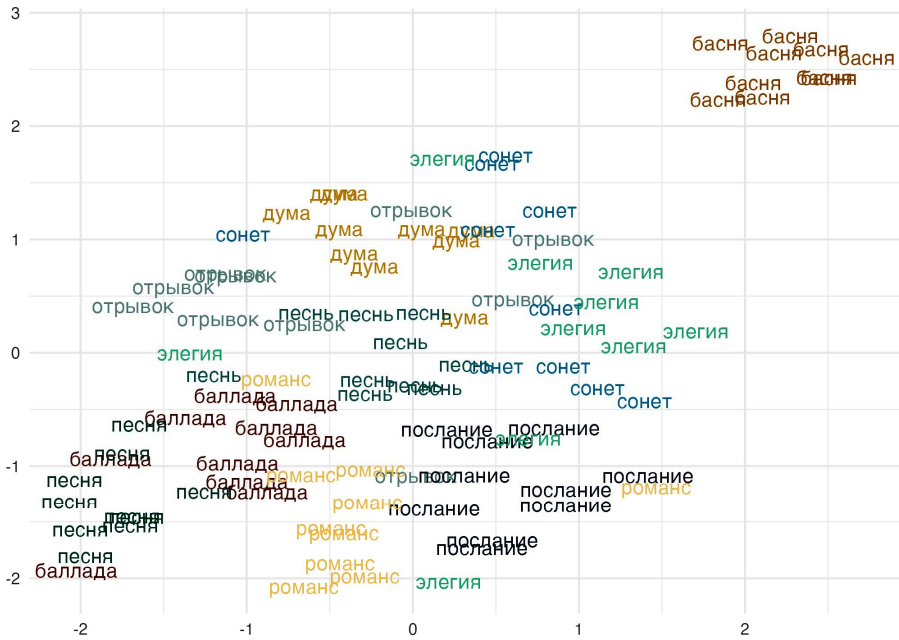


Рис. 3.1.3. Проекция на плоскость выборки из разных жанров (10 выборки по 100 строк для каждого жанра; дистанции на основании частот 250 наиболее частотных слов).

Задача классификации заключается в том, чтобы алгоритм мог соотнести тексты с известными ему классами (в этом случае — жанрами), основываясь на обучающей выборке. Успешность обучения проверяется на текстах, которые до этого не были показаны алгоритму. Например, можно использовать часть имеющихся текстов, озаглавленных «элегия», для того, чтобы алгоритм попытался вычислить наиболее характерные для этого жанра признаки (слова). Затем дается «тестовый сет» — равное количество элегий и не элегий, не показанных в стадии обучения — который оценивает точность классификатора исходя из выбранных им жанровых классов (классификатор, правильно определивший все элегии, будет иметь точность 1).

Каждый жанр был представлен в десяти независимых выборках по 100 случайных строк, а десять выборок из определенного жанра сравнивались с десятью выборками из текстов, не относящихся к этому жанру (включались тексты как с жанровыми заголовками, так и без). Поскольку классификатор в этом случае выбирает из двух возможных классов (например, «баллада» и «не_баллада»), нулевым результатом будет точность в 0.5 (50%), а результаты выше 0.5 указывают на присутствие жанрового сигнала.

Поскольку для многих жанров — и в особенности для контрастной выборки — в Корпусе-1835 было доступно более 1000 строк, мы постарались уменьшить влияние отдельных текстов и выполнили 25 итераций

эксперимента, в каждой итерации учитывались разные выборки по 1000 строк (семплирование с заменой). При учете частот слов использовались 300 наиболее частотных слов, список составлен на основании всего Корпуса-1835. Для классификации использовался стандартный метод опорных векторов (SVM) с линейным ядром и 10-проходной кросс-валидацией.

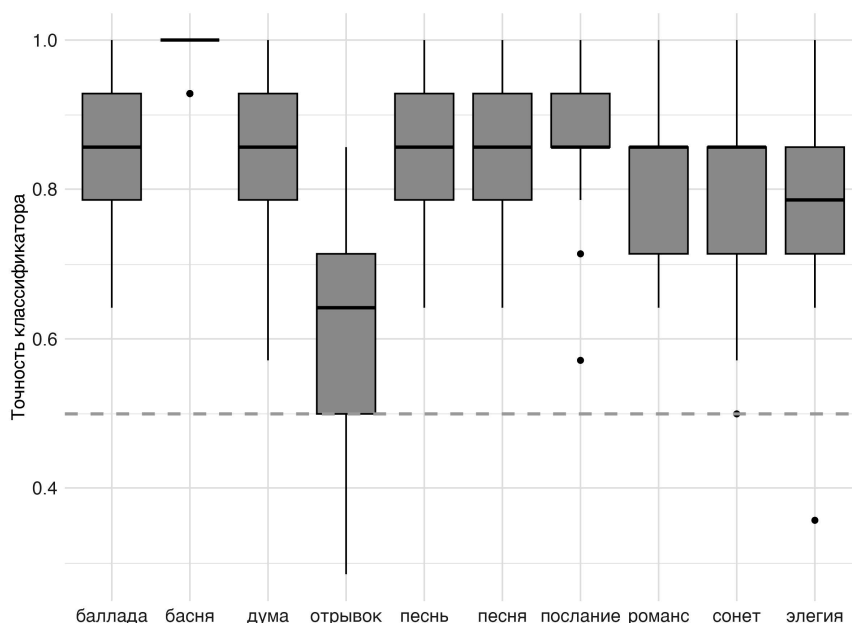


Рис. 3.1.4. Результаты классификации отдельных жанров (pairwise classification, SVM with linear kernel).

Результаты классификации стабильно низки только для одного жанра — «отрывка». Это можно объяснить тем, что за «отрывком» как жанром принципиально не закреплено определенной тематики, этот заголовок предполагает только фрагментарную природу текста.

Замеченная из кластеризации обособленность басни подтверждается и на материале классификации: в абсолютном большинстве случаев 300 наиболее частотных слов позволяют отличать басню от не-басни. Для остальных жанров точность классификации колеблется между 0.75–0.9. С одной стороны, это не идеальный результат, который свидетельствует о некоторой размытости жанровых границ, уже замеченной из кластеризации и в целом ожидаемой для поэзии 1830-х гг. С другой стороны, использованный нами классификатор получил только небольшую информацию (частоты 300 слов) о небольших выборках — большой объем данных или более сложные комбинированные признаки (например, включение информации о метре, рифме, частях речи и т. п.) могли бы улучшить результаты эксперимента [ср.: Plecháč 2021]. Для нас, однако, важно не достижение максимальной точности, а вопрос о самой возможности определения жанра

поэтического текста на основании только ограниченного числа частотных слов. Результаты нашего эксперимента показывают, что даже простой классификатор способен разграничить жанры с вероятностью существенно выше случайной.

Алгоритм также позволяет определить признаки, которые имели наибольший вес для различения отдельных жанров: важно, что эти слова в нашем эксперименте достаточно легко интерпретируемы.

Таб. 3.1.2. Слова (отобранные), входящие в топ-20 наиболее значимых для классификатора слов.

Баллада	Басня	Дума	Песнь	Песня	Романс	Элегия
тихо	бедный	век	прах	добрый	ты	звук
могила	цветок	ум	конь	молодой	друг	солнце
покой	беда	душа	кровь	вода	луна	глава
ветер	б	земля	гром	русский	милый	один
тишина	горе	сила	река	хоть	слеза	душа
сын	ж	чувство	могучий	враг	тоска	око
помнить		ночь	глава		кипеть	внимать
вдруг		туча	печаль		душа	счастливый
		ветер	уста		забывать	печальный

Так, в текстах, озаглавленных «баллада», одним из наиболее весомых для классификатора является слово «могила», а дума, по-видимому, может включать романтический пейзаж (ср. «ночь», «туча», «ветер»). Примечательно, что помимо отрывков менее стабильные результаты классификации показывают «элегии» — это отражается и в списке весомых слов, где не находится ожидаемых для элегии маркеров, таких как «любовь» или «мечта» (впрочем, появляется прилагательное «печальный»). Популярность элегии к концу 1830-х гг. практически сходит на нет, а имеющиеся в Корпусе-1835 элегии, по-видимому, представляют попытки разнообразить жанр (ср. размытость жанровых границ выборок из элегии на Рис. 3.1.3). Можно осторожно полагать, что результаты классификации для элегии и отрывка свидетельствуют об отступлении в поэзии 1830-х гг. от тематически единообразных жанров.

Тем не менее, все полученные результаты говорят о том, что система жанров в поэзии 1830-х гг. все еще достаточно устойчива. Это проявляется как в общей частоте использования жанровых заголовков (четверть от всех текстов), так и в достаточно стабильных и ожидаемых с точки зрения истории стиха ассоциациях между жанрами и метрами. Как показано в экспериментах по кластеризации и классификации, уже исключительно лексическая информация (частотные слова) отражает внутреннее тематическое сходство текстов, имеющих одинаковые жанровые заголовки: примитивные лексические частоты могут быть использованы для определения жанра стихотворения. Невозможно, однако, без привлечения более широкого хронологически материала проверить гипотезу о переходе от ассо-

циаций между жанрами и метрами к ассоциациям между метрами и темами. Дальнейшее исследование жанровой системы в поэзии может быть направлено на изучение текстов, которые лексически и тематически близки определенным жанрам, но имеют тематические заголовки. В то же время вызывают интерес и метрические разновидности, которые существуют внутри одного жанра и имеют различные культурные источники.

Данные нашего корпуса представляют один пример такого рода: это жанр песни⁸⁹. «Песни» в 1830-х гг. могут быть написаны как хорейями (2611 строк), так и ямбами (1246 строк). Для «русских песен» уже были изучены различия между фольклорными и литературными песнями 1800-х–1840-х гг.: в литературных песнях использовались не только иные стиховые формы, но и более близкая к общепозэтической лексика [Шеля 2018: 175–180]. Интуитивно понятно, что для двух метрических вариаций могут быть также свойственны разные «словари»: песни, написанные более «литературным» ямбом, должны быть приближены к литературной песне рубежа веков, а хорейические — к фольклорным имитациям, распространившимся к 1830-х гг. Эта интуиция, однако, не проверялась на эмпирических данных.

Наша гипотеза заключается в том, что в каждой подгруппе систематически будут использоваться разные частотные слова. Разумеется, лексические различия между стихотворениями, написанными разными метрами, будут существовать всегда в силу лингвистической взаимосвязи всех элементов стиха [Gasparov, Tarlinskaja 2008]. Однако поставленная в этом случае гипотеза подтвердится, если разница между поджанрами будет проявляться на уровне регистров и в хорейических песнях на первый план выйдут маркеры фольклорного в песне.

Для проверки гипотезы мы обратимся к коэффициенту лексической значимости Zeta, который принимает во внимание не частоты наиболее встречаемых слов, а систематическую повторяемость слов внутри выборок (дисперсию) [Burrows 2007; Craig, Kinney 2009; Schöch et al. 2018]. Для этого алгоритм разделяет тексты на фрагменты и анализирует, какие слова преимущественно появляются в большинстве фрагментов одной группы текстов (например, песен, написанных ямбом) и не появляются в фрагментах из другой группы (то есть в песнях, написанных хореем). Наибольший Zeta-коэффициент получают не те слова, которые встретились в корпусе максимальное число раз, но те, которые постоянно частотны в текстах определенной группы. Этим Zeta отличается от более распространенных методов, основанных на абсолютных частотах слов, где на первый план всегда выступают служебные слова и где не принимается во внимание распределение слов в текстах.

Для того, чтобы проверить, используется ли разная лексика в песнях, написанных хореем и ямбом, мы отобрали 1200 случайных строк из каждой подгруппы и разделили их на три независимые выборки по 400 строк (~1600 слов). Окно для деления на фрагменты включало 500 слов, применялась

⁸⁹ Учитывались все тексты, имеющие слово «песня» в заголовке или подзаголовке.

имплементация метода Craig's Zeta в пакете stylo [Eder et al. 2016]. Ниже представлены первые 40 слов с наиболее высоким коэффициентом для двух групп:

Песни — хорей: молодец, враг, спать, от, царь, верный, конь, бедный, белый, море, дорогой, младой, баюшки, красный, мать, перед, баять, пальма, ель, зима, кричать, солнышко, девица, город, песня, счастливый, по, давать, око, горе, злой, поле, гора, да, нога, красавица, ребенок, наш, свой, вода

Песни — ямб: уста, край, какой, вы, любовь, когда, взор, рука, вновь, мир, сей, волна, забывать, любить, тот, вино, красота, кипеть, луна, раз, слава, страдать, струя, дым, обо, последний, рай, являться, глаз, улыбка, твой, весь, бог, прекрасный, чтоб, много, опять, цветок, золотой, страсть

Списки отличительных слов, полученные после вычисления Zeta-коэффициентов, подтверждают изначальную гипотезу. Так, в ямбических песнях используются слова высокого регистра («уста», «взор», «сей»), а также более абстрактные понятия («мир», «любовь», «красота», «рай», «страсть»). Среди распространенных в хорейческих песнях слов можно увидеть ожидаемые литературные сигналы фольклора — «молодец», «конь», «младой», «красный», в том числе диминутивы («солнышко», «баюшки»). Так, количественный анализ позволяет прямо обнаружить две метрические разновидности внутри жанра песни. Дальнейшее исследование взаимодействия жанров или тем с метрами должно быть основано на более обширном корпусном материале и более сложных, чем подсчет частотных слов, методах моделирования. Один из таких методов мы предлагаем в *Главе 4.2*.

3.2. Можно ли составить словарь «бенедиктовщины»?

История литературы, пришедшая на смену истории «литературных генералов», представляет исторический процесс как смену поколений: вслед за «поэтами 1820-х–1830-х гг.» приходят «поэты 1840-х–1850-х гг.». Разделение на категории по временным периодам можно интерпретировать как изменения в поэтическом языке, прямо связанные со сменой поколений: смена стилей в искусстве в прямой связи с приходом новых когорт наблюдается во многих областях культуры [Underwood et al. 2022]. Даже наша небольшая выборка текстов за 1835–1840 гг. включает несколько потенциально различных поэтических поколений: в это время продолжали печататься и важнейшие «поэты 1820-х гг.» (в первую очередь Пушкин и Баратынский), и их молодые последователи, и поэты, вступившие в литературу в середине (Бенедиктов) — конце 1830-х гг. (Некрасов, Фет) и изначально находившиеся вне аристократических литературных кругов. Литературоведы достаточно подробно исследовали особенности поэтических стилей наиболее выразительных представителей разных литературных направлений, однако филологический анализ текста как правило

сфокусирован на индивидуальных особенностях поэтического языка каждого автора. В меньшей степени качественные методы применимы для выявления масштабных общих черт: обобщения на уровне использования частотных слов или форм гораздо сложнее для читателя, чем для алгоритмов. В этой части главы мы проверим, можно ли обнаружить за известными истории поэзии 1830-х гг. поэтическими группами общность на уровне словоупотребления.

Как и в случае с жанрами, анализ сходств и различий между текстами разных авторов был начат с изображения дистанций между ними на плоскости. Основной единицей анализа в этом случае служила случайная выборка из текстов отдельного автора: учитывались все авторы, для которых в Корпусе-1835 имелось более 1000 строк (всего 49 поэтов). Тексты каждого поэта объединялись вместе и из них случайно выбиралась 1000 строк⁹⁰, затем разделявшиеся на две независимые выборки. Мы также добавили случайные подборки шести канонических авторов из НКРЯ, представляющих поэтический язык конца XVIII — первой трети XIX в.⁹¹ На основании данных всего корпуса был установлен список из 300 наиболее встречаемых слов⁹², частота которых затем подсчитывалась внутри выборки каждого автора. На визуализации поэты условно разделены на несколько групп, как они трактуются в истории поэзии 1830-х гг.: Бенедиктов и поэты вокруг, Пушкин и последователи «пушкинского» стиля, а также поэты, вступившие в печатную литературу задолго до 1830-х гг. («старшее поколение») или только в конце десятилетия, в 1838–1839 гг.; отдельно учитывались выборки из НКРЯ.

Как видно из проекции (*Рис. 3.2.1*), частоты наиболее встречаемых слов не позволяют нам кластеризовать выборки из разных авторов, не образуются никакие отчетливые группы. При этом выборки из одного автора как правило близки друг к другу: индивидуальные особенности словоупотребления более выражены, чем принадлежность к социальной или литературной группе. Некоторое сходство заметно между поэтами, активными до 1830-х гг.: все выборки из НКРЯ сконцентрированы в левой части графика (темно-серым цветом). Однако основные противодействующие в историко-литературном нарративе силы — последователи «пушкинского» стиля и круг Бенедиктова — по результатам этого эксперимента не образуют двух отчетливых кластеров. Далеки друг от друга по употреблению наиболее частотных слов выборки из Бенедиктова, Тимофеева и Бернета (желтым) — поэтов, казалось бы, представляющих одно направление. В то

⁹⁰ О принципах составления выборок для изучения поэтического словаря см. также ранние работы [Хетсо 1973б; Кjetsaa 1979; Кjetsaa 1983].

⁹¹ Из НКРЯ были выбраны все тексты Державина, Карамзина, Батюшкова, А. Ф. Мерзлякова, А. А. Дельвига, Пушкина и Баратынского.

⁹² Чтобы уменьшить влияние индивидуального авторского сигнала, содержащегося в наиболее частотных служебных словах, в этом эксперименте учитывались слова с рангами от 50 до 350.

же время поэты, которые трактуются как последователи школы «гармонической точности» — Ростопчина, Деларю, Тепляков, Козлов (зеленым) — также практически не сгруппированы вместе.



Рис. 3.2.1. Проекция на плоскость дистанций между авторами на основании 300 частотных слов (слова с рангами от 50 до 350; две случайные выборки в 500 строк для каждого автора).

Можно было бы заключить, что выбранный нами метод не подходит для исследования авторских стилей. Тем не менее, несколько кластеров на Рисунке 3.2.1 объяснимы с точки зрения истории литературы. К примеру, близки друг другу выборки из двух «крестьянских» поэтов Слепушкина и Суханова; примечательно, что их тексты более похожи на поэтический стиль Крылова, нежели другого поэта-самоучки — Кольцова. Песни Кольцова в 1830-х гг. обретают форму фольклорных имитаций, в то время как Слепушкин и Суханов пишут тексты в рамках классических дозволенных для самоучек жанров [Шеля 2018: 112–114], к которым относилась, например, басня (ср., например, многочисленные басни и аполлоги в сборнике Суханова «Время не праздну» (СПб., 1836)). Объяснима и близость выборок из текстов трех поэтесс 1830-х гг. — Шаховой, Тепловой и Ростопчиной, — по-видимому, ограниченных определенным лексическим и тематическим диапазоном «женской» поэзии. Вызывает интерес также расположение в одном кластере выборок из раннего Некрасова и Бенедиктова, Козлова и Ершова. Подражательный характер стихотворений в сборнике «Мечты и звуки», который составляет большую часть подборки Некрасова в Корпусе-1835, уже отмечался (ср.: [Некрасов 1967: I, 17]): согласно нашим резуль-

татам, близость раннего некрасовского стиля к Бенедиктову и другим поэтам «Библиотеки для чтения» заметна уже из наиболее частотных слов.

Поставленный эксперимент, однако, не подтверждает гипотезы о том, что простого подсчета наиболее частотных слов в текстах достаточно, чтобы обнаружить известные истории литературы поэтические группы. Лексический уровень стиха отчетливо отражает особенности индивидуального стиля (выборки из одного автора как правило расположены близко друг к другу), но не дает оснований утверждать, что, к примеру, поэты круга Бенедиктова использовали частотные слова так же, как Бенедиктов.

Классификация с помощью метода опорных векторов более результативна для разделения текстов на группы, соответствующие известным истории литературы направлениям. Если классификатору, обученному на частотах слов в отдельных стихотворениях (противопоставлялись тексты поэтов «группы Бенедиктова» и продолжателей стиля Пушкина⁹³), достаточно сложно отличить тексты из двух групп (точность 0.61), то агрегированные данные позволяют добиться лучших результатов. При обучении и тестировании на 200 случайных выборках по 100 строк точность классификации составляет уже 0.83.

Таб. 3.2.1. Точность классификации для разных групп авторов (SVM, 300 MFV, 75/25 training/testing sets, 10-fold cross validation).

Классы	Условия эксперимента	Точность классификатора (средняя)
«Круг Бенедиктова» vs «Продолжатели стиля Пушкина»	Частоты слов в отдельных текстах; 400 текстов для каждого класса	0.613
«Круг Бенедиктова» vs «Продолжатели стиля Пушкина»	Частоты слов в агрегированных текстах; 200 случайных выборок по 100 строк для каждого класса	0.833
«Круг Бенедиктова» vs все остальные тексты Корпуса-1835	Частоты слов в агрегированных текстах; 200 случайных выборок по 100 строк для каждого класса	0.777
«Круг Бенедиктова» vs 7 канонических поэтов НКРЯ	Частоты слов в агрегированных текстах; 200 случайных выборок по 100 строк для каждого класса	0.947

⁹³ В первую группу были включены Бенедиктов, Бернет, Губер, Кропоткин, Мейснер, Тимофеев, Шахова и Якубович; во вторую — Бороздна, Деларю, Ершов, Козлов, Подолинский, Ростопчина, Сушков, Теплова и Тепляков. Мы понимаем всю условность и спорность такого разделения и не исключаем, что другой набор авторов и более тщательная выборка текстов могут повлиять на результаты эксперимента.

Если противопоставлять тексты поэтов круга Бенедиктова не плохо поддающемуся определению «пушкинскому кругу», а всем остальным стихотворениям в корпусе вообще, то точность классификации незначительно уменьшится (~0.77). Это позволяет нам осторожно предполагать, что на уровне использования частотных слов стиль Бенедиктова и его последователей не только не представлял вопиющего исключения, но даже являлся некоторой нормой, средним по периоду. Для сравнения, при тех же условиях алгоритму значительно проще дается различение текстов канонических авторов конца XVIII — первой трети XIX в. из НКРЯ (см. перечень в *Прим. 91*) — они отделяются от текстов круга Бенедиктова со средней точностью в 0.947.

Таким образом, на уровне агрегированных данных узнавание поэтов круга Бенедиктова составляет для алгоритма приблизительно ту же сложность, как при классификации жанров. Неожиданность этого результата заключается в том, что согласно историко-литературному нарративу разница в поэтическом языке поэтов разных направлений должна была бы проявляться существенно ярче, чем разница в словаре якобы уже «размытых» жанров.

При этом тексты поэтов круга Бенедиктова менее всего отличимы от стихотворений их современников. Более существенная разница в поэтических словарях авторов круга Бенедиктова и поэтов НКРЯ, однако, может объясняться не только сменой стилей и литературных поколений, но и влиянием метрического репертуара на частоты отдельных слов. Так, в числе наиболее весомых для классификатора слов, связанных со стилем Бенедиктова, находятся как полнозначные тематические слова (ср.: «человек», «свет», «дева», «время», «ветер», «буря», «тоска», «волна», «воля»⁹⁴), так и односложные служебные части речи («да», «со», «ко», «ах»), которые могут использоваться по-разному в ямбах и хореях (и почти наверняка указывают на последние и «русскую песню»).

Как кажется, влияние на поэтический словарь метрических форм имеет в этом случае особую роль: авторы разных направлений могут иметь разный «метрический профиль». Для проверки этого предположения мы проанализировали, как метрические формы используются каждым поэтом, для подсчета также использовались случайные выборки в 1000 строк. Дистанции между выборками рассчитывались на основании количества строк каждого размера: чем более похожи доли отдельных размеров (например, в обеих выборках 20% строк написано 6-ст. ямбом, и 60% — 4-ст. ямбом), тем более близки на проекции будут две выборки.

⁹⁴ Отметим, что набор этих слов выглядит достаточно ожидаемым в контексте романтической топики и, в частности, включает важные элементы романтического пейзажа.

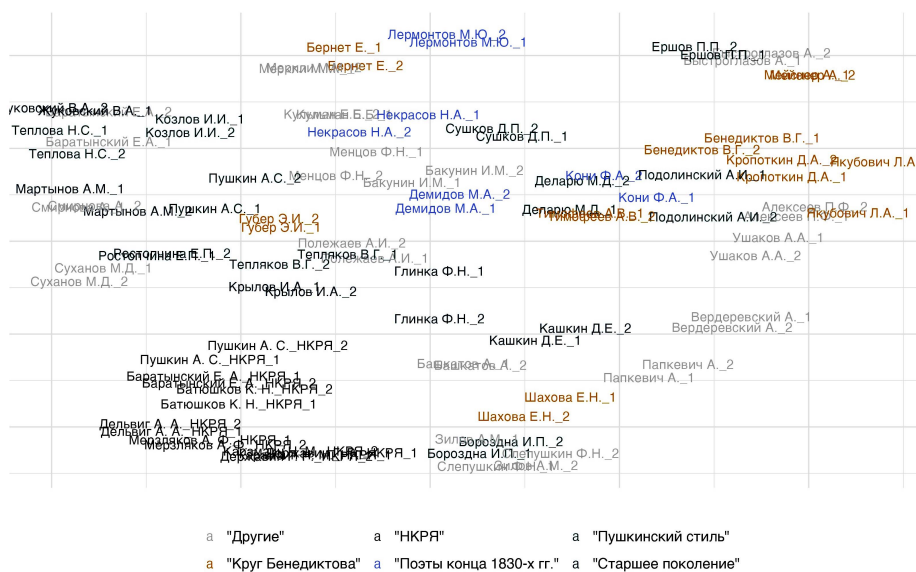


Рис. 3.2.2. Проекция на плоскость дистанций между авторами на основании употребления стихотворных размеров⁹⁵ (две случайные выборки в 500 строк для каждого автора).

Как и в случае с употреблением слов, наиболее близкими соседями оказываются выборки из одного автора: лишь в редких случаях агрегированные данные демонстрируют отличающиеся наборы размеров в двух выборках. На основании стихотворных размеров, однако, достаточно определенно проявляются два кластера: в левой части проекции сгруппированы канонические поэты из НКРЯ, представители «старшего поколения» и продолжатели Пушкина в 1830-х гг. (темно-серый и зеленый цвета); в правой части плоскости расположены авторы круга Бенедиктова и более молодые поэты, вступившие в печатную литературу в конце 1830-х гг. (желтым и светло-синим цветом). Хотя кластеры обнаруживают ряд пересечений (ср. выборки из Шаховой и Губера в центре, а также тексты Деларю и Подолинского в правой части графика) и не совершенно отчетливо отделены друг от друга, можно утверждать, что в этом случае кластеры в большей степени соответствуют тому разделению, которое намечено в истории литературы.

При более детальном рассмотрении оказывается, что общность метрического репертуара поэтов в правой части графика объясняется более частотным употреблением не-ямбических размеров. Так, Бенедиктов, Бернет и Тимофеев, а также и Некрасов, в сравнении со средним по корпусу существенно чаще используют хорей и амфибрахии. Для Лермонтова и Подолинского несколько более, чем для остальных, характерен 5-ст. ямб. В

⁹⁵ Учитывались 28 метрических вариаций, полный список и матрицы частот доступны в репозитории.

то же время для выборок, расположенных в левой части проекции, ожидаемо более свойственны ямбические формы. Поэты 1830-х гг., расположенные на проекции слева, чаще остальных используют более «классические» вольный и 4-ст. ямб, однако в их выборках исключительно редко встречаются 5-ст. ямб, хореические формы и трехсложники.

Так на количественном уровне разница между поэтами нескольких поколений и литературных направлений в большей степени заметна на уровне метрического репертуара и несколько менее проявляется в использовании слов. Результаты наших экспериментов указывают на то, что в основе текстов поэтов второй половины 1830-х гг. находится скорее общий поэтический словарь — поэтический язык авторов круга Бенедиктова не был радикально отличным от текстов их современников. Это может объясняться как популярностью самого Бенедиктова и попытками подражания ему в конце 1830-х гг., так и тем, что изменения в поэтическом стиле происходили достаточно постепенно. Однако важно подчеркнуть, что вопрос о лексических особенностях отдельных авторов существенно осложняется в этом случае из-за систематического влияния метра на язык. Как кажется, для обнаружения на количественном уровне характерных черт поэтических направлений необходимы более тонкие инструменты, чем частоты слов; в частности, это должны быть методы, принимающие во внимание разные формальные уровни стихотворного текста и контролирующие связи между этими уровнями.

3.3. Анна Смирнова: поэтесса 1830-х гг., которой не было⁹⁶

Как мы видели, методы, основанные на частотах слов, показывают не вполне удовлетворительные результаты для анализа макро-стилей. Однако этот тип анализа широко применяется для атрибуции авторства [см. обзоры: Korpel et al. 2009; Stamatatos 2009; Schöch et al. 2023]. Уже ранние количественные исследования [Mosteller, Wallace 1963] в этой области показали, что «отпечаток пальца» автора может содержаться в служебных словах, которые отражают глубокие (и не всегда осознающиеся автором) языковые привычки и относительно не зависят от тематики текста [Kestemont 2014]. В позднейших работах машинные методы атрибуции успешно комбинируются со стиховедческими подходами к проблеме авторства текста: это происходит благодаря использованию для машинного обучения не только лексических признаков [ср. ранние работы: Burrows 2002; Hoover 2007; Eder 2011], но и различных уровней стиха — например, метра [Nagy 2021], рифмы, частей речи и их комбинаций [Plecháč et al. 2018; Cafiero, Camps

⁹⁶ Историко-литературный контекст появления сборника Анны Смирновой уже был описан нами в работе [Martynenko 2024b]; в этой главе мы кратко суммируем и дополняем это исследование данными Корпуса-1835, а также добавляем расширенную версию эксперимента по авторской атрибуции.

2019; Шеля и др. 2020; Plecháč 2021]. Хотя мы не ставили перед собой задачи найти и атрибутировать неизвестные печатные тексты Бенедиктова или Слепушкина, во время работы над Корпусом-1835 мы обнаружили материал, для анализа которого современные методы авторской атрибуции оказались необходимы.

В конце 1837 г. в Санкт-Петербурге вышел сборник под названием «Собрание различных стихотворений. Сочинение Анны Смирновой». Напечатанный в популярной во второй половине 1830-х гг. типографии К. Винггера (см. Гл. 1.4.2), сборник в 8-ю долю листа был снабжен пометой «первое издание» и разделен на две части, включавшие 39 и 16 стихотворений — объем, заметно превышающий среднее число текстов (20–30) в сборниках даже известных поэтов. Помимо стихотворений 145-страничное издание содержало удивительные во всех отношениях примечания и предисловие «К публике», написанное от лица Смирновой:

Пятнадцатилетний возраст мой достоин того, чтоб потребовать от публики ее благосклонности. Труды мои, столь вредные для моего здоровья, ужели не увенчаются желанным успехом? Музы Омира, Пиндара и Расина способны доставить мне течение счастливых дней; или я принуждена буду хранить молчание <...> и я склонюсь на ложе смерти с утомленным сердцем от несчастий и горестей, оплакана будучи нежными слезами Муз и Нимф. Но этою книгою еще не кончились труды мои: при обращении на себя внимания публики, я обещаюсь, во время крепости сил моих, неутомимо заниматься Науками и буду издавать свои сочинения, как поэтические, так и прозаические, одни за другими [Смирнова 1837: 5].

Авторские амбиции пятнадцатилетней сочинительницы вызвали недоумение современников. Так, рецензент «Библиотеки для чтения» наряду с поразительным тоном предисловия отмечал несуразность стихотворений Смирновой и однозначно указывал на мистификацию:

Еще одна пятнадцатилетняя, невинная стихотворица! Но нам сдается, что это плохая шутка <...> Эта пятнадцатилетняя невинная стихотворица очевидно бреет себе бороду. Во время Пирона кто-то во Франции вздумал мистифицировать публику точно таким же образом⁹⁷ <...> и как стихи были прекрасны, то множество пылких голов влюбилось в юную и даровитую незнакомку. <...> не думаем, чтобы кто-нибудь мог влюбиться в автора или авторов пьес, которые теперь являются под именем небывалой пятнадцатилетней Смирновой <...> мистификация их решительно не удалась [БдЧ: 1837, т. 25, отд. 4, 48–50].

⁹⁷ Под историей «времен Пирона» критик имеет в виду поэтическую мистификацию Поля Дефорж-Майяра (Paul Desforges-Maillard, 1699–1772). Его стихотворения от лица «Mademoiselle Malcraais de La Vigne», снискали большой успех и ответные послания поэтов-мужчин; подробнее о мистификации Дефорж-Майяра см.: [Borderie 1888: I–LXXXVI]. Сборник стихотворений Смирновой, как кажется, прямо не связан с текстами Дефорж-Майяра.

Биографическая легенда о юной поэтессе эксплуатируется в нескольких стихотворениях, которые можно привести и как пример основного поэтического стиля, эксплицированного в сборнике:

<...> Дорогу осветив, мне путь в луга назначил,
Извилины стремнин, где смерть лежит, означил.
Прямая линия, но трудно к ней идти,
В пятнадцать лет я не могу прийти.
На каждом шаге страх трепещет подо мною,
Который отстает уж действовать весною.

Все страхи рассевав <sic> за звуком птиц несуюся,
Пред небом голубым, лазуревым ношуся.
Напрасно Феб страшил войною с духом смелым,
Дыхание мое становится уж зрелым.
[Смирнова 1837: 38–39]

Смущенный Сен-Готгард давно ли ты уныл,
Не с этих ли времен, как сделался мне мил?
Быть может, что ты скрыл последний луч Боннета;
Но я не Физикат, я именем Аннета.
[Там же: 61]

Я с юности еще... ах! больше не желала,
Чтоб так же как и я любезных воспевала,
Вспели бы меня в чувствительных пьесах;
Ах! только выразя: что краски Апеллеса;
Умела отмечать, хранить их в мавзолее,
Искала прелестей, ходила по аллее.
[Там же: 90].

Был, по-видимому, удивлен языком и содержанием стихотворений и рецензент «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”», указавший на «темноту» и бессвязность текстов Смирновой. Он, однако, пытался объяснить их неясностью «женского языка» вообще и советовал юной сочинительнице не избирать высоких предметов для поэтических описаний:

Сознаемся, что мы в этой поэзии ничего не понимаем, как совершенные профаны, непривычные, может быть, к женскому языку <...> гений ее <Смирновой. — А. М.> слишком часто любит возноситься в мрачные области грозы и бури. Развалины, снежные горы, водопады никогда не будут достоянием женской поэзии [ЛПРИ: 1838, №1, 10].

Стихотворения Смирновой действительно содержат большое количество отсылок к греческой мифологии и европейской истории, а ряд текстов прямо посвящен географическим объектам и европейским городам⁹⁸. Изобилие

⁹⁸ Ср. заголовки стихотворений: «Монблан», «Сен-Готгард», «Кавказ», «Адерсбах»; «Лютцен», «Тироль», «Женева», «Кунерсдорф».

упоминаний реальных и вымышленных персонажей и локаций при этом сочетается с довольно архаическими поэтическим языком и формой: большинство стихотворений в сборнике написано почти не используемым в 1830-х гг. 6-стопным ямбом⁹⁹ с парной рифмовкой, с использованием длинных синтаксических периодов и архаизированных словоформ.

Несуразность и темнота стихов в сочетании с биографической легендой заставляют согласиться с предположением критика «Библиотеки для чтения» о том, что сборник Смирновой — мистификация. Эту гипотезу подкрепляют и данные о том, что почти все известные нам по Корпусу-1835 поэтессы, издавшие сборники своих стихотворений в период с 1835 по 1840 г., также напечатали по меньшей мере одно стихотворение за своей подписью в периодическом издании. Стихотворения Смирновой в периодике, как и какие-либо биографические данные о ней, не найдены¹⁰⁰. В этой главе мы кратко опишем историко-литературный контекст, в котором появился этот поэтический сборник, а затем с помощью количественных методов попробуем указать на источники этой пародии на женскую поэзию.

3.3.1. Детские и женские стихотворения в печати в первой трети XIX в.

По замечанию Н. П. Смирнова-Сокольского, автору, писавшему от лица Анны Смирновой¹⁰¹, «по-видимому, были хорошо известны стихотворческие опыты Елизаветы Кульман» [Смирнов-Сокольский 1969: 432]. Первое издание сочинений Е. Б. Кульман (1808–1825) вышло в 1833 г. и к середине 1830-х гг. история о юной одаренной поэтессе, умершей в 17 лет, широко распространилась в литературных кругах [Ганзбург 1990]. Однако публикации стихотворений за подписью юных сочинительниц, часто с указанием возраста, нередко встречались и до появления биографического мифа Кульман.

В 1810-х гг. в журнале «Друг юношества и всяких лет» под редакцией М. Н. Невзорова появилось несколько детских стихотворений с издательскими примечаниями о возрасте сочинителей и нередко их собственными заметками о желании напечатать свои стихотворения. В 1810 г. было напечатано стихотворение двенадцатилетнего юноши¹⁰², в 1813 — сочинения одиннадцатилетнего Сергея Викулина¹⁰³ и девятилетнего Никандра

⁹⁹ См. об этом *Главу 4.1.*

¹⁰⁰ Ср.: [Голицын 1889: 228; Смирнов-Сокольский 1969: I, 432].

¹⁰¹ Здесь и далее под именем «Смирновой» понимаются автор или авторы, скрывающиеся за этим псевдонимом.

¹⁰² «Рондо Суворову», подпись: «А. К.» [ДЮ: 1810, № 7, 48].

¹⁰³ См. стихотворения Викулина: «Пение младенцев» («Почто, о человек! Стремись...») [ДЮ: 1813, № 2, 139–140]; «Чувствие отечественного счастья» («Грозил оковами Европе гордый Галл...») [ДЮ: 1813, № 5, 75–77].

Дудышкина¹⁰⁴. Эти публикации, согласуясь с направлением журнала, носили образовательный характер: с одной стороны, таким образом поощрялись детские литературные опыты, с другой — для юных читателей и читательниц эти тексты были примерами того, как и о чем писать стихи¹⁰⁵. Появление детских стихотворений в этом журнале согласуется с общей тенденцией публикации детской поэзии в воспитательных целях, получившей наибольшее распространение в Англии на рубеже XVIII–XIX вв. [Kittredge 2011].

Наряду со стихотворениями Викулина и Дудышкина, в «Друге юношества» были опубликованы с примечаниями и сочинения от лица девушек — «Размышление молодой девушки, глядя на овинный пожар» (проза, подпись «А. Л.») и стихотворение «К дружбе» («Слиянье кротких душ, о дружество святое...», подпись «Ал... М.л.н.ва») [ДЮ: 1814, № 4, 98–99]. В первом случае женский текст также дается в качестве образцового, но представляется результатом не обучения, а спонтанного выражения на бумаге «живого» чувства¹⁰⁶. Стихотворение «К дружбе» сопровождается примечанием сочинительницы, где она крайне скромно судит о своих способностях и обращается к издателю как к ментору.

Как показано в работе Урсулы Штолер, на рубеже XVIII–XIX вв. под влиянием сентиментализма в русской традиции складывается комплекс представлений о женской поэзии как «природном» и спонтанном изложении чувств, которое при этом должно быть скрыто от публики [Stohler 2016]. Они согласуются и с возникшим приблизительно в это же время образом девушки как лучшего объекта воспитания, *tabula rasa*: будучи ближе к природе, нежели культуре, представлявшейся мужской сферой, «женщина-ребенок» могла воплощать естественный идеал человека, при этом полностью разделяя свои мысли и опыт (в том числе писательский) с мужчиной-наставником [Лотман 1994: 310–311; Stohler 2016: 42–43]. Как видно уже из двух публикаций в «Друге юношества», в этой системе представлений молодые девушки, при одобрении и посредничестве своих менторов, могли представлять свои сочинения в печати, однако только на тех же скромных, «воспитательных» основаниях, что и поэты-дети.

Подчеркнуто скромный и благонравный характер женских публикаций, часто обращенных к патронам, мог прямо противопоставляться стихо-

¹⁰⁴ См. стихотворения Дудышкина: «Моя молитва о грехах» («Пусти! пусти! иду просить прощенья...») [ДЮ: 1813, № 2, 147]; «Сердечное признание моему Благодарителю Максиму Ивановичу Невзорову» («О, ты мой Благодаритель!..») [ДЮ: 1813, № 3, 155–156]; «Чувства при буре, или благодарность нашему благодарителю» (в прозе) [ДЮ: 1813, № 11, 138–139].

¹⁰⁵ Ср., например, издательское примечание о языковых недостатках стихов одиннадцатилетнего Дудышкина, на которые Невзоров указывает, но намеренно не исправляет [ДЮ: 1814, № 10, 103–105].

¹⁰⁶ См. в примечании к стихотворению: «Здесь не умничание и не наученность говорит, а живые чувства нежного сердца милой Сочинительницы» [ДЮ: 1814, № 3, 69–72].

творениям молодых «модных» поэтов. Так в журнальной борьбе начала 1820-х гг. использовалось стихотворение за подписью пятнадцатилетней Надежды Косоховской «Дяде и благодетелю И. А. К.»: помещенное в «Благонамеренном» в 1823 г., стихотворение было снабжено следующим примечанием А. Е. Измайлова: «Юная девица Косоховская пишет несравненно лучше многих юных наших баловней поэтов и даже многих престарелых стихотворцев»¹⁰⁷. Отсылка к «юным баловням-поэтам» заставляет вспомнить и о том, что в 1820–1830-х гг. за пределами журналов воспитательного характера даже дебютные стихотворения молодых поэтов-мужчин практически никогда¹⁰⁸ не сопровождалось примечаниями о возрасте или интенциях автора.

Тем не менее при публикациях женских стихотворений особое примечание о возрасте поэтессы в этот период встречается достаточно часто: укажем на пять публикаций стихотворений тринадцатилетних девиц, среди которых дебютная публикация Н. С. Тепловой¹⁰⁹, по одному стихотворению девиц десяти¹¹⁰, одиннадцати¹¹¹, четырнадцати¹¹² и пятнадцати лет¹¹³. Хотя этот список не является исчерпывающим, как кажется, он отражает

¹⁰⁷ См. примечание к стихотворению Н. Косоховской «Дяде и благодетелю И. А. К.» («О ты, для всех нас драгоценный...»): [Благонамеренный: 1823, ч. 21, № 5, 354–355].

¹⁰⁸ В редких случаях примечаниями сопровождаются стихотворения мальчиков до 10 лет: см., например, стихотворение девятилетнего «Алексаши Лиц...ва»: «Петух и алмаз. Басня» [Благонамеренный: 1821, ч. 16, № 21–22, 113]. По-видимому, в образовательных целях примечания такого рода появляются в «Дамском журнале» П. И. Шаликова на рубеже 1820–1830-х гг.: ср., к примеру, пояснение к стихотворениям «Ф. К.»: «Поэту не более 16 лет» [ДЖ: 1833, ч. 41, № 11, 169]. Это, однако, отличает «Дамский журнал» от других периодических изданий, где такие примечания в 1820-х и 1830-х гг. уже не встречаются. Отметим, что Шаликов также участвовал и в «Друге юношества и всяких лет» [Кочеткова 1999: 338] и в своем журнале мог использовать устаревшую к 1820-х гг. «просветительскую» манеру представления юных сочинителей.

¹⁰⁹ См. стихотворения: «Сердечная благодарность» («Прости приятное собранье...») [НЗ: 1820, ч. 2, № 5, 165] (без подписи, с пометой «Село Никольское»); «Мысли при кладбище» («Когда шум града умолкает...»), подпись: «Варвара Т...ва» [Благонамеренный: 1822, ч. 18, № 19, 221–223]; «От Дочери к Отцу» («В стране, от северных Бореяв отдаленной...»), подпись: «Е. Голавлева» [Благонамеренный: 1825, ч. 31, № 31–32, 174]; «К родной стороне» («О Скалба родная...») Н. Тепловой [МТ: 1827, ч. 15, № 12, отд. 2, 136–137]; «Содержательнице благородного пансиона в Харькове, Е. Ф. Фон-Бирих, от ее воспитанниц» («Хотели б мы пересказать...») Е. Витковской [ДЖ: 1829, ч. 25, № 3, 38].

¹¹⁰ «Содержательнице благородного пансиона в Харькове, Е. Ф. Фон-Бирих, от ее воспитанниц» («Собрались мы, как ваши дети...») М. Верховской [ДЖ: 1829, ч. 25, № 3, 38].

¹¹¹ «На кончину Благотворительной Государыни Императрицы Марии Феодоровны» («Какой удар! Она скончалась...») А. Глинки [ДЖ: 1828, ч. 24, № 24, 195–196].

¹¹² «Буря и пожар» («Взгляните как стонет и мечется буря...») Л. Корсаковой [ЛПРИ: 1839, т. 2, № 1, 5–6].

¹¹³ «Дяде и благодетелю И. А. К.» («О ты, для всех нас драгоценный...»), Н. Косоховской [Благонамеренный: 1823, ч. 21, № 5, 354–355].

тенденцию к публикации женских стихотворений с указанием на «юность» авторки. Инфантилизация женщин-авторов, характерная для начала века, продолжалась и в 1820–1830-х гг.: указание на возраст 12–15-ти лет, почти пограничный между ребенком и взрослым [Лотман 1994: 63; Giannarelli 1977–1978], по-видимому, помогало не только привлечь внимание, но и легитимизировать женский дебют в печати, указать на некоторый особый поощряемый наставниками или издателями случай.

Практика публикации девичьих стихотворений со специальными примечаниями, как кажется, объясняет зачин предисловия к сборнику Смирновой («Пятнадцатилетний возраст мой...» [Смирнова 1837: 5]). Публикация стихотворений юных поэтесс и поэтесс-женщин к 1830-м гг. в целом не была редкостью (см. Гл. 2.2). Перечислим сборники поэтесс, вышедшие между 1835 и 1840 гг.:

Собрание различных стихотворений. Сочинение Анны Смирновой. Издание 1-е (В 2 томах). СПб.: тип. Вингебера, 1837 (145 стр., 55 стихотворений)

Опыты в стихах пятнадцатилетней девицы Елисаветы Шаховой. СПб.: в тип. Вингебера, 1837 (23 стр., 8 стихотворений¹¹⁴)

Сочинения Е. В. А...й <Е. В. Аладыной>. СПб.: в тип. Вингебера, 1838 (24 стр., 9 стихотворений)

Стихотворения, сочиненные девицей В. М. <В. Молчановой?>. СПб.: в тип. Глазунова, 1838 (11 стр., 3 стихотворения)

Стихи бедной девицы, слепой дочери деревенского пономаря, сообщенные в Императорскую Российскую Академию, от ней изданные <Д. А. Анисимовой>. СПб.: в тип. Имп. Рос. акад., 1838 (26 стр., 7 стихотворений, с приложением писем Д. Н. Блудова и А. С. Шишкова вместо предисловия)

Стихотворения Н. Тепловой / Изд. 2-е, умноженное. М.: тип. Лазаревых, 1838 (78 стр., 52 стихотворения)

Полное собрание Русских, Немецких и Италиянских стихотворений Елизаветы Кульман / Изд. 2-е. СПб.: в тип. Имп. Рос. акад., 1839 (Ч. 3. Пиитические опыты: 207 стр., 32 стихотворения)

Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб.: в тип. Имп. Рос. акад., 1839 (120 стр., 26 стихотворений и 3 поэмы)

Из этого списка заметно, в чем отличие сборника Смирновой от других публикаций юных и малоизвестных поэтесс конца 1830-х гг. По своему объему и названию («Собрание», указание на издание) сборник Смирновой имитирует книгу поэтессы уже со сложившейся репутацией — как,

¹¹⁴ Из восьми стихотворений Шаховой шесть — послания, одно из которых прямо обращено к покровителю, ср. содержание сборника: «Доброй матери», «Ей же», «В. М. Д-му», «А. И. И-ой», «Бабочка», «Другу», «Видение», «К *** (почтенному покровителю моему)».

например, было в случаях Тепловой и Кульман. Стихотворения настоящей пятнадцатилетней поэтессы — Е. Н. Шаховой, — по ироничному стечению обстоятельств также вышедшие в 1837 г., представляют полную противоположность сборнику Смирновой. Дебютная книжка стихотворений Шаховой, как и примечания издателей в периодике, прямо обращала внимание читателя на возраст сочинительницы, сборник открывался двумя посланиями матери, а завершало его послание покровителю¹¹⁵. Негласное правило об обращении юной поэтессы к наставникам и указание на возраст работало для дебютной публикации и, как видно, уже не применялось к следующему сборнику Шаховой (1839).

Следующее сразу за указанием на возраст прямое обращение Смирновой к читателям и ее большие авторские амбиции должны были вызывать если не комический эффект, то явный диссонанс у читателя, привыкшего видеть женские стихотворения с сопровождающим комментарием покровителя или издателя-мужчины: требование Смирновой благосклонности публики полностью нарушало сложившийся «скромный» образ дебютирующей юной поэтессы.

Хотя примечания о возрасте поэтесс могли сопровождать дебютные публикации в периодике, они не появлялись при следующих изданиях стихотворений и, как показывает случай Н. Тепловой, могли вовсе не становиться частью биографической легенды [ср.: Вацуро 2000]. В действительности же заметным литературным фактом могло стать юношеское творчество рано умерших поэтесс.

К 1820–1830-м гг. ранняя смерть становилась важной частью биографической легенды, позволяя видеть в женщине воплощение стереотипного романтического образа ангела, канонизированного в поэзии В. А. Жуковского [Лотман 1994: 65]. Вместе с тем миф об умершей *поэтессе* не мог не соотноситься и, по-видимому, прямо восходил к мифу об умершем «младом певце», также берущему начало в текстах Жуковского [Топоров 1981]. Применительно к поэтессам, еще до появления биографического мифа Елизаветы Кульман, эта оптика использовалась в биографии Марии Алексеевны Пospelовой (между 1780 и 1784¹¹⁶ — 1805): очерк Б. М. Федорова о ее жизни и творчестве был напечатан в 1824 г. в «Отечественных записках». Статья о Пospelовой открывается эпитафией из четырех строк «Сельского кладбища» Жуковского («Как часто редкий перл, волнами сокровенный / В бездонной пропасти сияет красотой! / Как часто лилия цветет уединенно — / В пустынном воздухе теряя запах свой!»), которая тем самым предвосхищает дальнейшее повествование о забытой к 1820-м гг. поэтессе. Говоря о Пospelовой, Федоров подчеркивает характерные для «идеального» женского

¹¹⁵ О дебютной публикации Шаховой см.: [Аксененко 2006]. Стихотворения Шаховой печатались при поддержке Российской академии, однако первая ее книга так же, как сборник Смирновой, вышла в типографии К. Вингебера, как можно предполагать, из финансовых соображений.

¹¹⁶ Точный год рождения неизвестен, см.: [Stohler 2016: 113–114].

образа отсутствие авторских амбиций и желания литературной славы, которые при этом сочетаются с природным, как бы саморазвившимся талантом¹¹⁷.

Существенно, что подобного нарратива о юном таланте не сложилось вокруг Анны Алексеевны Волковой (1781–1834) — современницы Пospelовой, также дебютировавшей в тринадцатилетнем возрасте, однако еще продолжавшей публиковать редкие стихотворения в 1810–1820-х гг.¹¹⁸. Дебютные публикации Волковой и Пospelовой — напечатанные, когда первой было тринадцать (1794), а второй не более пятнадцати лет (1795) — не сопровождалась никакими примечаниями или преамбулами о возрасте поэтесс. В очерке Федорова, где многократно подчеркивается «юный» утраченный талант, а сама девушка прямо названа «ангелом», таким образом, на биографию Пospelовой уже постфактум накладывался романтический образ рано умершей юной поэтессы; характерно, что эта трактовка использовалась и в позднейших критических очерках о Пospelовой [Stohler 2016: 114–116].

Тексты и имя Пospelовой скорее были мало известны читающей публике, а ее биография к 1830-м гг. воспринималась как далекое прошлое. Напротив, появление яркого таланта Елизаветы Кульман — практически современницы читателей — сделало ее сочинения и биографию настоящей литературной новинкой [Ганзбург 1990: 152]: вышедшие из печати в 1833 г. «Пиитические опыты Елизаветы Кульман» прямо встраивались в уже сложившийся нарратив об ушедшей из жизни юной поэтессе.

Главный биограф Кульман в 1830-х гг., А. В. Никитенко, описывал поэтессу в рамках сложившегося «ангелического» женского типа. В связи с этим ее творчество и авторские амбиции сводились к проявлениям «естественного» таланта, связанного не с образованием, а с проявлением в девушке самой Природы¹¹⁹. Все это прямо противоречило биографии Кульман, которая была крайне образована. Она знала 11 языков и писала стихи на четырех из них; ее оригинальные и переводные тексты в основном были вдохновлены античностью, и для своих стихотворений Кульман осознанно выбрала необычную для русской поэзии форму — 3-стопный

¹¹⁷ Ср.: «<...> нельзя без удивления читать Оды <...> и другие произведения пера ее <Пospelовой — А. М.>, и представить, что сии прелестные цветы Поэзии и Философии возвращены семнадцатилетнею Музой, которой дар, еще в неразвитии изумляющий, смертию похищен от отечества на двадцать втором году ее жизни, и гроб сокрыл навеки от земли черты Ангела, душою своему виду подобного. Пospelова представляет редкий пример природных способностей <...> она сама образовала себя, сама приутовила блестящую стезю своему имени.» [Федоров 1824: 187–188]

¹¹⁸ Ср. заметки о ней конца 1820-х — начала 1830-х гг.: «О стихотворениях девицы Волковой» П. И. Шаликова [ДЖ: 1827, ч. 20, № 19, 3–9]; «Анна Алексеевна Волкова» М. Макарова [ДЖ: 1833, ч. 44, № 51–52, 145–146].

¹¹⁹ Ср.: «<...> вместо того, чтобы учить, <учитель Кульман К. Ф. Гроссгейнрих> сам учился таинствам Природы, раскрывавшимся пред ним в лице ее помазанницы <Кульман. — А. М.>» [Никитенко 1835: 52].

нерифмованный ямб. Тем не менее, в биографической легенде 1830-х гг. образованность и творческие амбиции Кульман прямо отрицались, вплоть до оправдания ранней смерти необходимостью сохранить статус «женщины-ребенка»:

Чистая, девственная душа ее <Кульман. — А. М.> еще не знакома была с прельщениями хвалы <...> Особенно никто не мог предполагать в ней сочинительницы: она хранила под покровом глубочайшей тайны плоды своих поэтических восторгов <...> Нет! это была не ученая женщина: может быть, она должна была и умереть, чтобы не сделаться ею [Никитенко 1835: 77].

Радикальность этого заключения объясняется тем, что в 1830-х гг. все больше женщин вступают на литературное поприще, в связи с чем разворачивается активная полемика о сущности и роли женщины-писательницы [Савкина 1998; Vowles 2004; ср.: Бухштаб 1972: 26–31]. Этот образ противопоставлялся «ангелическому» женскому типу: пишущая эмансипированная женщина стала примером литературной бесталанности, графомании и попросту безумия. С наибольшим радикализмом этот образ был представлен в повести Н. Н. Веревкина (псевдоним «Рахманый») «Женщина-писательница» [БдЧ: 1837, т. 23, отд. I, 15–134], опубликованной примерно в одно время с книгой Смирновой¹²⁰. Образ женщины-автора, образованной и стремящейся занять место в литературе наравне с мужчиной, довольно часто возникает в критике 1830-х гг., и коллизия решается однозначно в пользу мужчин. С одной стороны, это связано со сложившейся в XVIII в. традицией сатирического изображения женщин-авторов, проявившейся, например, в стихотворениях 1820-х гг. Пушкина и Е. А. Баратынского [Бодрова 2018a]. К 1830-м гг. распространяется также романтическое представление о том, что лишь мужчина может обладать поэтическим гением и претендовать на воплощение в объектах культуры «природного» духа, следовательно только мужчина может иметь и какие-либо литературные амбиции¹²¹.

В образе Анны Смирновой, данном в предисловии к сборнику, происходило смешение двух известных читателю 1830-х гг. женских амплуа: юной девушки-ангела на смертном одре и образованной женщины, стремящейся к литературной славе. Вычурная «ученость» сборника Смирновой заявлена уже в предисловии к сборнику в отсылках к Гомеру, Пиндару и Расину, а многочисленные имена и географические названия в стихотворениях Смирновой, вероятно, намеренно усугубляют стилизацию письма «образованного» человека. Необходимо отметить здесь и написанные от лица Смирновой примечания, которые якобы должны были прояснить

¹²⁰ О женском образе в этой повести см.: [Савкина 1998].

¹²¹ Суммировано эти концепции немецких романтиков по отношению к детям, женщинам и крестьян(к)ам изложены, например, в работах: [Kord 2003: 28–39; Ambühl 2007].

сложные фрагменты стихотворений. Так, строкам «Быть может, охладив я духом жизни Россов / Скажу, что ты сокрыл красою вредность Руссов» («Женева (С окрестностями)» [Смирнова 1837: 72]) Смирновой дан следующий комментарий: «Под именем Руссов, я разумею не двух поэтов: Жан-Жака и Жан-Батиста Руссо, но всех вообще людей, которые во время революций имели характер Жан-Жака» [Там же: 147]. Разумеется, сама традиция восприятия женщины в культуре конца XVIII — начала XIX в. находилась под сильнейшим влиянием сочинений Жан-Жака Руссо¹²², однако откровенно нелепая рифма и комментарий к ней, по-видимому, должны были имитировать абсурдный тон «женского» рассуждения о литературе. Попыткой перевернуть сложившийся образ юной поэтессы объясняется и нескромное воззвание «К публике», и наполнение сборника Смирновой сигналами чрезмерной и при этом несурзающей учености, не свойственной и не подобающей девице.

3.3.2. Источники пародийного стиля Смирновой

Историко-литературный контекст появления сборника Смирновой, как кажется, позволяет объяснить предисловие и примечания к ее книге: эти части сборника прямо связаны с женской поэзией и дискуссией вокруг нее в 1820–1830-е гг. Однако сами стихотворения Смирновой непонятны и совершенно не соотносятся с поэзией 1830-х гг. ни по форме, ни по содержанию.

Сложно согласиться с доводом Смирнова-Сокольского об ориентации Смирновой на стихотворения Кульман: последние выбиваются из русской поэтической традиции начала XIX в., поскольку большую часть своих произведений Кульман написала безрифменным трехстопным ямбом со сплошными женскими окончаниями. Очевидно, что прямая пародия на ее стихотворения должна была бы хотя бы частично отражать черты этой оригинальной формы. Тем не менее абсолютное большинство стихотворений в сборнике Смирновой написано в торжественно-архаическом стиле 6-ст. ямбом с парной рифмовкой — тоном и размером, скорее свойственными поэзии времени Пospelовой.

При этом «близкое» чтение и выяснение источников текстов Смирновой затруднительно из-за темноты ее стихов: единство смысла нередко соблюдается только в рамках рифменного двустипия, в целом же многие тексты можно назвать бессвязными. Поэтому мы предлагаем подойти к исследованию этих текстов с количественной точки зрения.

Данные Корпуса-1835 дают нам возможность сравнить сборник Смирновой с текстами ее современников и современниц. Это, с одной стороны, позволит нам проверить, нет ли среди известных нам поэтов кандидата на

¹²² Ср.: [Лотман 2000], в контексте женской литературы: [Лотман 1994; Stohler 2016: 23–84].

авторство сборника-мистификации. С другой стороны, так мы оценим, близок ли язык мистификации к стилю реальных поэтов 1830-х гг.; мы также добавим для сравнения ряд авторских подборок за конец XVIII — начало XIX в. Поскольку тексты Смирновой в основном написаны уже архаическим для этого периода 6-стопным ямбом, для нас было невозможно отобрать для экспериментов тексты только этой формы: Корпус-1835 не имеет достаточного числа текстов, написанных 6-ст. ямбом с парной рифмовкой; мы учитывали только доступные нам авторские тексты.

Чтобы проверить, может ли автор мистификации находиться в Корпусе-1835, мы обратились к методу верификации авторства под названием General Imposters [Koppel, Winter 2014; Kestemont et al. 2016]. В основе метода лежит классический для авторской атрибуции расчет дистанций между авторами на основании употребления наиболее частотных слов: автор, который наиболее близок к искомому тексту по своему словопотреблению, выбирается как вероятный кандидат [ср.: Burrows 2002]. Специфика метода imposters заключается в том, что вычисление наиболее близкого кандидата происходит итеративно с учетом только части признаков: например, для набора в 200 наиболее частотных слов в одной итерации дистанции между авторами строятся на основании случайно выбранных 100 частотных слов (50% от списка в 200), в следующей итерации случайно выбираются другие 100 слов из 200, и так далее. Многократная оценка только случайной части признаков позволяет уменьшить влияние отдельных слов на итоговое распределение, а потому этот метод используется не только для того, чтобы найти кандидата на авторство, но и чтобы проверить, представлен ли автор текста в корпусе вообще (open-set problem).

Вопрос об авторстве сборника Смирновой лежит именно в области верификации: мы не знаем, вошли ли тексты автора / авторов мистификации в Корпус-1835, и склоняемся скорее к отрицательному ответу на этот вопрос. Вероятнее всего, автор сборника — неизвестный истории литературы поэт.

Для первого эксперимента мы учитывали все доступные нам авторские подборки объемом более шести тысяч слов, включались нелемматизованные тексты, написанные ямбом (25 авторов). Для второго эксперимента учитывались все авторские подборки того же объема, независимо от использования метров (37 авторов). Из каждой авторской подборки выбирались две случайные выборки в две тысячи слов, затем на их основе подсчитывались частоты слов и вычислялись ближайшие соседи к сборнику Смирновой с помощью метода imposters (использовались 200 наиболее частотных слов). Всего было проведено 50 итераций эксперимента¹²³.

¹²³ См. пайплайн в [Šeĭa 2023].

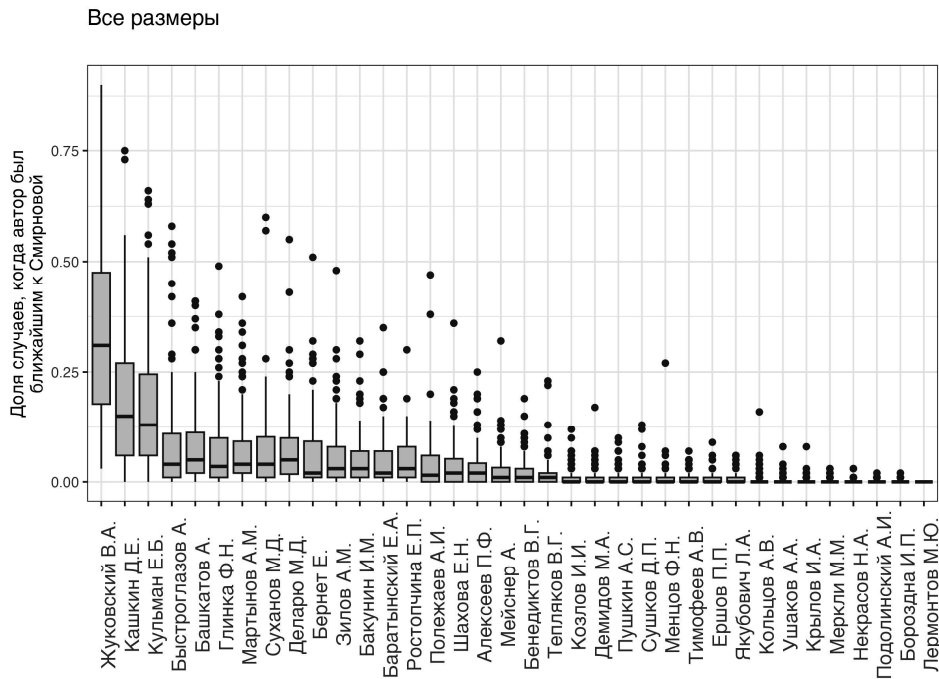
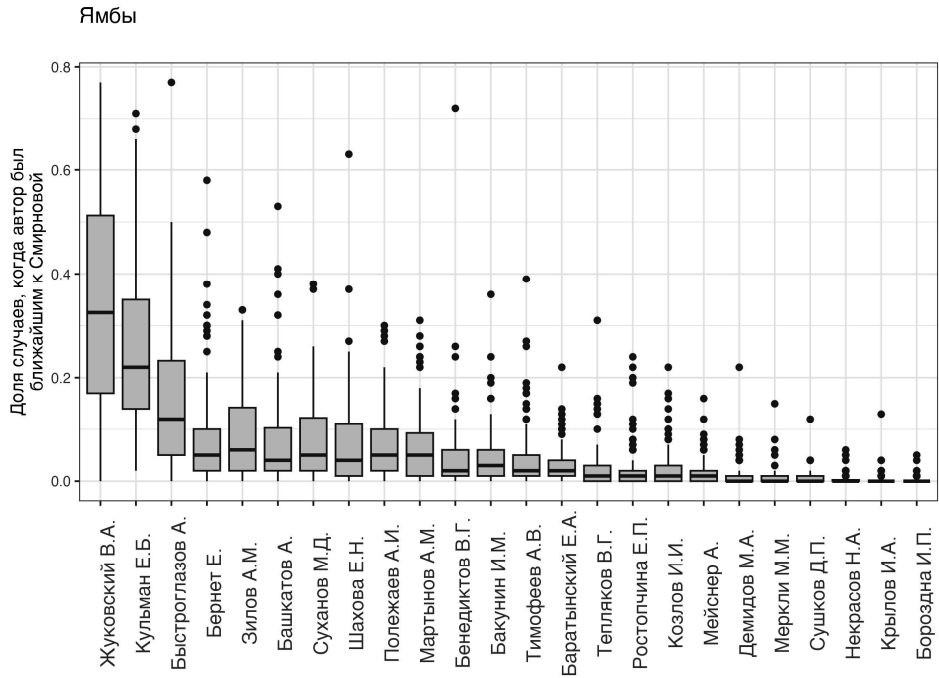


Рис. 3.3.1. Распределение результатов 50 итераций эксперимента, выполненного методом импостеров: результаты выборок только из ямбы (вверху) и из всех доступных авторских подборок (внизу).

Результаты каждой итерации эксперимента располагаются в диапазоне значений между 0 и 1: это доля, в которой определенный автор был опознан методом импостеров как наиболее вероятный автор искомого текста. Распределение результатов 50 итераций указывает на то, что в среднем ни один автор в нашем корпусе не был выбран алгоритмом как вероятный кандидат. Хотя наиболее высокие значения в обоих экспериментах показывают выборки из Жуковского, алгоритм не свидетельствует о том, что он может быть вероятным автором: в среднем Жуковский оказывался наиболее близким Смирновой автором лишь в 30% случаев¹²⁴. Это сходство, по-видимому, объясняется влиянием метра на частоты слов — в подборку Жуковского входят тексты, написанные 6-стопным ямбом, в то время как у множества авторов в Корпусе-1835 таких текстов нет вообще. Интересно, что в некоторых итерациях алгоритм указывает на близость текстов Смирновой и Кульман, однако этих случаев недостаточно для того, чтобы говорить о попытке «подделать» стихотворения Кульман. Можно заключить, что наша попытка определить автора мистификации неудачна: метод импостеров указывает на то, что словоупотребление некоторых авторов может быть иногда сходно с поэтическим словарем Смирновой, однако ее тексты не могут быть атрибутированы ни одному из поэтов, вошедших в наш корпус.

Тем не менее, методы, отражающие дистанции между авторскими стилями, могут указать на то, какие тексты стилистически близки сборнику Смирновой. В этом случае для нас имеют значение тексты поэтов, уже канонизированных к 1830-м гг.: мы использовали выборки авторов конца XVIII — первой трети XIX в. из НКРЯ. Каждый авторский корпус был разбит на десятилетия, выбирались авторы, представленные достаточным количеством текстов (не менее восьми тысяч слов в десятилетие; большинство авторов имеет подборку более двенадцати тысяч слов). К этой подборке были добавлены корпуса стихотворений Марии Пospelовой 1790-х гг. (из сборника «Лучшие часы жизни моей» (1798)), Анны Буниной 1800-х и 1810-х гг. [Бунина 2016], а также поэтесс 1830-х гг. — Елизаветы Кульман [Кульман 1833], Елизаветы Шаховой [Шахова 1839], Евдокии Ростопчиной¹²⁵. В итоговую подборку, помимо корпуса Смирновой, вошло таким образом 36 авторских корпусов, из них пять принадлежат поэтессам¹²⁶.

В то время как индивидуальный авторский сигнал проявляется в употреблении наиболее частотных служебных слов и других функциональных единиц языка, стилистическая близость должна заключаться в употреблении более контролируемых тематических слов. Поэтому для этого

¹²⁴ Для проверки алгоритма мы обозначили половину текстов Жуковского как стихотворения «неизвестного» автора; метод импостеров с теми же настройками соотнес эту подборку «неизвестного» автора с Жуковским в 90–100% случаев (среднее 0.97).

¹²⁵ Стихотворения, опубликованные в периодике второй половины 1830-х гг.

¹²⁶ Необходимость достаточно большого корпуса (более 8 тыс. слов) не позволила включить в эксперимент подборки других поэтесс 1820–1830-х гг.

эксперимента были выбраны другие условия: подсчитывались употребления частотных слов с рангами от 50 до 300, а все слова были лемматизованы. Это кажется оправданным для решения вопроса о сборнике Смирновой: трудно поддающиеся традиционному прочтению, в корпусном эксперименте ее стихотворения будут представлены как «мешок слов», где не учитывается порядок слов и грамматические формы, но важно количество использований той или иной лексики. Наша гипотеза заключается в том, что корпус Смирновой в этом эксперименте не окажется близким ни одному из корпусов поэтов-женщин 1830-х гг., однако может быть близок подборкам поэтов рубежа веков, в частности корпусам Пospelовой и А. Буниной: в мистификации используется не только архаическая для 1830-х гг. форма стиха, но и устаревшая лексика, скорее свойственная поэзии начала XIX в.

Для определения дистанций между каждым из авторов внутри каждой авторской подборки было подсчитано число вхождений выбранных 250 частотных слов. Дистанции¹²⁷ между авторами ложились в основу кластеризации, для получения итогового результата было проведено 100 итераций эксперимента. В каждой итерации из каждого авторского корпуса случайным образом выбирался фрагмент в 8 000 слов, вычислялись частоты и дистанции, а затем строилась кластеризация. Чтобы оценить устойчивость кластеров, финальная дендрограмма показывает только те кластеры, которые встречались по меньшей мере в 50% итераций (majority-rule consensus tree).

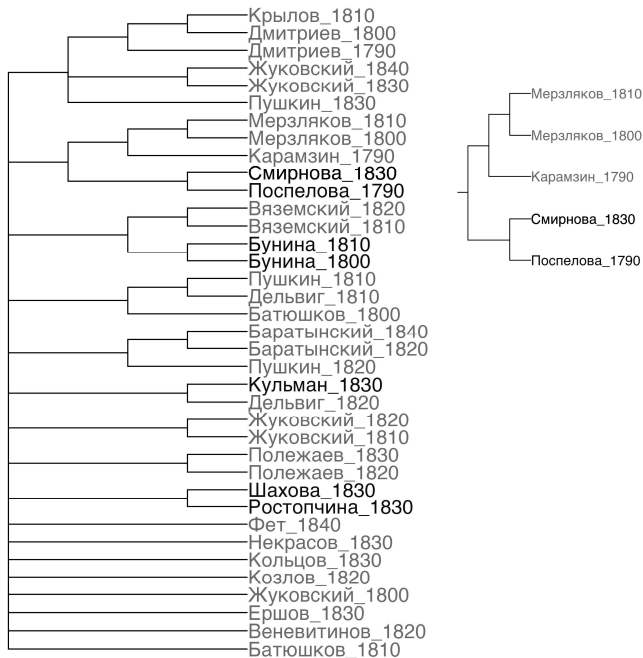


Рис. 3.3.2. Близость поэтических словарей авторов 1790-х — 1840-х гг.

¹²⁷ Использовалась косинусная дистанция (wurzburg distance в имплементации stylo).

Как видно, большинство авторских подборок не связано друг с другом: многие листья дерева на *Рисунке 3.3.2* не образуют ветвей, а восходят прямо к центру дендрограммы. Особо отметим, что по результатам этого эксперимента корпуса поэтесс 1830-х гг. — в том числе Кульман — не образуют группы со сборником Смирновой; интересно, что при этом близки друг другу выборки из Ростопчиной и Шаховой.

Корпус Смирновой оказывается в одном кластере с поэзией 1790–1800-х гг. и образует группу со стихотворениями Н. М. Карамзина и А. Ф. Мерзлякова, а также, с наибольшей близостью, с корпусом Поспеловой. Хотя и здесь можно предполагать влияние стихотворного размера на частоты слов, нужно подчеркнуть, что преобладание 6-стопного ямба в сборнике Смирновой — намеренный шаг автора мистификации. Таким образом, результаты кластеризации подтверждают нашу гипотезу о том, что в текстах Смирновой сложно видеть прямую пародию на Кульман или какую-либо из поэтесс 1830-х гг. Вхождение корпуса Смирновой в кластер, объединяющий поэзию 1790–1800-х гг., указывает на то, что при создании «женского» сборника поэзии, автор(ы) стихотворений Смирновой прежде всего ориентировались на уже архаические для 1830-х гг. образцы сентиментальной поэзии, закрепленные за женщинами-поэтессами 1800-х гг. [Stohler 2016].

Можно полагать, что «Сочинения Анны Смирновой» остались забытым эпизодом в истории литературы вследствие достаточно странного — даже для современного читателя — наполнения сборника. Скрываясь за маской дебютирующей юной поэтессы — явления, не исключительного в поэзии 1820–1830-х гг. — автор(ы) стихотворений Смирновой пытались апеллировать сразу к нескольким женским типажам и смешать образ «девушки-ангела», наиболее известный в 1830-х гг. по биографии Елизаветы Кульман, с отчетливо негативным портретом «женщины-писательницы», образованной и нескромно ищущей литературной славы. В основу текстов Смирновой, однако, ложатся уже архаические для времени выхода сборника стихотворения в «сентиментальном» духе: вероятно, и в 1830-х гг. для кого-то связанные с представлениями о «женской» поэзии. Как видно из результатов корпусного эксперимента, несмотря на раздраженный тон этого выпада против поэтесс вообще, сами стихотворения Смирновой не были талантливой имитацией и не имели ничего общего с женской поэзией и самим развитием лирики 1830-х гг.

ГЛАВА 4. Метрика

Хотя в истории русской поэзии 1830-е гг. связываются скорее с упадком поэтической культуры, в истории стиха этот период играет особую роль — на конец 1830-х гг. приходится первый «рубеж» в истории русской метрики [Гаспаров 1974: 50; Гаспаров 2000: 166–167]. В обзорном описании метрики XVIII–XIX в. Гаспаров указывает на 1830–1840-е гг. как первый период, в который существенно увеличилось разнообразие размеров: перестал активно использоваться вольный ямб, начали чаще появляться хорей и вошли в употребление новые размеры, в первую очередь трехсложные [Гаспаров 1974: 50]. Вместе с тем в 1830-е гг. существенно увеличилось число полиметрических стихотворений, а также появились и стали популярными неклассические размеры, имитирующие античный и народный стих [Там же: 52; Гаспаров 2000: 127–138].

Изменение употребительности размеров повлияло на жанровую систему поэзии как таковую. Традиционное, хотя не прескриптивное, употребление определенных размеров для определенных жанров¹²⁸ отошло на второй план сначала из-за широкого распространения жанрово-универсального 4-ст. ямба, а затем в связи с приходом новых размеров и установлением новых связей между размерами и поэтическими темами [Гаспаров 1974: 52; Гаспаров 2000: 168].

В диахронической перспективе описанная Гаспаровым эволюция метрики за полтора столетия опирается на обширный материал (7029 текстов [Гаспаров 1974: 51]), однако выборки за отдельные десятилетия XIX в., где тексты восходят к изданиям «Библиотеки поэта», могут быть неравномерными [Там же: 43] и репрезентативными лишь в отношении канонической поэзии (см. Гл. 2). Подготовленный и размеченный для этой работы корпус текстов¹²⁹ позволяет сравнить метрический репертуар «канонического» корпуса по подсчетам Гаспарова с популяцией текстов второй половины 1830-х гг. Мы полагаем, что выявленные Гаспаровым тенденции к увеличению разнообразия размеров в 1830-е гг. можно будет обнаружить не только в специально отобранных текстах, но и в сплошном срезе поэтической продукции. Как мы покажем в первой части главы, увеличение числа наблюдений в этом случае позволяет более детально описать процесс обновления метрической системы в 1830-е гг. Во второй части главы мы обратимся к проблеме связи между метром и смыслом и проверим с помощью тематического моделирования гипотезу Гаспарова о распрост-

¹²⁸ Ср. упоминания о соотношении размеров и жанров, например, в словаре Остолопова: [Остолопов 1821: I, 370–371; III, 491].

¹²⁹ Метрическая разметка выполнена автоматически, см. *Введение*.

ранении 4-стопного ямба как причине распада жанровой системы и «перераспределения» тем между метрами¹³⁰.

4.1. «Эпигоны» или «экспериментаторы»? Какие тенденции отражает метрический репертуар неканонического корпуса

Наиболее важной характеристикой 1830-х гг. в метрическом отношении является увеличение числа используемых размеров: к рубежу 1820–1830-х гг. снижается общая доля ямбов и увеличивается количество хореев, к 1830–1840-м гг. повышается частота использования трехсложных размеров [Гаспаров 1974: 50–52]. Приведем данные Гаспарова для групп размеров в сравнении с данными по НКРЯ¹³¹ и корпусу поэзии 1835–1840 гг.

Таб. 4.1.1. Доля (%) групп размеров в корпусе поэзии 1835–1840 в сравнении с данными Гаспарова и подборкой НКРЯ.

Корпус	Гаспаров 1974		НКРЯ	Корпус 1835–1840		
	1821–1830	1831–1840		1831–1840	Всего	Периодика
Ямб	77.0	58.0	59.8	64.3	58.4	68.1
Хорей	12.0	24.0	20.5	16.2	18.1	15.0
3-сложные	8.5	11.5	11	12.2	13.5	11.4
- Д	—	—	1.7	1.6	1.2	1.9
- Амф	—	—	6.4	7.7	8.8	7.0
- Ан	—	—	2.6	2.9	3.5	2.5
Прочие	2.5	6.5	8.7	7.3	10	5.5

Хотя тексты в корпус 1835–1840 гг. не отбирались по метрическим или каким-либо другим признакам, они отображают весьма сходное с 1830-ми гг. распределение доли основных размеров. Это видно, например, уже из доли ямбов, которые, в отличие от первых трех десятилетий XIX в., в 1830-е гг. уже составляют менее $\frac{3}{4}$ от всех текстов [Гаспаров 1974: 50–51]. Внутри неканонического корпуса при этом заметно отличие подборок из периодики и из поэтических книг. Так, доля ямбов в поэтических книгах (~68%)

¹³⁰ Результаты эксперимента, описанного в Гл. 4.2, уже были частично изложены в [Martyushenko, Šeja 2023].

¹³¹ Принципы выборки текстов, использовавшиеся Гаспаровым в исследовании 1974 г., наиболее близки к принципам и итоговой выборке НКРЯ (см. об этом Гл. 2), однако современная версия корпуса включает большее число текстов — этим, по-видимому, объясняются отличия в итоговом распределении метрических форм (Таб. 4.1.1 и Таб. 4.1.2).

существенно выше не только доли ямбов в периодике, но и в остальных подборках 1830-х гг. (~59%). Данные нашего корпуса, однако, позволяют утверждать, что доля ямбов постепенно снижается на протяжении всего периода (с ~65% от всех текстов в 1835 г. — до 50% в 1840 г. в периодике; с ~76% в 1835 г. до 60% в 1840 г. в отдельных изданиях). Метрический репертуар стихотворений из периодики прямо соотносится с долями размеров у Гаспарова и при этом указывает на чуть более широкое распространение трехсложных размеров (11.5% — без детализации по метрам — у Гаспарова против 13.5% в корпусе периодики). Отдельно отметим высокую частотность амфибрахий, в обоих подразделах корпуса 1835–1840 гг. превышающую долю этого размера в НКРЯ. Доля амфибрахий и хореев немного возрастает между 1835 и 1840 гг. в обоих подкорпусах Корпуса-1835.

Обратим внимание и на то, что некоторая вариативность заметна и в двух референтных подборках: число хореев в выборке Гаспарова за 1830-е гг. — 24%, практически четверть от всех групп размеров — гораздо выше показателей НКРЯ, где доля хореев достигает только 20%, в Корпусе-1835 эта доля несколько ниже — 18.1% для периодики и 15% для отдельных изданий.

В сравнении с каноническими подборками неотобранные тексты, напечатанные в 1835–1840 гг., в метрическом отношении свидетельствуют о двух противоположных тенденциях: инновации и сохранения. В случае периодики это в большей степени инновативность — данные корпуса 1835–1840 гг. здесь сравнимы с уже изученным материалом, отражающим основные вехи в истории метрики. Для поэтических книг заметно более консервативное использование размеров, однако не полностью «архаичное»: распределение долей основных метров более сходно с данными за 1830-е, нежели за 1820-е гг.

При подсчете текстов конкретных размеров за период между 1831 и 1840 гг. в подборку Гаспарова было включено около 800 текстов (798 метрических вхождений) [Гаспаров 1974: 47]; при этом он отмечал, что для этих данных деление на пятилетия не привносит принципиальных изменений [Там же: 44]. Таким образом, корпус второй половины 1830-х гг. не только сравним с данными по десятилетию, но представляет подборку, в шесть раз превышающую материалы Гаспарова (НКРЯ — более чем в два раза). Сравним количество и долю текстов, написанных основными размерами по подсчетам Гаспарова, в НКРЯ и в корпусе 1835–1840 гг. (*Таблица 4.1.2*).

Таб. 4.1.2. Распределение количества текстов и долей десяти основных размеров.

Корпус	Гаспаров 1974		НКРЯ	Корпус-1835		
	1821–1830	1831–1840	1831–1840	Всего	Периодика	Поэтич. кн.
Я3	14 1.25%	6 0.75%	29 1.4%	89 1.9%	15 0.8%	74 (42, 32) ¹³² 2.6%
Я4	476 42.4%	203 25.4%	543 26.0%	1 515 31.6%	540 28.3%	975 33.7%
Я5	100 8.9%	55 6.9%	144 7.0%	254 5.3%	109 5.7%	145 5%
Я6	49 4.4%	57 7.1%	121 5.9%	380 7.9%	154 8.1%	226 7.8%
Я-вольн.	146 13.0%	79 9.9%	191 9.3%	712 14.8%	245 12.9%	467 16.1%
Я43	—	—	23 1.1%	43 0.9%	12 0.6%	31 1.1%
Х4	102 9.1%	157 19.7%	337 16.4%	674 14.1%	293 15.4%	381 13.2%
Амф4	26 2.3%	21 2.6%	62 3.0%	213 4.4%	101 5.3%	112 3.9%
Амф43	—	—	16 0.8%	52 1.1%	23 1.2%	29 1%
Ан2	8 0.7%	14 1.75%	14 0.7%	34 0.7%	19 1%	15 0.5%
Всего текстов (100%)	1 122	798	2 055	4 797	1 905	2 892

Для наиболее популярного размера 1830-х гг. — 4-стопного ямба — доли в разных корпусах соизмеримы. Так, по подсчетам Гаспарова за 1830-е гг. и в НКРЯ около четверти всех текстов написаны в этот период 4-ст. ямбом, сходная доля стихотворений находится в периодике (28.3%). Как и в случае с описанными выше группами размеров, более консервативные тенденции заметны в поэтических книгах, где 4-ст. ямб встречается чаще (33.7%), однако не приближается к исключительно высокой частоте использования в 1820-х гг. (42.4%).

¹³² Практически половина (32 из 74) текстов, написанных 3-ст. ямбом, восходит к сборнику Елизаветы Кульман (1839). Поэтесса использовала безрифменный 3-ст. ямб для стихотворений на античные сюжеты, потому ее тексты могут рассматриваться отдельно от основной традиции. Заметим, что при подсчете долей размеров в корпусе 1835–1840 гг. это отдельное искажение практически не влияет на финальное распределение.

Описанные Гаспаровым изменения в использовании 6-ст. ямба — от потери популярности в 1820-х гг. до восстановления интереса к размеру в 1840-х гг. [Гаспаров 1974: 55–56] — как кажется, также заметны из наших данных, где 6-ст. ямб занимает несколько большую долю (~7–8%), чем по подсчетам за 1820-е гг. (примечательно, что только небольшое число текстов этого размера вошло в подборку НКРЯ). Однако сложнее в наших данных заметить увеличение доли 5-ст. ямба [ср.: Гаспаров 1974: 54–57; Гаспаров 2000: 123–125], представляющего не более 5% от текстов в корпусе 1835–1840 гг. Большое число текстов, написанных этим размером, в выборке НКРЯ может объясняться включением отрывков из драмы, однако в лирической поэзии этот размер был, по-видимому, менее популярен.

Отдельные данные по использованию 4-ст. хореев подтверждают наблюдение, сделанное из данных *Таблицы 4.1.1*: доля хореев и, в частности, 4-ст. хореев у Гаспарова существенно выше доли как в НКРЯ, так и в Корпусе-1835, что может указывать на неравномерность подборки текстов в [Гаспаров 1974]. По нашим данным и данным НКРЯ доля 4-ст. хореев приближается в 1830-х гг. к 15% (но не 20%) от всех размеров. Наиболее сопоставимы доли 4-ст. хореев в НКРЯ и в корпусе периодики, в поэтических книгах присутствие этого размера ожидаемо ниже.

Стихотворения из периодики также отражают тенденцию к увеличению популярности другого размера — 4-ст. амфибрахия. Так, его доля в периодике — 5.3% от всего корпуса (3% в случае НКРЯ), доля амфибрахий от всех размеров в периодике вообще — 8.8% (6.4% в НКРЯ); это шестой по употребимости размер в Корпусе-1835 и первый среди трехсложников. Увеличение доли амфибрахий в 1810–1830-х гг., и в частности 4-ст. амфибрахия, уже отмечалось [Гаспаров 1974: 62–63; Гаспаров 2000: 127–128], однако наши данные позволяют указать то, что «царство амфибрахия» [Гаспаров 1974: 63] распространилось за пределы ожидаемого «балладного» домена. В Корпусе-1835 находятся множественные примеры для основных семантических ветвей этого размера [см.: Гаспаров 2012: 387–389] — с одной стороны, балладной¹³³ и «ориентальной»¹³⁴, с другой — элегической. Примечательно, что последняя включает в себя как дериваты любовной и кладбищенской элегии¹³⁵, смежной с балладой, так и общие философские

¹³³ См., например: «Паж Генриха Второго. Баллада» («Он умер внезапно. Уж Генрих Второй...») В. И. Красова, «Испытание. Баллада» («Подруги, скорее! не травля, а чудо...») А. В. Тимофеева, «Водолаз. Баллада» («Из рыцарей, пажей, кто смел так душой...») А. П. Глинки.

¹³⁴ Ср.: «Пери» («В роскошной долине, среди гор Кашемира...»), подпись: «С ***»; «Амазонка» («Малютка, красавец, мой паж молодой...») А. А. Ушакова; «Поверие арабов» («В пустыне Египта, вблизи пирамид...») Л. А. Якубовича; последние два, по-видимому, могут отсылать по своей форме (двустопица 4-ст. амфибрахия с парной рифмовкой) к «Черной шали» Пушкина [Вахтель 1996].

¹³⁵ Ср.: «Элегия» («При сильных страданиях, при едкой печали...») В. И. Красова; «Печаль» («Я дружен с печалью, как с нежной сестрою...») Е. П. Гребенки; «Ревность» («Терзается сердце, палимо желаньем...») Д. П. Сушкова.

медитации на фоне романтического пейзажа¹³⁶. Таким образом, 4-ст. амфибрахий к концу 1830-х гг. уже освоен в русской поэзии и выходит за пределы немецких источников: его тематический диапазон включает в себя все основные «серьезные» лирические темы от исторических и экзотических нарративных сюжетов до медитативных отрывков. Вероятно, в контексте балладной и песенной традиции появляются и вариации на русскую тему в этом размере, широко не обсуждавшиеся в контексте семантического ореола 4-ст. амфибрахия, ср.:

В короткий, мгновенный период свиданья / С Москвой белокаменной, дух
веселя, / Блуждал я и видел громадные зданья, / Всю прелесть и древнюю
пышность Кремля («Колокол в Кремле», Е. Л. Милькеев, 1835).

Славяне! приспела пора отправления! / Давно уже ратные кони вас ждут! /
Смотрите! — Они уж удила грызут, / Бьют в землю копытом, и ржут с нетер-
пенья! («Певец к славянам пред отъездом на войну», Ф. Н. Менцов, 1835).

За славу, за счастье Царя и Державы! / Враги! ваши пули не страшны для
нас / Придите, над нами Орел наш двуглавый; / Мы весело, страшно ударим
на вас («Застольная песнь», А. Я. Кульчицкий, 1836).

Красавице-девице любить не велели, / Дружочка велели на веки забыть. / А
как ей, бедняжке! с любовью не знаться, / А как ей победной, с дружкой
разлучаться. («Русская песни. Из собрания рязанских простонародных
песен», подпись: О — л — а, 1840).

Российское солнце нисходит с высот, / Являет нам прелесть небесных
красот, / Печаль и страх гонит, всех взоры пленит; / Но кто с Ним сияет, свет
в души стремится? («Рондо ее императорскому высочеству, государыне,
великой княгине, Марии Павловне, на 1825 год», Х. Харинский, 1839).

Неси меня, Волга, к родным берегам, / В тот город — для сердца Поэта
священной, / Где юный Державин рукой вдохновенной / Впервые коснулся
громовым струнам («К Волге», М. Д. Деларю, 1835).

Можно осторожно полагать, что эта традиция в 4-ст. и разностопном амфибрахиях 4–3 восходит к «Песни о вещем Олеге» (1822, опубл. 1825) Пушкина [Немзер 2013], а также думам Рыльева («Глинский», «Иван Сусанин», обе 1822 г., опубл. 1825); более ранний пример разностопного амфибрахия 4–3 в песне также находится у А. Ф. Мерзлякова («Истинный герой» («Приятно во брани ужасной с врагами...»), 1796). В то время как первые три примера (тексты Милькеева, Менцова и Кульчицкого) прямо развивают эту традицию, «русская песня» и амфибрахия Харинского и Деларю, по-видимому, представляют пример перенесения темы в смежные уже характерные для 4-ст. амфибрахия поджанры — фольклорной стилизации, высокого

¹³⁶ Ср.: «Буря и пожар» («Взгляните как стонет и мечется буря...») Л. Корсаковой; «Море» («Бушует, бунтует старик, злое море...») Н. Е. Вуича; «Утес» («По чресл опоясан небес облаками...») А. А. Ушакова.

философского размышления и медитативной элегии соответственно. Можно думать, что тематическая вариативность 4-ст. амфибрахия, помимо собственно его доли среди других размеров, указывает на высокую продуктивность этой формы в конце 1830-х гг.

Сходства между подсчетами по использованию размеров в НКРЯ и Корпусе-1835 подтверждают то, что использование сплошного среза поэтической продукции («популяции»), а не специальных выборок не затемняет основных тенденций в развитии метрического репертуара [ср.: Корчагин 2015]. Хотя большая «консервативность» в использовании метров и размеров заметна в текстах, взятых из сборников стихотворений и прочих отдельных изданий, это может объясняться тем, что ряд текстов в поэтических книгах второй половины 1830-х гг. мог быть написан задолго до публикации. Тем не менее, эти вариации находятся в зоне допустимой погрешности: даже отдельно взятые данные по поэтическим книгам в целом соответствуют подсчетам по периоду 1830-х гг. и менее сходны с распределением размеров в хронологически более ранние периоды, например, в 1820-е гг.

В случае текстов из периодики мы можем прямо указать на высокую степень соответствия между распределением метрических форм в канонической и «сплошной» выборке. Наиболее простым объяснением «современности» текстов в периодике может служить быстрый выход текстов в печать; отчасти выбор определенных метрических вариаций может объясняться и отбором стихотворений в журналы и газеты (ср., например, увеличение популярности «русских песен» в середине 1830-х гг.). Нужно отметить и то, что история литературы в большей степени обращала внимание на авторов и тексты из периодики (см. *Гл. 2*), поэтому история метрического репертуара, построенная на подсчетах по академическим изданиям, может быть отражением канонического статуса этих текстов.

В этом случае более полные подборки, такие как собранный нами корпус, как кажется, позволяют уточнить хронологию и масштаб изменений в использовании метрических форм, их «эволюцию». В то время как под механизмами литературной «эволюции» (например, в «Литературном факте» Тынянова) зачастую понимается процесс появления отдельных инноваций, полученные нами корпусные данные отражают не конкретный момент «сдвига» в творчестве отдельных поэтов, а диссеминацию, распространение инновации в популяции, фиксируемое и описываемое гораздо реже. В том, что прямой взгляд на «неотобранное» в целом подтверждает результаты, ранее известные по каноническим текстам, можно видеть результат действия культурного дрейфа: изменения связаны со своевременным копированием участниками литературного процесса определенных тенденций¹³⁷ и со сменой литературных поколений и видимы во всей популяции, а не только в специально отобранных материалах.

¹³⁷ Ср., например, популярность хореев, уменьшение доли 4-ст. ямба.

4.2. Как повлияла «универсализация» четырёхстопного ямба на жанровую систему первой трети XIX в.

Количественное преобладание в 1820–1830-х гг. 4-стопного ямба было доказано в классических работах Гаспарова и подтверждается на материале собранного нами корпуса — этот размер является наиболее частотным как в периодике, так и в сборниках лирических стихотворений второй половины 1830-х гг. Этот период как в истории размера, так и в истории русского стиха вообще, особенно важен в связи с проблемой «распада» жанровой системы и потерей прямых связей между жанрами и размерами.

Вместе с перенесением в русский стих силлабо-тоники по немецким образцам, ямбические размеры во второй трети XVIII в. были признаны наиболее «подходящими» литературному стиху [Гаспаров 2003: 182–186], а для главного жанра XVIII в. — оды — был выбран именно четырехстопный ямб [Пумпянский 1937; Тынянов 1977: 227–252; Шапир 1996]. К концу XVIII в. поэзия сменила свое магистральное направление с публичного «ораторского» стиля в сторону медитативной и индивидуальной лирики, а одический 4-ст. ямб отошел на второй план. К середине 1810-х гг. 4-ст. ямб вновь стал популярным, однако в иной ипостаси — в активно развивающихся жанрах элегии и, позднее, фрагмента: в 1820-х гг. порядка 40% всех стихотворений было написано этим размером [Гаспаров 2000: 112]. Таким образом, за несколько десятилетий 4-ст. ямб трансформируется из наиболее жанрово-стабильного одического размера в форму, допустимую в любых жанрах и для любых тем [Там же: 58–62].

Само по себе представление о распаде жанровой системы в 1830-е гг. достаточно широко распространено и связывается с социальными причинами. Например, в интерпретации Л. Гинзбург в 1830-е гг. в поэзию вступают поэты извне узкого аристократического слоя, для которых жанровые и языковые конвенции уже не связаны с их идейными истоками — это снимало ограничение на смешение регистров внутри одного текста и привело к расшатыванию жанровой системы [Гинзбург 2007: 277–280].

Прямое влияние распространения 4-ст. ямба на распад жанровой системы в русской силлабо-тонике в 1830-х гг. было концептуализировано Гаспаровым. В его концепции сверхпопулярный 4-ст. ямб не только вышел за рамки своей собственной жанровой области, но и способствовал разрушению связей между другими размерами и жанрами¹³⁸. После спада интереса к 4-ст. ямбу к 1840-м гг. поэты обратились к новым размерам, и таким образом начали устанавливаться новые связи размеров с опреде-

¹³⁸ Такой взгляд на историю 4-ст. ямба в целом не подвергался критике, но и не был развит подробно: большинство работ посвящено не влиянию размера на распад жанров, а ритму 4-ст. ямба, ср.: [Тарановский 1953/2010; Шапир 1996; Добрицын 2016; Ляпин 2016; Ляпин 2020; Тверьянович 2022].

ленными темами, но не жанрами [Гаспаров 1974: 52–53; Гаспаров 2000: 112–114, 166–167].

Устойчивая ассоциация между метром и смыслом известна в стиховедении как семантический ореол метра. Изначально это явление изучалось на материале нечастотных метрических форм и приписывалось практически исключительно им [Jakobson 1938/1979; Тарановский 1963; Гаспаров 1999/2012, Шапир 2015]. Позднее связь метров и семантики была обнаружена в ряде европейских поэтических традиций [Tarlinskaja, Oganeseva 1986; Tarlinskaja 1989; Červenka 1991; Гаспаров 2012; Dobrzyńska 2014] и подтверждена на материале обширных поэтических корпусов с помощью компьютерного моделирования [Šeĭa et al. 2020; Šeĭa et al. 2022].

Исходя из результатов новейших исследований, можно полагать, что семантический ореол существует и у наиболее распространенных, центральных для традиций размеров: будь то 5-ст. ямба в английской традиции, 5-ст. хорей и ямба в чешской или 4-ст. ямба в русской традиции. Эти метры, как принято считать, «универсальны» или семантически «нейтральны»: ими может быть написано стихотворение на любую тему¹³⁹. В этой главе мы попробуем ответить на вопросы, каким образом сложился семантический ореол 4-ст. ямба как «универсального» метра в 1810–1820-х гг. и повлияла ли «универсализация» на семантические связи в других метрах в 1830-х гг. Для этого мы посмотрим, насколько разнообразны тематически стихотворения, написанные 4-ст. ямбом и другими метрами, на материале нашего корпуса и канонической подборки НКРЯ.

В центре нашего внимания, таким образом, оказывается период в истории 4-ст. ямба, когда размер перестал ассоциироваться с четко определенным набором тем — другими словами, лишился своего семантического ореола (а также, по Гаспарову, повлиял на потерю ореолов другими размерами). Мы полагаем, что отношения между смыслом и метром можно формализовать, а процессы тематической экспансии и «распада» ореола — смоделировать с помощью компьютерных методов.

Для этого каждый текст будет представлен как набор тем с помощью тематического моделирования, а появляющиеся внутри размеров темы — в виде сетевых визуализаций. Такое представление позволит нам проследить за изменениями тематического диапазона 4-ст. ямба и увидеть, повлияла ли его экспансия на структуру тематических связей в других размерах. Мы также попробуем изучить степень прямого заимствования 4-ст. ямбом тематических связей, характерных для других размеров в 1830-х гг. Хотя общие представления об этих процессах уже были описаны в нашем совместном исследовании с Артемом Шелей на материале НКРЯ [Martynenko, Šeĭa 2023], в этой главе мы уделим большее внимание неканоническому материалу и сравним семантическую структуру разных размеров, как она представлена в НКРЯ и в Корпусе-1835.

¹³⁹ См. употребление эпитетов «нейтральный» и «универсальный» по отношению к 4-ст. ямбу в этот период: [Тарановский 2010: 80; Гаспаров 2000: 172]

4.2.1. Формализация семантического ореола с помощью тематического моделирования и сетевых визуализаций

Для эксперимента мы будем использовать данные НКРЯ за период между 1775 и 1850 гг., а также составленный нами корпус поэзии второй половины 1830-х гг. в полном объеме.

Хотя в обоих корпусах медианная длина текста составляет 22 строки, встречаются и более длинные тексты, включающие от 200 до 2000 строк. Для того, чтобы последние корректно соотносились в модели со средним по длине лирическим стихотворением, мы делали случайные выборки строк (семплирование): из каждого текста длиннее 50 строк выбирались случайные последовательные фрагменты по 22 строки. В зависимости от длины текста в строках мы выбирали по фрагменту на каждое из значений интервалов (25, 50, 100, 200); для текстов, превышающих 300 строк, выбирались 6 случайных отрывков по 22 последовательных строки. Объем корпусов после семплирования показан в *Таблице 4.2.1*.

Таб. 4.2.1. Количество текстов основных размеров (после семплирования).

Размер/Период	1775	1780	1785	1790	1795	1800	1805	1810	1815
Я4	70	80	67	176	307	220	166	195	244
Я6	108	97	55	79	103	72	146	155	113
Я-вольн.	33	192	42	85	115	142	220	239	344
Х4	25	11	14	95	137	80	74	87	66
Прочие	31	21	36	103	108	130	125	253	360

Размер/Период	1820	1825	1830	1835	<i>Корпус-1835</i>	1840	1845
Я4	528	776	522	302	1589	273	193
Я6	129	125	94	75	362	125	73
Я-вольн.	198	205	145	118	689	83	61
Х4	78	133	187	201	655	319	119
Прочие	349	464	597	432	1471	612	670

Каждый текст сопровождался данными о размере (метр и количество стоп), годе написания или публикации. Все тексты были предварительно лемматизованы с помощью `rumystem3` [Segalovich 2003], затем для уменьшения размерности модели использовались только пять тысяч самых частотных слов¹⁴⁰.

¹⁴⁰ Семплирование, лемматизация и, прежде всего, использование только слов из списка 5000 наиболее частотных имеет существенное влияние на модель и интерпретируемость ее результатов; мы не тестировали метод на нелемматизованном корпусе с использованием большего числа уникальных слов.

1. Тематическое моделирование

Для того, чтобы поместить все тексты в соизмеримое семантическое пространство, мы использовали метод тематического моделирования (topic modelling). Этот метод позволяет представить каждое стихотворение как набор топиков (тем), где каждый топик представляет собой вероятности каждого слова в корпусе. Наиболее важны для интерпретации топиков самые вероятные слова: так, если три наиболее вероятных слова в топике — «море», «волна» и «корабль», — можно условно обозначить этот топик как «морской». Вероятность каждой темы в тексте зависит от распределения частот слов: модель пытается сгенерировать топики и их вероятности внутри текстов наиболее близко к имеющемуся в корпусе распределению частот слов. Таким образом, слова, часто находящиеся в одном контексте, будут представлены в одном топике, а каждый текст будет представлен набором вероятностей всех топиков в модели. Этот метод уже успешно использовался для моделирования тем в поэтических текстах [Navarro-Colorado 2018; Plecháč, Haider 2020] и, в частности, для изучения семантического ореола в разных традициях [Šeĭa et al. 2022; Plecháč, Kolár 2022].

Для нашего корпуса была сделана модель из 75 топиков¹⁴¹, где каждый топик примерно соотносится с отдельными и хорошо узнаваемыми поэтическими темами. Приведем в пример три топика, которые, как мы полагаем, можно связать с жанром «русской песни»; каждый топик мы представляем в виде десяти наиболее частотных слов в этом топике, согласно модели:

Топик 29: девица, молодой, красный, старик, белый, молодец, ходить, невеста, красавица, старый

Топик 43: ах, оставлять, горе, бедный, скоро, знать, видеть, ничто, беда, оставаться

Топик 71: конь, поле, степь, пыль, скакать, чрез, нога, дым, мчаться, огонь

Как мы покажем ниже, вероятность встретить эти топики в текстах, написанных 4-ст. хореем, и, в частности, в «русских песнях» выше, чем, например, в элегиях, написанных 6-ст. ямбом. Хотя такие выводы могут казаться очевидными для читателя-литературоведа, в данном случае перед нами стоит вопрос о том, доступно ли такого рода различие поэтических тем для алгоритма. Соответствие топиков общим читательским представлениям о жанрах и семантических ореолах позволяет надеяться на положительный ответ на этот вопрос. При этом модель не имеет никакой иной информации, кроме данных о лексических частотах: ни жанровые заголовки, ни сведения о размерах не учитывались при генерации топиков. Эти сведения мы, однако, можем использовать, чтобы попробовать изучить структуру¹⁴² связей топиков внутри отдельных размеров.

¹⁴¹ Список пяти самых частотных слов в каждом топике см. в *репозитории*.

¹⁴² Ср. высказывание Гаспарова о том, что семантический ореол, это не просто набор тем, но их структура [Гаспаров 2012: 159].

2. Преобразование топиков в узлы и ребра сети

Благодаря тематическому моделированию каждое стихотворение в корпусе представлено в виде вектора вероятностей 75 топиков. Для примера, представим, что у нас есть модель для двух текстов: в одном тексте вероятности топика 1 — 0.01, топика 2 — 0.005, топика 3 — 0.0001, и т. д.; в другом тексте эти топики представлены иначе: топик 1 встречается с вероятностью 0.001, топик 2 — 0.005, топик 3 — 0.02, и т. д. Эти значения складываются в два вектора: [0.01, 0.005, 0.0001, ...] и [0.001, 0.005, 0.02, ...], которые можно сравнить между собой, и, соответственно, узнать, насколько тематически близки друг другу два текста в репрезентации модели.

Вероятности топиков, как правило, распределены неравномерно, и одни топики представлены в отдельном тексте больше, чем другие¹⁴³. Для дальнейшей работы мы принимаем за наиболее вероятные топики те, которые занимают верхние 5% от всего распределения вероятностей топиков. Для примера, в стихотворении Николая Цыганова «Песня» («Как за реченькой, за быстрою рекой...»), наибольшие вероятности имеют песенные и «природные» топики 29, 36 и 43 (см. Рис. 4.2.1). Исходя из высоких вероятностей этих топиков мы можем считать их связанными между собой в этом стихотворении. Чтобы отразить эту связь, мы используем сетевое представление: каждый топик является узлом сети; а в случае, если топики связаны друг с другом, — то есть появляются вместе в одном тексте, — мы соединяем их ребром.

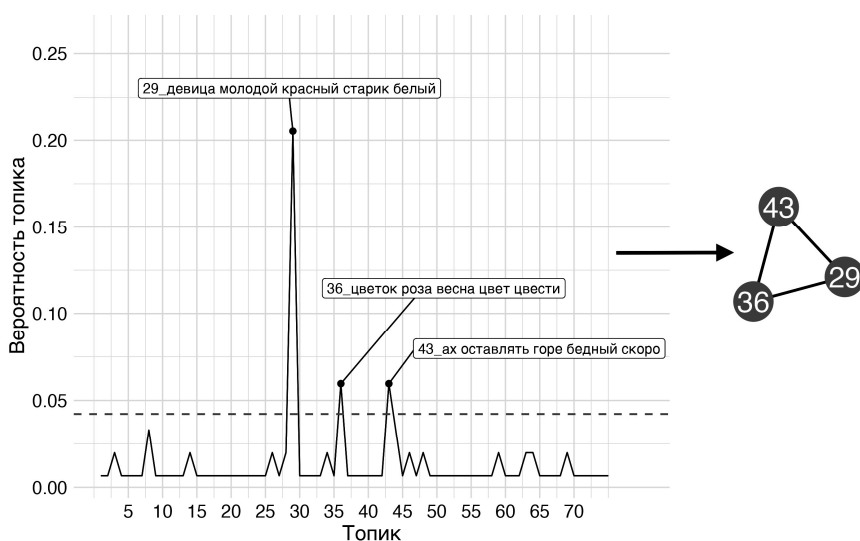


Рис. 4.2.1. Пример выявления трех высоко вероятных топиков в одном тексте и их трансформации в сеть (стихотворение Н. Цыганова «Песня» («Как за реченькой, за быстрою рекой...»)).

¹⁴³ На распределение вероятностей влияет параметр альфа, задающийся при построении модели. В нашей модели использовалось стандартное значение $\alpha = 0.5$, о других параметрах см. *репозиторий* и [Martynenko, Šeĭa 2023].

Таким образом, первые два шага в работе с моделью:

Шаг 1. Установление наиболее вероятных топиков в каждом тексте и определение их как связанных;

Шаг 2. Использование топиков из *шага 1* для построения сети: трансформация топиков в узлы сети, построение ребер между связанными топиками.

После того как анализ, схематично изображенный на *Рисунке 4.2.1*, проделан для каждого стихотворения, мы объединяем данные о связанных топиках внутри каждого размера в разные временные периоды. Так, связи, полученные из стихотворения Цыганова, добавляют три ребра сети (29–36, 29–43, 36–43) к данным для четырехстопного хорея в период между 1835 и 1839 гг.

Шаг 3. Агрегирование по размеру и 5-летнему периоду;

Шаг 4. Построение сети, где топики — узлы, а связи между топиками — ребра.

Далее мы строим сетевые визуализации для каждого временного периода. Для большей уверенности в стабильности ребер мы отображали на визуализациях только связи, появившиеся как минимум дважды в соответствующий временной период.

4.2.2. Диахронический анализ: «экспансия» четырёхстопного ямба

Комбинация тематического моделирования и сетевых визуализаций позволяет наглядно показать, что в 1820-е гг. действительно происходит тематическая «экспансия» 4-ст. ямба (*Рис. 4.2.2.а*). Такого количества связей внутри размера, как в 4-ст. ямбе в 1820-е гг., при этом не наблюдается в других популярных размерах конца XVIII — начала XIX в.: каждый из них имеет в сети свой жанровый домен, но не захватывает сеть целиком (*Рис. 4.2.2.б*).

Использование 4-ст. ямба в совершенно разных тематических областях может подразумевать, что в период экспансии размер захватывает тематические связи, ранее принадлежавшие другим размерам. Чтобы проверить эту гипотезу, мы можем сравнить имеющееся количество общих связей между двумя размерами со случайным количеством общих связей, которое пара размеров может иметь при определенном количестве текстов: поскольку количество тем в модели ограничено, одинаковые ребра так или иначе могут появляться в разных размерах. Если мы обнаружим, что количество связей между размерами существенно выше случайного, это может объясняться влиянием или заимствованием тем из одного размера в другой.

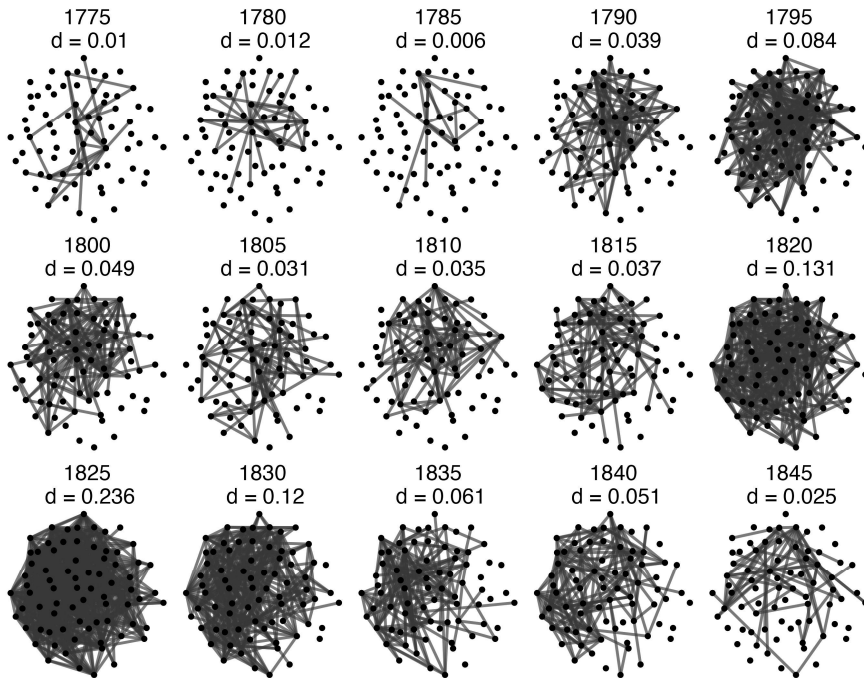


Рис. 4.2.2. а. Изменения в тематической структуре 4-ст. ямба в диахронической перспективе (5-летние периоды); d — плотность сети.

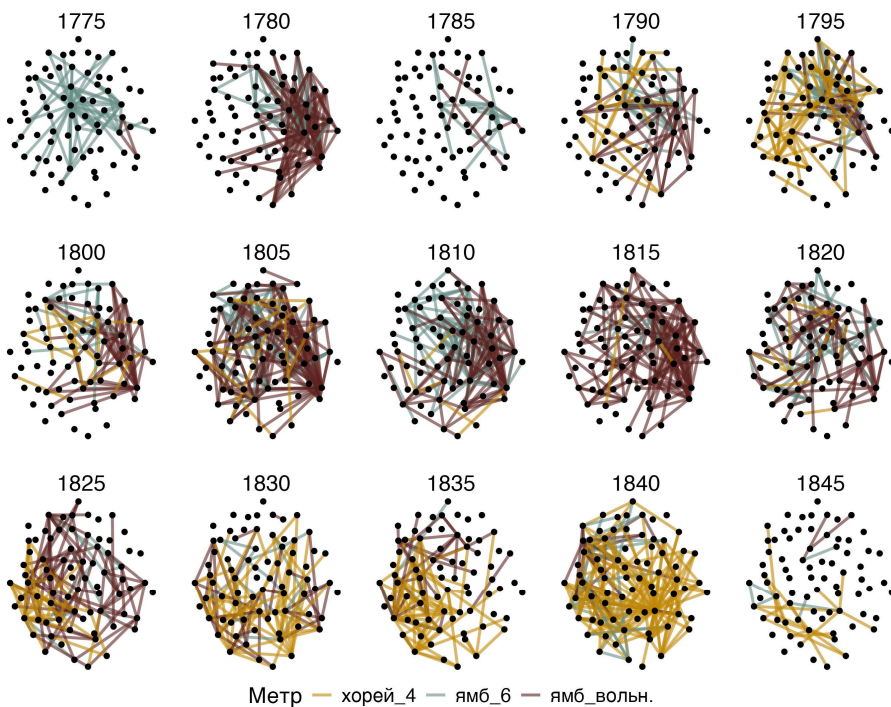


Рис. 4.2.2. б. Изменения в тематической структуре трех основных размеров (6-ст. ямба, вольный ямба, 4-ст. хорей) в диахронической перспективе (5-летние периоды).

На *Рисунке 4.2.3* сплошной линией показано количество обнаруженных связей, а пунктирной — смоделированное случайное количество, учитывающее количество текстов, написанное обоими размерами. Заметно, что практически во всех случаях мы имеем дело с числом общих связей, практически не отличающимся от того, которое можно наблюдать случайно — а потому гипотеза о заимствовании тематических связей в 4-ст. ямб из других размеров для этого материала может быть отвергнута. Некоторое исключение представляет только пара 6-ст. ямб — 4-ст. ямб: количество связей, которые эти размеры делят в 1790–1810-е гг. несколько превышает случайно ожидаемое — можно думать, что между этими размерами существует некоторая тематическая преемственность. По нашим данным, среди частотных связей, появляющихся сначала в 6-ст., а затем в 4-ст. ямбе особо выделяются метапоэтические топики. Таким образом, в переходе этих тем к 4-ст. ямбу можно видеть важную черту «экспансии» и «господства» определенного размера в метрической системе — это использование этого размера для разговора о поэзии как таковой¹⁴⁴.

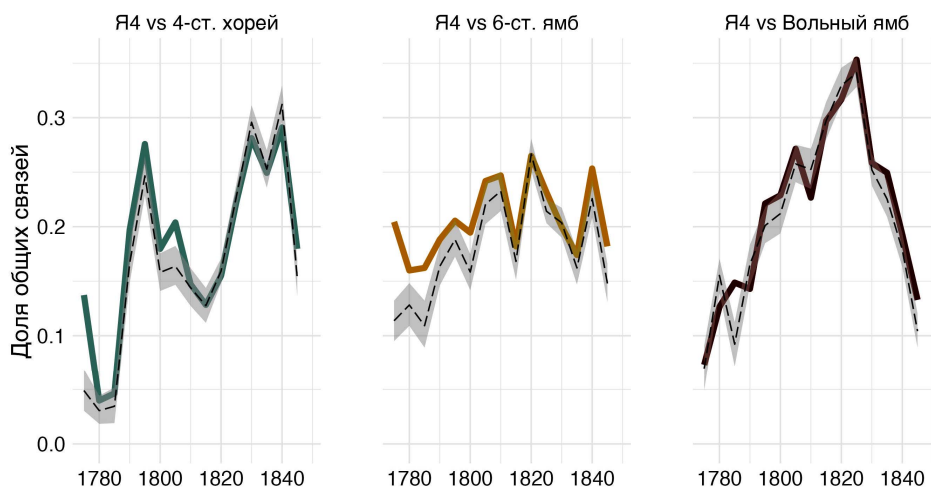


Рис. 4.2.3. Доля общих связей между парой размеров (сплошная линия) и случайное количество связей, учитывая число текстов, написанных этим размером (серый интервал и пунктирная линия).

Тем не менее, для остальных размеров увеличение количества общих тем происходит вместе с увеличением числа стихотворений в исследуемых нами выборках. Можно полагать, что расширение тематического диапазона в целом является следствием увеличения количества текстов, написанных определенным размером. Чтобы проверить эту гипотезу, мы сравним сетевые визуализации для основных размеров, как они представлены в НКРЯ и корпусе поэзии второй половины 1830-х гг.

¹⁴⁴ Подробнее об этом см.: [Šeĵa et al. 2022, Table S3; Martynenko, Šeĵa 2023: 98–99].

4.2.3. Структура семантики размеров в «каноне» и «архиве»

Как показано в *Таблице 4.2.1*, объем подборки НКРЯ за 1830-е гг. (2 673 текста) более чем в полтора раза меньше корпуса печатной поэзии за вторую половину этого десятилетия (4 766 текстов после семплирования)¹⁴⁵. Построенные нами сетевые визуализации, как было показано выше, чувствительны к этому параметру: число связей (ребер сети) между темами прямо пропорционально числу текстов, написанных определенным размером. Если сравнить сети за 1830-е гг., построенные на всех данных из НКРЯ и из Корпуса-1835, последние будут обладать кратно большим количеством связей, причем не только в случае с 4-ст. ямбом (см. *Таблицу 4.2.2*).

Таб. 4.2.1. Количество текстов основных размеров (после семплирования).

Размер	Метрика	Корпус-1835	НКРЯ
4-ст. ямб	Количество текстов	1569	876
	Количество связей	1414	777
	<i>Связи/тексты ratio</i>	<i>0.901</i>	<i>0.887</i>
	Плотность сети	0.51	0.28
6-ст. ямб	Количество текстов	362	191
	Количество связей	279	64
	<i>Связи/тексты ratio</i>	<i>0.771</i>	<i>0.335</i>
	Плотность сети	0.101	0.023
4-ст. хорей	Количество текстов	651	571
	Количество связей	490	334
	<i>Связи/тексты ratio</i>	<i>0.753</i>	<i>0.585</i>
	Плотность сети	0.177	0.120

Наш метод построения сетей мало подходит для сравнения подборок с разным количеством текстов: число ребер сети зависит от числа текстов, на основании которых построена сеть. В связи с этим для дальнейшего анализа необходимо «уравновесить» эти подборки по количеству текстов. Уже из простых показателей, не зависящих от числа текстов в корпусе, заметно, что тексты в НКРЯ имеют тенденцию к образованию меньшего числа тематических связей, чем стихотворения Корпуса-1835. Так, отношение числа ребер сети по отношению к количеству текстов («связи/тексты ratio»), для трех основных размеров может указывать на тенденцию отбора более тематически однообразных текстов в канонической подборке.

Чтобы уменьшить влияние объема корпуса на количество построенных связей, мы построили сети на основе итеративного отбора одинакового

¹⁴⁵ Подборки НКРЯ и Корпуса-1835 не пересекаются между собой: если текст уже включен в НКРЯ, он исключался из Корпуса-1835.

числа текстов из обоих корпусов. Вначале решалась проблема неравномерности числа текстов, написанных каждым автором: для поэтов, для которых в корпусах доступно более 40 текстовых фрагментов, выбирались случайные 20 стихотворений; для остальных, в том числе анонимных, авторов учитывались все тексты. Далее из Корпуса-1835 и НКРЯ случайно выбиралось по 1000 текстов, на основании которых строились сети; для каждого размера мы записывали список полученных в сети связей. Этот процесс мы повторили 100 раз, в итоге получив для каждого корпуса и каждого размера список образованных ребер сети и их частотность от 1 до 100. Частотность ребра, таким образом, может быть понята как стабильность определенной тематической связи внутри размера: ребра, появляющиеся с высокой частотой, представляют тематические связи, которые были зарегистрированы в самых разных выборках текстов. Для рассматриваемых размеров, однако, характерна различная средняя стабильность появления связей: в то время как большее число тематических связей в 4-ст. ямбе очень стабильно и в среднем появляется в ~75 из 100 итераций, эти показатели для других размеров существенно ниже (среднее около 50) (Рисунок 4.2.4).

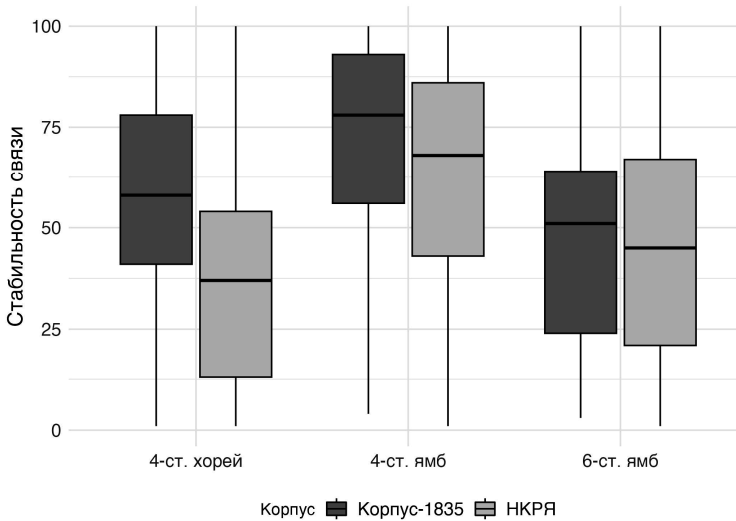


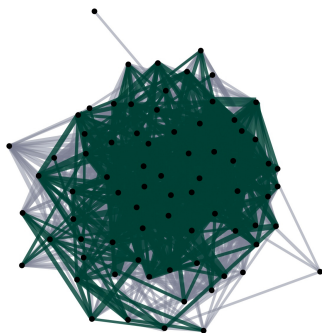
Рис. 4.2.4. Частотность появления ребер сети в случайных выборках из Корпуса-1835 и НКРЯ.

Для сравнения семантики размеров в канонической и сплошной выборке мы учитывали в сетевой визуализации только ребра с частотностью выше среднего в соответствующем размере и корпусе, выборка НКРЯ ограничена текстами 1830-х гг.

Корпус-1835

4-ст. ямб

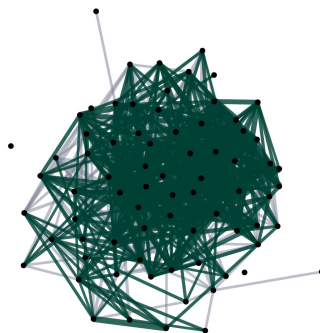
N связей = 1148
d = 0.414
% общих связей = 38.9



vs

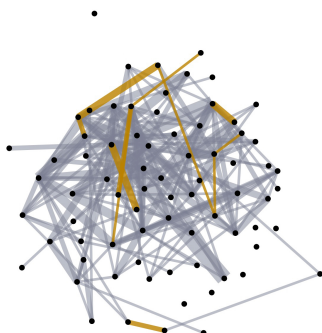
НКРЯ

N связей = 601
d = 0.217
% общих связей = 74.2

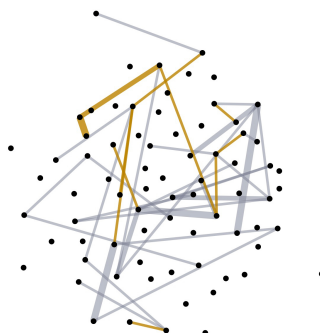


6-ст. ямб

N связей = 191
d = 0.069
% общих связей = 5.8

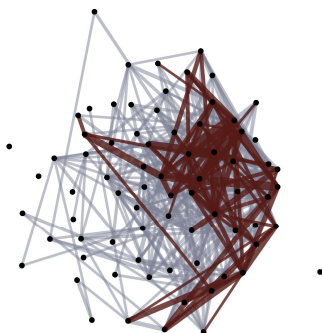


N связей = 40
d = 0.014
% общих связей = 27.5



4-ст. хорей

N связей = 376
d = 0.135
% общих связей = 21.8



N связей = 179
d = 0.065
% общих связей = 45.8

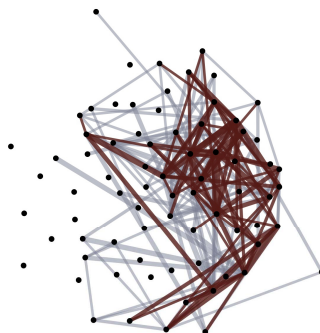


Рис. 4.2.5. Сравнение сетевых визуализаций для периода 1830-х гг. по данным НКРЯ и Корпуса-1835; светло-серыми линиями показаны индивидуальные ребра, темными — связи, найденные в обоих корпусах.

Из *Рисунка 4.2.5* заметно, что визуализации по корпусу печатной поэзии во всех случаях показывают большее число ребер сети, чем по данным НКРЯ. Несмотря на ограничение в построении только наиболее стабильных связей, этот результат безусловно связан с неравным числом текстов в двух корпусах, что особенно существенно в случае 6-ст. ямба, для которого в канонической подборке отобраны лишь исключительные тексты. Из неканонического корпуса заметно, что в 1830-е гг. 6-ст. ямб был достаточно популярен, о чем можно судить не только по количеству текстов, но и по их тематическому разнообразию.

Стоит отметить и существенные сходства между результатами по двум корпусам, проявляющиеся в сетях 4-ст. ямба и 4-ст. хорей. Так, в обоих корпусах заметна «экспансия» 4-ст. ямба на все пространство сети. Следовательно, расширенная выборка Корпуса-1835 подтверждает представление об обширном тематическом диапазоне размера и во второй половине 1830-х гг. Более того, тематические связи внутри 4-ст. хорей в обоих корпусах располагаются в одной области сети (справа). Этот результат позволяет полагать, что сходны не только полученные доли размеров в каноне и «популяции», но и сама семантическая структура размеров. Хотя стихотворения, написанные 4-ст. хореем в Корпусе-1835 тематически более разнообразны, среди наиболее стабильных связей в двух корпусах существует заметное пересечение.

Формализованная семантика размеров в двух корпусах, однако, может быть использована не только для синхронного, но и для диахронического сравнения. Исходя из материала НКРЯ можно говорить о том, что для основных размеров скорее не свойственно заимствование тематических связей, напротив, многие из них стабильны в разных текстах на протяжении времени. Корпус текстов второй половины 1830-х гг. позволяет с большей полнотой подойти к этому вопросу и на широком материале проверить, насколько изменяется структура тематических связей внутри размеров в первой трети XIX в.

Чтобы продемонстрировать эти изменения, мы сравним тематическую структуру текстов за 1800–1829 гг. в НКРЯ и текстов из Корпуса-1835. Структуру связей мы представим, используя распространенный в сетевом анализе метод выявления сообществ (community detection). Этот метод позволяет автоматически определить группы или кластеры топиков, более «похожих» друг на друга — иными словами, появляющихся в одном контексте и связанных с одними узлами сети. Для эксперимента мы будем использовать наиболее стабильные и частотные для соответствующих периодов связи¹⁴⁶, а затем использовать метод Лувейна (Louvain) для определения сообществ.

¹⁴⁶ Для данных о 4-ст. ямбе: только самые стабильные связи (100%), входящие в верхние 5% распределения по частотности. 6-ст. ямб: стабильность выше 90%, частота связи в верхних 20% распределения. 4-ст. хорей: стабильность выше 90%, частота в верхних 10% распределения. Эти ограничения условны и могут быть изменены; наши параметры были выбраны на основании распределения связей в размерах, таким образом, чтобы сеть самых стабильных и частотных связей включала порядка 20–30 ребер.

Для данных о 4-ст. ямбе мы использовали только самые стабильные связи (100%) между топиками, входящие в топ-5% самых частотных связей, а затем применили к этой «отфильтрованной» сети метод выявления сообществ. Для полученных сообществ мы вручную проверили, какие группы тем объединил автоматический метод, и затем дали этим группам условное название. Так был получен *Рисунок 4.2.6*, условно изображающий семантическую структуру 4-ст/ ямба в подкорпусе НКРЯ (тексты 1800–1829 гг.) и в Корпусе-1835.

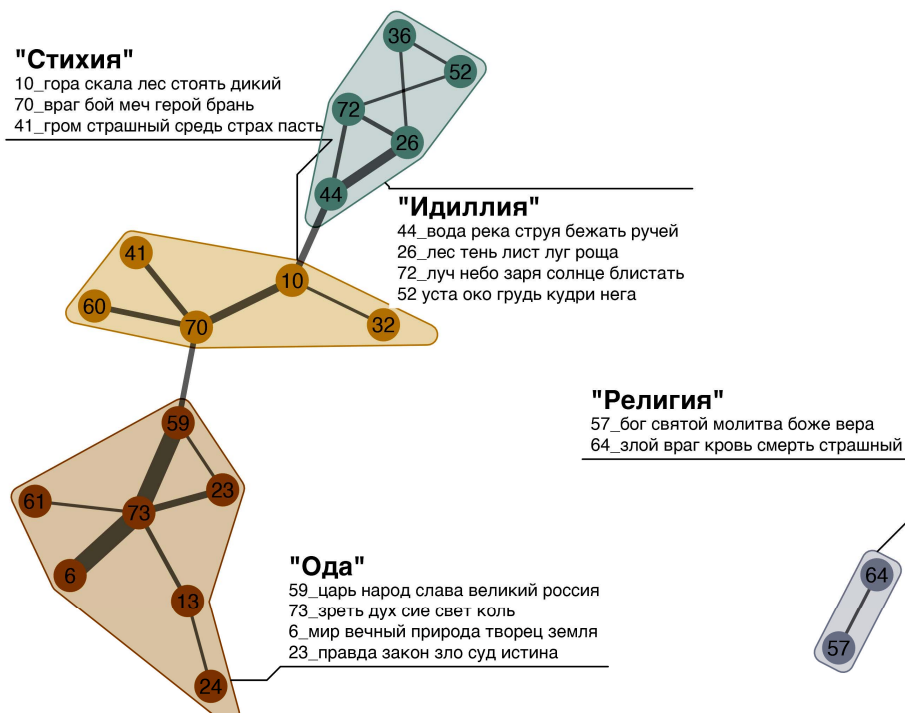


Рис. 4.2.6. а. Структура семантических связей в 4-ст. ямбе в НКРЯ (1800–1829 гг.); жирным шрифтом в кавычках нами даны условные названия для групп (сообществ) топиков, автоматически найденных моделью, мелким шрифтом даны примеры топиков (5 наиболее вероятных слов в каждом топике). Толщина ребра отражает частотность связи.

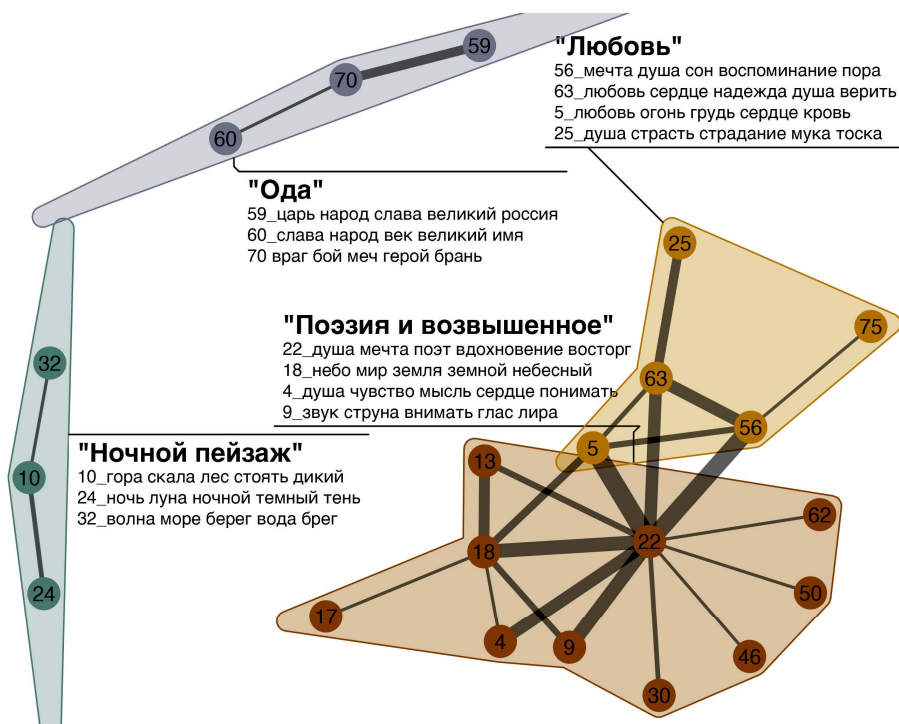


Рис. 4.2.6. б. Структура семантических связей в 4-ст. ямбе в Корпусе-1835.

Если мы сравним структуру связей в более ранних текстах 4-ст. ямбом в НКРЯ с поэзией второй половины 1830-х гг., то в канонической подборке отчетливо выделяется обширный кластер гражданских тем (отголоски оды), связанных с героической и пейзажной тематикой. В печатной поэзии 1830-х гг. гражданские темы в 4-ст. ямбе менее частотны, а на первый план выходят метапоэтические сюжеты, все еще тесно связанные с любовной элегией. Хотя последняя исторически получила наибольшее развитие в 1820-х гг. в образцовых элегиях Пушкина и Баратынского, тематическая инерция этих текстов, по-видимому, заметна в популяции и спустя десятилетие.

В случае с 6-стопным ямбом сравнение канонического и «массового» корпуса, позволяет указать на ощутимую преемственность в использовании этого размера. Как видно из Рисунка 4.2.7, в подборку 6-ст. ямбов НКРЯ вошли дидактические послания, а также элегии и философская лирика. В 1830-х гг. 6-ст. ямб также используется для разговора о «высоком» в поэзии (ср. кластеры «Возвышенное» и «Религия»), прямо выделяются группы сентиментальных, элегических и связанных с ними природных тем. Тем не менее, к 1830-м гг. 6-ст. ямб ощутимо меньше используется для дидактических посланий и басен, а сама структура наиболее стабильных связей становится более разрозненной: разные темы реже встречаются вместе внутри одного текста. Таким образом, уменьшение популярности 6-ст. ямба к

1830-м гг. и экспансия 4-ст. ямба пусть и отражаются на плотности сети, но в целом не приводят к изменению тематической структуры размера; в частности, 6-ст. ямб продолжает использоваться в условно элегических стихотворениях. Как и в случае с анализом общих связей между размерами, здесь нельзя увидеть существенного сдвига в использовании размера в 1830-х гг., его связь с определенными жанрами остается прочной с начала XIX в.

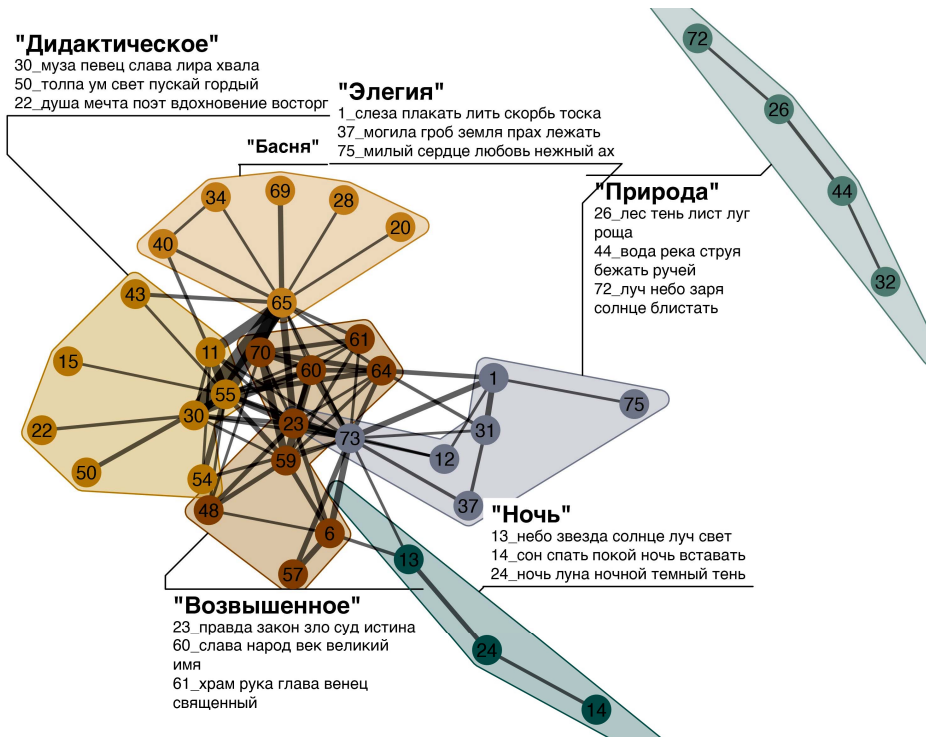


Рис. 4.2.7. а. Структура семантических связей в 6-ст. ямбе в НКРЯ (1800–1829)¹⁴⁷.

¹⁴⁷ Примеры топиков в группе «Басня»: 65_стих писать поэт читать перо, 69_сказать слово говорить ответ хотеть, 34_лев становиться зверь волк говорить, 40_богатый нужда хлеб отдавать деньги.

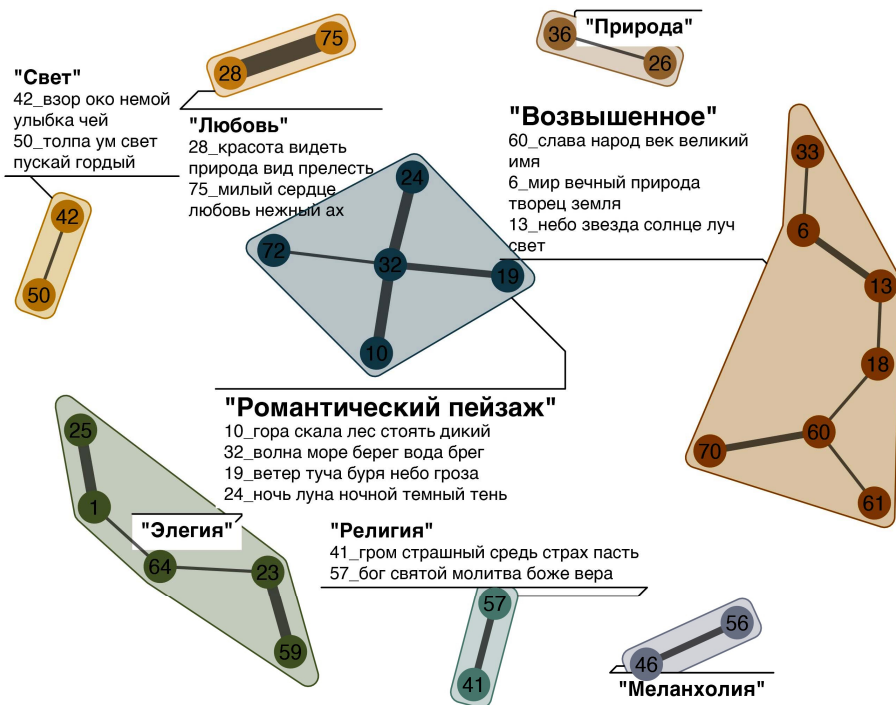


Рис. 4.2.7. б. Структура семантических связей в 6-ст. ямбе в Корпусе-1835¹⁴⁸.

Наиболее частотные тематические связи внутри 4-ст. хоря (Рис. 4.2.8.а) в канонической подборке отражают появление этого размера в условно «легких» и песенных жанрах (ср. сообщества «любовь» и «женский портрет»). Число вошедших в сеть ребер — при идентичных параметрах в двух корпусах — в целом указывает на небольшую частотность и тематическую вариативность этого размера в НКРЯ за 1800–1829 гг. в сравнении с корпусом второй половины 1830-х гг.

Сгруппированная сеть для 4-ст. хореев второй половины 1830-х гг. демонстрирует более развитую структуру по сравнению с НКРЯ и более отчетливо указывает на жанровые кластеры. В первую очередь заметны топики, ассоциирующиеся с «русской песней», а также связанные с ней сообщества романтического пейзажа и природных тем вообще. Остается видимой, но отходит на второй план при этом и группа тем, связанных с любовью и женским портретом. На примере кластеров тем внутри 4-ст. хоря, таким образом, можно наблюдать пример расширения тематического диапазона размера, прямо связанный с увеличением его популярности и частотности к концу 1830-х гг.

¹⁴⁸ «Природа»: 26_лес тень лист луг роща, 36_цветок роза весна цвет цвести. «Меланхолия»: 46_сердце тоска душа грудь печаль, 56_мечта душа сон воспоминание пора.

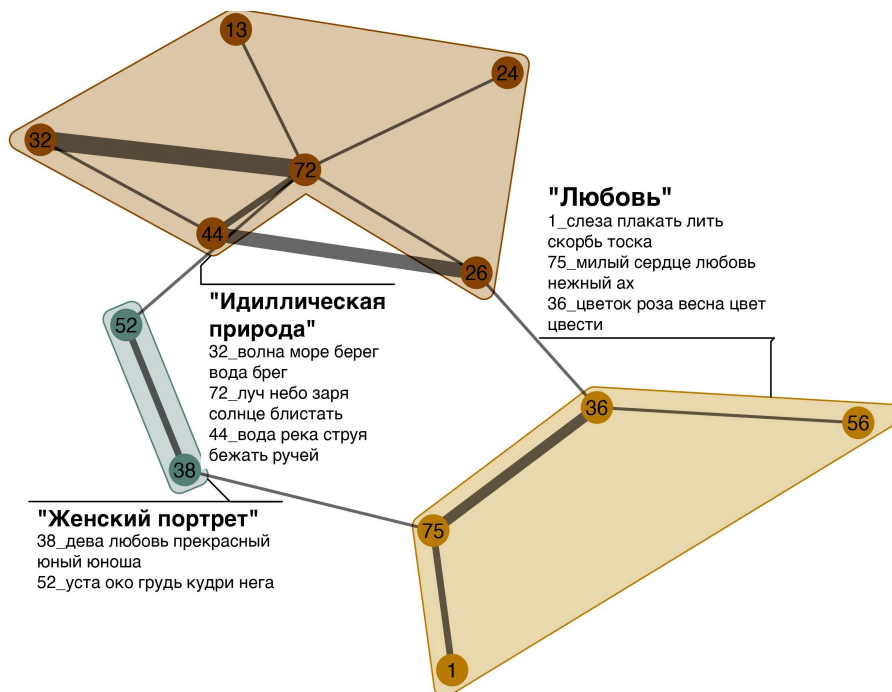


Рис. 4.2.8. а. Структура семантических связей в 4-ст. хоре в НКРЯ (1800–1829).

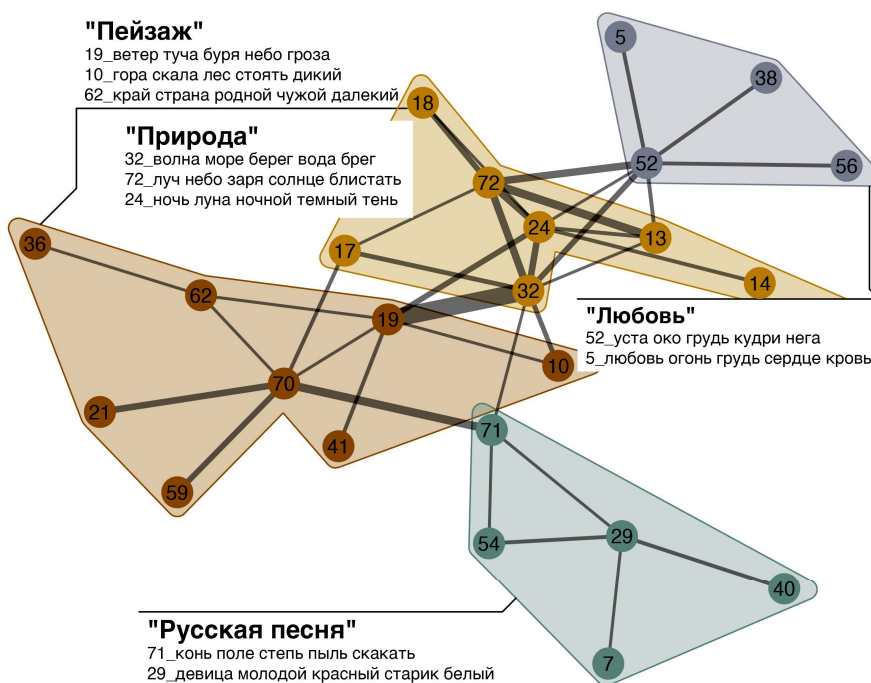


Рис. 4.2.8. б. Структура семантических связей в 4-ст. хоре в Корпусе-1835.

Наблюдение за структурой тематических связей внутри размеров приводит к выводу об устойчивости если не семантических ореолов в узком понимании, то о стабильной ассоциации между жанровыми образованиями и метрами. Экспансия 4-ст. ямба прямо не повлияла на разрушение семантических ореолов других размеров — сравним уже весьма консервативное использование 6-ст. ямбов, а также явные пересечения в структурах сетей 4-ст. ямба и хорей в подборках НКРЯ и Корпуса-1835.

Попытка построить модель связей тем и метров в текстах 1830-х гг. не подтверждает гипотезу о потере размерами ореолов и не свидетельствует о прямом заимствовании тематических связей из одного размера в другой, однако модель указывает на другую, весьма простую зависимость — размера популяции текстов и разнообразия тем внутри размера. Так, для всех основных размеров заметно увеличение количества ребер сети в связи с увеличением подборок текстов. Наиболее показательным здесь расширение семантического ореола 4-ст. хореев: хотя «песенная» семантика была заложена в этом размере еще с конца XVIII в., из текстов корпуса 1830-х гг. становится заметно, что она оформляется в отдельный жанровый кластер. Все эти наблюдения однозначно указывают на зависимость тематического диапазона отдельной метрической формы и размера ее популяции в текстах, однако дальнейшее выяснение причин появления семантического ореола и «универсализации» определенных метрических форм лежит далеко за пределами этой работы.

ГЛАВА 5. Рифма

Рифма — хорошо изученный лингвистами и литературоведами культурный феномен. В лингвистических исследованиях о рифме проводятся количественные эксперименты с рифменными гнездами¹⁴⁹ и типологией рифменных пар [ср.: Voinov 2012], в литературоведении рифмы чаще рассматриваются с акустической точки зрения. Акустические свойства созвучий ложатся в основу классификации рифм, разделяя их на точные, приблизительные и неточные, глубокие, открытые и так далее [Гаспаров 1997]. В то же время по характеристикам ударности рифменного слова рифмы разделяются на мужские, женские, дактилические, гипердактилические — рифма зависит от клаузулы, а рифменный паттерн ложится в основу строфической организации. Несмотря на долгое существование рифмы, теоретические работы о ней появились только в начале XX в. [Жирмунский 1923], и заложили основу для современных исследований истории и эволюции рифмы в различных языковых традициях [см., например: McKie 1997; Гаспаров 1997]. В то время как акустические свойства рифмы и их классификация стоят во главе угла, лексические и морфологические особенности рифмующихся слов реже становятся объектами исследования [Гаспаров, Скулачева 2004: 11–26].

Современное компьютерное литературоведение подходит к текстам в первую очередь с точки зрения лексики и рассматривает в том числе поэтические тексты как «мешки слов», где порядок слов не имеет значения. Тем не менее, в последних исследованиях рифменные слова могли выделяться в отдельный подкорпус: с его помощью изучались как свойства самих рифмующихся слов, так и их особенности в сравнении со словами вне рифменной позиции. Например, в исследовании [Maróthy et al. 2022] проверяется литературоведческая гипотеза о повторяемости отдельных рифм и их исторических изменениях в венгерском стихе. На базе обширного корпуса английского стиха сделаны предварительные выводы о лексической эволюции английской рифмы, исследуемой как отдельный подкорпус в работе [Houston 2022]. Вопрос о неслучайности появления рифменных созвучий и присутствии рифмы как приема в разных жанрах также изучался на материале классической латинской поэзии [Nagy 2022]. При этом даже с использованием корпусных данных классические акустические характеристики рифм остаются скорее в сфере неавтоматизированных количественных исследований [ср.: Lotman, Lotman 2022].

Объектом изучения в этой главе станут не акустические, а лексические и морфологические признаки в рифмующихся словах из Корпуса-1835. Период второй половины 1830-х гг. особенно важен в истории русской рифмы: как было показано в фундаментальной работе Гаспарова, на протяжении

¹⁴⁹ К примеру, они могут использоваться для изучения исторического произношения [Sonderegger 2011] и усвоения языка у детей [Stadler et al. 2007].

первой трети XIX в. сосуществовали и постоянно изменялись представления о «норме» в рифме. Для поэтов, активных в 1810-х–1830-х гг., могли быть допустимы и неточные рифмы в духе Державина, и идеальные графически и фонетически точные рифмы, канонизированные Пушкиным и Баратынским, и пары, где демонстративно нарушалась «гладкость» рифмы. Период середины — конца 1830-х гг. Гаспаров называет первым «кризисом» в истории русской рифмы¹⁵⁰, поскольку поэты этого периода стремились отойти от точной рифмы с помощью разных способов ее дестабилизации: от менее радикальных мер — например, введения неточных мужских рифм или приблизительной рифмы, — до предложений о полном отказе от рифмы и использовании белого стиха¹⁵¹ [Гаспаров 1997; Гаспаров 2000: 149–156].

Сплошной срез поэзии второй половины 1830-х гг. позволит нам уточнить наблюдения над историей рифмы этого периода и проверить, проявляется ли «кризис» в рифме на других формальных уровнях — лексическом и морфологическом. В первой части главы мы покажем, как устроен и за счет чего расширялся набор рифм в 1830-х гг., а во второй — как «уникальное» в рифме противопоставлено частотному и почему некоторые рифмы становятся «банальными». В третьей части главы мы сравним, насколько сильно отличаются рифмы поэтов второй половины 1830-х гг. от рифм их предшественников.

Для исследования мы разметили рифменные пары в Корпусе-1835 и НКРЯ с помощью модуля для Python RhymeTagger [Plecháč 2018]. Последовательности из нескольких пар рифм (рифмические цепи) последовательно разбивались на пары¹⁵²; составные рифмы отдельно не учитывались. В случаях, когда рассматривались рифменные пары, мы выстраивали элементы внутри пар в алфавитном порядке. Так, в наших данных пары «кровь—любовь» и «любовь—кровь» учитываются как два вхождения одной рифмы — «кровь—любовь». Для каждого слова были также автоматически размечены грамматические характеристики (`mystem`) и ударения (модуль `gc_accent_poet`); с помощью ударений мы добавили для каждого рифменного слова характеристику окончания (мужская, женская, дактилическая клаузула).

¹⁵⁰ Ср. мнение Томашевского о том, что акустические изменения не повлияли на систему рифмовки в целом: [Томашевский 1959: 109]; в его периодизации новый этап в истории рифмы начинается только в 1850-х гг. и связан с А. К. Толстым [Там же: 109–115].

¹⁵¹ См., например, [Розен 1836]; обзорные сведения о нерифмованных стихах этого периода см. [Гаспаров 2000: 151–153; Илюшин 2004: 83–91].

¹⁵² В нашем анализе, таким образом, последовательность из четырех рифм А-Б-В-Г учитывалась как три рифменные пары: АБ, БВ, ВГ, но не умножалась до шести пар (АБ, АВ, АГ, БВ, БГ, ВГ), ср. [Шоу 2004]; это ограничение связано с тем, что при автоматической разметке в звенья одной цепи может входить неоправданное большое число слов (>10), поэтому подсчет всех рифмующих словоупотреблений мог бы существенно исказить пропорции вхождений первых звеньев.

5.1. Кровь, любовь и закон Ципфа

Для поэзии «золотого века» кажется очевидным существование некоторого набора наиболее «канонических» рифм — частотных и, вместе с тем, обыгранных в литературе, будь то «сладость — младость» или «слезы — розы». Между тем, проблема распространенности и семантики ожидаемых и, напротив, неожиданных рифм изучалась только на материале отдельных рифменных пар у отдельных поэтов [ср.: Фрайман 1998; Лейбов 2012; Лейбов 2014]. Наша гипотеза заключается в том, что на уровне популяции лишь ограниченный круг рифменных пар будет использоваться постоянно и с высокой частотностью как в целом в поэзии, так и в частности в 1830-е гг.: в это время происходила дестабилизация рифмы, а поэты стремились к обновлению поэтического языка — сложно было бы ожидать повторяемости рифм в столь отчетливый период «кризиса». Однако каково в действительности соотношение между наиболее частотными и уникальными, ни разу не повторяющимися рифмами?

В корпусе стихотворений второй половины 1830-х гг. мы обнаружили 4425 рифмованных¹⁵³ стихотворений (91.2% от всего корпуса). Эти тексты включают более 81 тысячи рифменных пар, из них уникальных рифм (types) — порядка 43 тысяч. Уже из этого соотношения заметно, что лишь некоторые рифменные пары повторяются несколько раз, в то время как большинство встречается в корпусе как пара только один раз: от общего числа уникальных рифм парами *legomena* составляют 53%; только 545 рифменных пар встретились в Корпусе-1835 10 и более раз¹⁵⁴.

В соотношении наиболее частотных слов к менее частотным рифменные слова и рифменные пары следуют закону Ципфа — общему распределению слов в языке [Manning, Hinrich 1999: 22–29]. Частотность как рифменных слов, так и рифменных пар в своем следовании закону, заметном уже из самой формы кривой (*Рис. 5.1.1.a*), практически не отличается от распределения частот слов в корпусе вообще. Более того, если сравнить списки наиболее частотных слов в Корпусе-1835 и только в рифмах, корреляция между этими списками будет последовательно увеличиваться с увеличением длины списка. Так, между 100 наиболее частотных слов в корпусе и 100 наиболее частотных рифмующих слов коэффициент ранговой корреляции Кендалла составляет только 0.275, для списков в 1000 слов эта корреляция — уже 0.36, для 10 тысяч слов — 0.39 (максимальное значение

¹⁵³ Учитывались тексты, для которых RhymeTagger разметил более половины строк как рифмованные.

¹⁵⁴ Например, наиболее частотная рифма «ночи — очи» встречается в Корпусе-1835 173 раза и составляет только 0.213% от всех рифм. В число десяти наиболее частотных рифм также входят: «нет — свет» (126 вхождений, 0.155%), «грудь — путь» (107, 0.132%), «мечты — ты» (102, 0.126%), «вновь — любовь» (100, 0.123%), «день — тень» (99, 0.122%), «моя — я» (96, 0.118%), «кровь — любовь» (88, 0.108%), «дня — меня» (86, 0.106%), «бытия — я» (85, 0.105).

коэффициента для одинаковых списков — 1, отсутствие корреляции — 0). Эти значения можно назвать достаточно высокими, если учитывать, что в списки рифмующих слов не попадает существенная часть наиболее частотных слов в языке — служебных частей речи (союзы, предлоги и частицы как правило не используются в рифме).

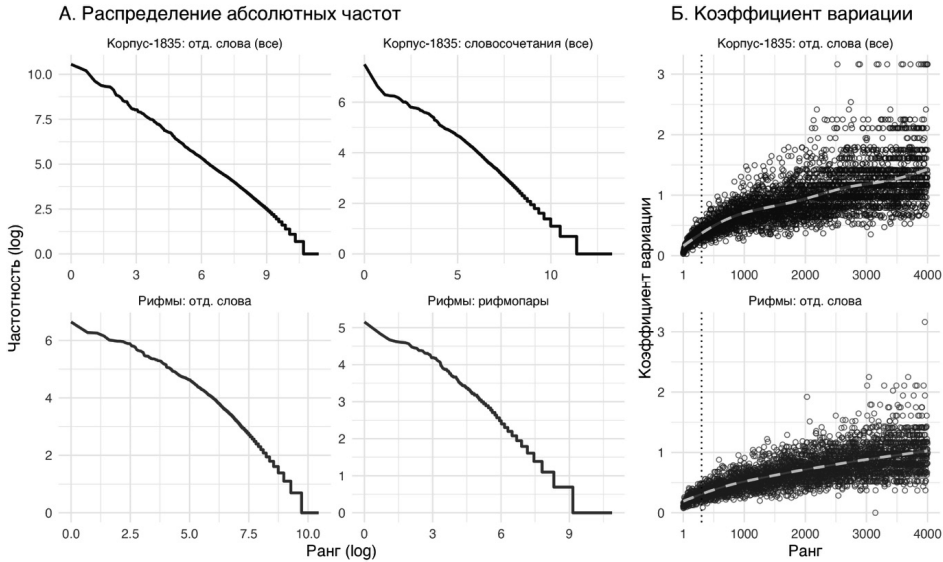


Рис. 5.1.1. а. Частотность слов и словосочетаний (биграмм из двух слов) в Корпусе-1835 (все слова, верхний ряд) и в подкорпусе рифм (нижний ряд). б. Распределение коэффициента вариации.

Существенно, что для наиболее частотных рифмующих слов характерна и стабильная средняя частота в корпусе: это подтверждается распределением коэффициента вариации (Рис. 5.1.1.б). Эта мера уже использовалась для исследования слов в рифме в работе М. Кестемонта, где подтверждалось, что наиболее встречаемые рифмующие слова появляются в средневековых текстах с относительно постоянной частотой [Kestemont 2012: 52–53]. Следуя методике Кестемонта, для получения коэффициента вариации мы взяли сто случайных выборок (с заменой) по 20 тысяч слов и подсчитали относительные частоты для каждого слова. Из ста итераций эксперимента мы получили сто частот, из которых для каждого слова вычислили среднее и стандартное отклонение¹⁵⁵. Коэффициент вариации — это отношение стандартного отклонения к средней частоте, то есть мера, которая будет низкой при стабильной частоте слова и высокой — при разбросе частот. Например, в Корпусе-1835 слово «душой» — 18-е по частотности среди

¹⁵⁵ Показатель диапазона, в котором изменяется величина: если во всех итерациях получены примерно одинаковые значения, то стандартное отклонение будет маленьким числом; если в разных итерациях значения сильно разнятся — большим.

рифм; если мы возьмем 3 случайные выборки, где его частота будет (38, 41, 32), то среднее будет равно 37 вхождением, с небольшими колебаниями (стандартное отклонение ± 4.58); в таком случае коэффициент вариации будет достаточно низким — порядка 0.12. Как видно из *Рисунка 5.1.1.б*, чем более частотное слово, тем меньше его коэффициент вариации. Для слов, которые употребляются меньше (ср. ранги от 300 и выше, по правую сторону от вертикальной пунктирной линии), в разных выборках будет менее стабильное число вхождений — тем выше коэффициент корреляции. Корреляция между рангом частотности и коэффициентом вариации, однако, характерна не только для рифмующих слов, но для всех слов в корпусе вообще и является еще одним следствием распределения слов в языке.

Таким образом, то, что рифмующие слова учитываются в отдельном подкорпусе, не подразумевает иной природы такой выборки: рифменные слова являются поднабором от всего набора слов, а потому частотность отдельных рифмующих слов и рифменных пар связано с распределением частот слов в языке. Доля наиболее частотных сочетаний в рифме по своему характеру сходна с долей коллокаций в поэтических текстах вообще, и можно полагать, что распределение частот слов в рифме — следствие скорее языкового закона, чем специфических ограничений поэтического языка.

Существование лишь небольшого числа часто повторяемых рифм заставляет задуматься о том, постоянны ли эти частотные рифмы: например, использовали ли поэты второй половины 1830-х гг. «классический» набор рифм, установившийся в первой четверти XIX в.?

Чтобы сравнить, повторяются ли в неканонических текстах Корпуса-1835 рифмы, хорошо известные из более ранних стихотворений НКРЯ, мы сравнили количество пересечений между двумя подборками. Мы брали из стихотворений второй половины 1830-х гг. по 100 случайных рифм¹⁵⁶ и смотрели, сколько из них можно обнаружить среди *всех* известных из НКРЯ рифм до 1830 г.; для каждого года проводилось 100 итераций эксперимента (см. *Рис. 5.1.2*).

¹⁵⁶ Выбор случайного набора из 100 рифм позволяет нам уменьшить влияние отдельных авторов и их предпочтений на результаты эксперимента. Так, если в первую итерацию эксперимента могли случайно попасть 30 рифм поэта Y, который особенно часто использовал рифму «кровь—любовь», то вероятность этого же автора попасть в следующую случайную выборку из 100 рифм и повлиять на частотность «кровь—любовь» будет очень низкой. Сто случайных выборок (с заменой) по 100 рифм, таким образом, позволяют уменьшить влияние авторов с большими подборками и отражают более усредненные показатели по популяции, чем если бы мы использовали все рифмы всех доступных нам авторов.

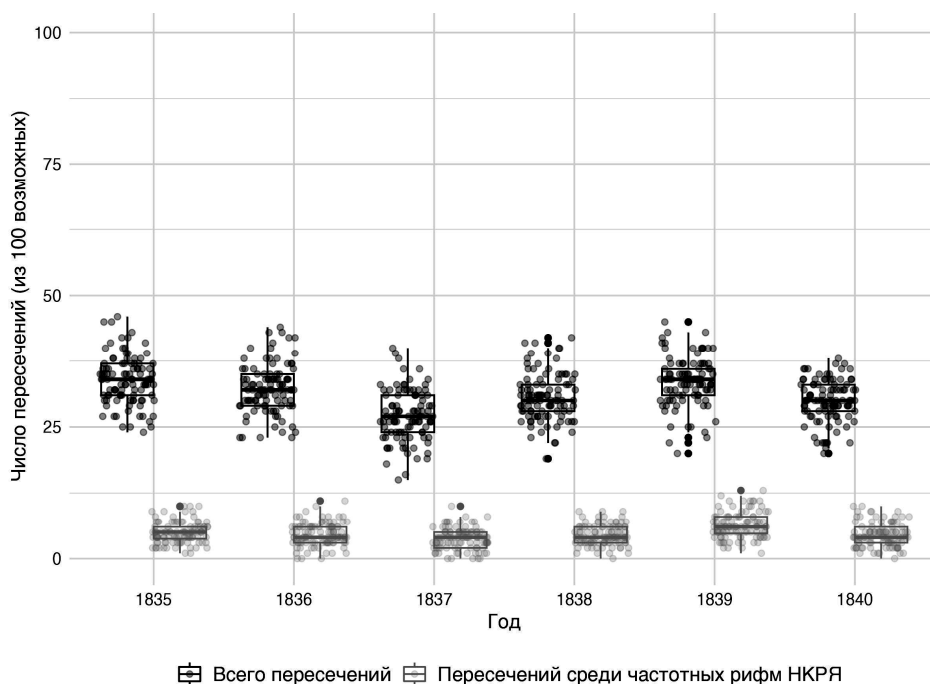


Рис. 5.1.2 Доля пересечений между случайной выборкой 100 рифм из неканонического корпуса за определенный год и всей подборкой НКРЯ до этого года.

Из Рисунка 5.1.2 следует, что в случайных выборках из 100 пар рифм 1830-х гг., соответствие в НКРЯ находили как правило только 25–40 рифм. Интерпретировать этот результат можно так: если мы представим, что неизвестный поэт, сочиняя стихотворение в 1835 г., имеет перед собой (или в памяти) все рифмы «канонических» поэтов конца XVIII — начала XIX в., то в итоге более чем в половине случаев он все равно будет использовать рифменные пары, до этого малочастотные в поэзии.

Необходимо отметить и то, что полученные в результате эксперимента пересечения между Корпусом-1835 и НКРЯ только в редких случаях являются наиболее частотными парами из канонического корпуса (на Рис. 5.1.2 показаны более светлым цветом, ящичковые диаграммы по правую сторону за каждый год). Если принять под наиболее частотными те рифмы, которые встречаются в НКРЯ 10 и более раз (99.1 процентиль распределения), то количество соответствий между НКРЯ и случайными выборками из Корпуса-1835 упадет до 5–10 рифм из 100. Как кажется, это объясняется простой статистической вероятностью наиболее частотных словосочетаний возникнуть в рифме, но отвергает гипотезу о прямом копировании «популярных» рифменных пар поэтами второй половины 1830-х гг. Напротив, можно заключить, что на уровне рифменных пар происходит постоянное увеличение числа возможных сочетаний, нанизывание самых разных слов, потенциально составляющих созвучие.

Укажем на исторический пример такого экстенсивного «изобретения» уникальных рифм. В 1834 г. в Москве вышла первая часть пособия, названного «Собрание рифм по алфавиту»¹⁵⁷: книга предлагала списки рифмующихся слов на окончания от *-аба* до *-яца*; в 1836 г. появилась вторая часть, умножающая количество рифм на разные окончания. Два тома содержат 432 страницы, на каждой из которых в три столбца помещены слова на определенные окончания; в некоторых случаях даются также «полурифмы» — слова с определенной графической концовкой, но не подходящие друг другу по ударному гласному. Приведем фрагменты столбцов рифм на *-ба*, *-ва* и *-га*:

2. раба̀ слаба.	4. гнева древа дева	<полурифмы на -ва> консульства кузова	ЗГА 5. брызга визга
ЕБА 3. геба неба потреба феба хлеба	зева клева королева напева отсева подсева понева посева	лазурева лакомства ласкова лихва льва молва монашества неистовства общества острова	6. мозга розга ИГА 7. ига книга коврига
4. погребá хлеба ястреба			

[Рифмовник 1834: 1–10]

Как видно, рифмовник собирает слова разных стилистических регистров и не всегда точно рифмующиеся. Столбцы с мужскими и женскими рифмами отделены пустыми строками и нумерацией, однако основным принципом организации рифмовника является группировка слов на одно графическое окончание.

В целях эксперимента мы оцифровали первую тысячу слов — рифмы на *-ба*, *-ва*, *-га*. Хотя можно было бы сомневаться в том, что сколько-нибудь существенная доля слов из рифмовника в действительности встречается в поэтических текстах, сравнение с рифмами на эти окончания в Корпусе-1835 и НКРЯ приводит к более незаурядным выводам.

¹⁵⁷ Я искренне благодарю Г. В. Обатнина за помощь в оцифровке этого источника.

Таб. 5.1.1. Количество слов на окончания *-ба*, *-ва*, *-га* в рифмовнике, Корпусе-1835 и поэтическом подкорпусе НКРЯ.

		Рифмовник	Корпус-1835	НКРЯ (1770–1850)
<i>-ба</i>	Слов всего	126	28	38
	Пересечений с рифмовником		25 (89.3%)	28 (73.7%)
<i>-ва</i>	Слов всего	699	206	376
	Пересечений с рифмовником		130 (63.1%)	190 (50.5%)
<i>-га</i>	Слов всего	166	60	101
	Пересечений с рифмовником		50 (83.3%)	65 (64.4%)

Для наиболее продуктивного окончания на *-ва* в рифмовнике действительно перечислено множество слов, не встретившихся нам ни в поэзии 1830-х гг., ни в более обширной выборке НКРЯ (Таб. 5.1.1). При этом рифмовник включает большинство наиболее частотных слов на это окончание (*слова, слава, снова, чувства, дева, искусства* и т. д.), поэтому пересечение слов на *-ва* с обоими корпусами достаточно велико (порядка половины от всех слов на *-ва*, использованных в текстах).

Для более редких рифм на *-ба* и *-га* рифмовник, по-видимому, не только перечисляет наиболее очевидные вхождения, но и экстенсивно охватывает широкий круг потенциально возможных слов, часть из которых действительно обнаружена в текстах. Вызывает интерес в этом отношении сходство между набором рифм на *-ба* и *-га* в рифмовнике и современному ему Корпусе-1835: хотя рифм на эти окончания достаточно немного, число подобранных в рифмовнике слов уже достаточно велико, чтобы учитывать существенную (более 85%) часть вариантов, обнаруженных в текстах. В случае текстов НКРЯ за 1770–1850 гг. число этих пересечений существенно ниже, что может отражать разницу как между принципами отбора слов в рифмы до 1830-х гг., так и между стилистически более однородной канонической выборкой НКРЯ в сравнении с Корпусом-1835.

Хотя «Собрание рифм...», по-видимому, имело мало шансов¹⁵⁸ использоваться как пособие по стихосложению, его устройство и наполнение небезынтересны. Так, уже наш беглый анализ показывает, что в рифмовнике наиболее частотные слова на определенные окончания соседствуют со словами, не свойственными поэзии и подобранными исключительно в силу

¹⁵⁸ Ср., например, разгромную рецензию Белинского, по сути представляющую обширную цитату из непоследовательно и невнятно написанного введения к рифмовнику: [Белинский 1953: 89–90]. Нами не были найдены свидетельства об использовании этого рифмовника поэтами 1830-х гг.

тождеств окончаний¹⁵⁹. Экстенсивный набор слов на определенное окончание, таким образом, воплощает сам процесс генерации рифм, где возможности языка потенциально позволяют создать огромное количество уникальных рифм. Рифмовник демонстрирует, что такого рода генерация может происходить даже без самого написания стихов. Пересечение наборов «маловероятных» слов из рифмовника с рифмами из Корпуса-1835 отражает экстенсивный характер нанизывания рифменных пар: рифмы как сочетания двух слов лишь в редких случаях существуют как частотные коллокации, а в большинстве случаев являются случайными сочетаниями. Разумеется, такого рода генерация рифм и механистический навык подбора слов на заданные окончания в обход содержания текста вызывал отрицательные оценки современников [Гаспаров 2000: 152–152]. Во включении в рифмы слов разных регистров и в стремлении использовать «неожиданные» рифмы можно было бы видеть процесс расшатывания формульного языка в поэзии 1830-х гг. Тем не менее, сложно установить, является ли низкая доля «повторяемых» рифм осознанным отказом от прямого копирования популярных рифм предыдущих десятилетий или же еще одним следствием распределения частот слов в языке. При всей неудовлетворительности такого ответа, вероятно, обе причины могут влиять на увеличение числа единичных и редких рифменных пар. Разумеется, для литературоведа наибольший интерес при этом представляют не языковые, а «культурные» явления, и, в частности, вопрос о том, как появляются и как устроены особенно частотные «банальные» рифмы, характерные для поэзии первой трети XIX в.

5.2. Как грамматические и лексические ограничения порождают «банальные» рифмы

Отражение закона Ципфа в частотности рифменных пар обращает нас к вопросу о соотношении частотного и редкого (или даже уникального) в рифме. С одной стороны, данные Корпуса-1835 и рифмовника свидетельствуют о том, что ресурсы языка достаточно велики для умножения числа уникальных пар слов на разные окончания. С другой стороны, этот же языковой закон делает некоторые рифмы особенно частотными. Более того, в разговоре о употребимости «рифмы» как таковой могут подразумеваться не только отдельные пары слов (*любила—томила*), но и более дробные морфологические единицы, а именно концовки слов (например, «рифмы на *-ила*») и сами сочетания частей речи (глагольные рифмы)¹⁶⁰. В этом разделе мы обсудим, каким образом морфологические характеристики рифмующих слов влияют на частотность и узнаваемость отдельных рифменных паттернов.

¹⁵⁹ Ср. сходные наблюдения над рифмовником 1800 г.: [Илюшин 2004: 110].

¹⁶⁰ О часто несправедливой интерпретации последних как «банальных рифм» см.: [Илюшин 2004: 104–114].

Как видно из «Собрания рифм по алфавиту», простой перебор слов на определенное окончание часто приводит к грамматической монотонности и перечислению слов, относящихся к одной части речи и одной грамматической форме или даже к одной основе (ср.: «отсева, подсева, посева»). Более сложный способ увеличить разнообразие рифменных комбинаций — использовать разные части речи и их формы. Так, известно, что для поэтов 1820–1830-х гг. был характерен отход от монотонной глагольной рифмы, в то время как распространение получили рифмы на – *ой*, допускающие сочетания слов в разных грамматических формах [Гаспаров, Скулачева 2004: 91–106]. Далее мы покажем, какие части речи наиболее частотны в рифмах Корпуса-1835, каким образом они сочетаются и какие рифмы наименее вариативны — а значит, узнаваемы.

5.2.1. Отдельные части речи в рифме

На уровне отдельных рифмующих слов изменения в использовании частей речи проследил в своем исследовании Дж. Т. Шоу¹⁶¹. По его наблюдениям, на протяжении первой трети XIX в. доля глаголов в рифме неуклонно снижалась, при этом более частотными становились местоимения [Шоу 2004]. Этот процесс Шоу объяснял субъективизацией романтической поэзии и интерпретировал как «сдвиг поэтического внимания от безличной темы к межличностным отношениям, поэтическим “я” и “ты”» [Там же: 347]. Приведем наши подсчеты по основным частям речи в корпусе второй половины 1830-х гг. (Таб. 5.2.1), которые в хронологическом отношении продолжают подсчеты Шоу по трем авторам: Батюшкову (БАТ), Пушкину (АСП-ПЛ, где ПЛ — после лицейский период) и Баратынскому (БАР).

Таб. 5.2.1. Распределение частей речи в подсчетах Шоу и в рифмах в Корпусе-1835.

%	Шоу 2004 [346]			Корпус-1835		
	БАТ	АСП-ПЛ	БАР	Всего	Периодика	Отд. изд.
Существит.	51.5	52.4	46.3	51.24	52.34	50.57
Глагол	20.8	17.4	15.8	19.23	18.05	19.94
Прилагат.	12.4	13.9	13.6	11.94	12.5	11.61
Местоим.	6.2	6.5	13.5	7.81	7.65	7.91
Наречие	2.0	1.9	3.5	2.86	2.98	2.79
Инфинит.	3.5	2.4	1.0	2.63	2.39	2.78
Причастие	1.6	2.4	2.3	1.57	1.53	1.60
Дееприч.	0.5	1.0	1.6	1.10	1.06	1.12
Императив	1.1	1.2	0.8	1.01	0.94	1.06

¹⁶¹ О частях речи в поэзии этого периода см. также [Хетсо 19736]; о прилагательных: [Kjetsaa 1979].

Полученные данные по всем видам клаузулы и всем метрам позволяют усомниться в направлении «от глаголов к местоимениям», намеченном в исследовании Шоу. Так, замеченные у Баратынского низкая частотность глаголов и сверхвысокая доля местоимений в рифме не отражаются в обобщенных данных по поэзии второй половины 1830-х гг. В Корпусе-1835 доля местоимений остается достаточно низкой, нет и признаков исключения из рифмы глаголов: их доля во второй половине 1830-х гг. остается более высокой, чем у Пушкина и Баратынского по данным Шоу. Хотя в метрическом отношении тексты из отдельных изданий второй половины 1830-х гг. могли отражать более консервативные тенденции (см. *Гл. 4.1*), в использовании частей речи в рифме этого практически не наблюдается: можно указать только на слегка более высокую долю глаголов.

Более интересными нам кажутся результаты подсчетов по отдельным видам клаузулы в отдельных подкорпусах (*Таб. 5.2.2*) и у отдельных авторов (*Таб. 5.2.3*). Далее мы приводим данные для стихотворений, написанных ямбом¹⁶², однако отметим, что доли частей речи в рифме в хорях достаточно близки¹⁶³ ямбическим — характер клаузулы, по-видимому, играет в распределении частей речи в конце строки более значимую роль, чем метр.

Таб. 5.2.2. Распределение основных частей речи в рифмах с мужскими, женскими и дактилическими окончаниями (только ямбы). Все значения даны в процентах, в нижней части таблицы части речи сгруппированы согласно [Шоу 2004].

	Мужские рифмы			Женские рифмы			Дактилические
	Всего	Периодика	Отд. изд.	Всего	Периодика	Отд. изд.	Всего
Сущ.	52.30	52.91	52.0	51.1	53.57	49.92	45.39
Гл.	16.79	16.17	17.1	21.41	18.57	22.67	14.65
Прил.	5.70	6.16	5.48	17.09	18.15	16.59	25.91
Мест.	13.85	14.06	13.74	1.97	1.85	2.02	0.38
Нар.	2.63	2.57	2.65	3.07	3.36	2.94	1.66
Группа: словоизм. ч.р.	73.26	74.73	72.53	71.97	75.14	70.46	80.97
Гл. формы	22.52	21.25	23.15	23.18	19.84	24.77	15.94
Прочее	4.22	4.02	4.32	4.85	5.02	4.77	3.10

¹⁶² Из стихотворений, написанных ямбом, нам было доступно 108 тысяч рифмующих слов, при этом мужские и женские клаузулы распределены равномерно (49.92 и 48.8% соответственно), только 1.2% окончаний в ямбах определены как дактилические. В случае хореев было размечено 30 тысяч слов, из них 50.3% имели мужские окончания, 45.92% — женские, 3.59% — дактилические. Для статистически достоверных подсчетов по трехсложным размерам и дактилическим клаузулам в нашем распоряжении было недостаточно материалов.

¹⁶³ Абсолютные числа и подсчеты по хорям и другим метрам доступны в *репозитории*.

Из *Таблицы 5.2.2* следует, что около половины всех рифмующихся слов составляют существительные, однако распределение других частей речи в трех видах клаузулы ожидаемо разнится. Здесь наши подсчеты подтверждают наблюдения Гаспарова и Скулачевой над синтаксическими закономерностями в стихе.

Так, наши данные согласуются с выводами, сделанными в «Ритмическом словаре частей речи», в частности, в отношении постоянства местоимения в рифменной позиции почти исключительно в мужских рифмах [Гаспаров, Скулачева 2004: 72]. В Корпусе-1835 подавляющее число местоимений используется именно так, и лишь незначительная их доля появляется в женских рифмах. В то же время местоимения являются наиболее частотными лексемами, используемыми в женских рифмах — это слова *тобою* и *мною* (1 и 2 ранг частотности); здесь отношение лексической частотности к доле местоимений в женской рифме можно описать как компенсаторное: чем менее частотна грамматическая форма, тем более высока лексическая частотность определенных слов, относящихся к этой форме. Список наиболее частотных слов в мужских рифмах также возглавляют местоимения, все еще частотные в языке и синтаксически допустимые в конце строки: *я* находится на первом месте по частотности, 3-е — местоимение *меня*, 5-е — *она*.

Согласуются с наблюдениями Гаспарова и Скулачевой и подсчеты по прилагательным, доля которых различна в разных видах клаузулы. Наши данные еще раз указывают на прилагательное как часть речи с ударением преимущественно в начале слова — потому оно активно используется в женских и дактилических рифмах [Там же: 63–84]. Отметим, что именно на доли прилагательных и глаголов в женских рифмах приходится единственное видимое различие между стихотворениями в периодике и в отдельных изданиях второй половины 1830-х гг. Если в отдельных изданиях в женских рифмах чаще используются глаголы, то в более «свежих» стихотворениях в периодике их долю занимают прилагательные и другие изменяемые части речи. Судя по всему, в этом проявляется постулируемое ограничение на глагольные рифмы: хотя они не исключаются вовсе, частота их использования в женских рифмах¹⁶⁴ постепенно снижается.

Казалось бы, такого рода сведение отдельной тенденции к выводу об эволюции рифмы рискованно, как в случае с подсчетами Шоу: отдельные отклонения могут не свидетельствовать об общем направлении изменений. Однако здесь мы обратим внимание на разницу между суммарными данными по популяции и подсчетами по отдельным авторам.

Наши данные о распределении частей речи в рифмах отдельных авторов позволяют полагать, что даже в рамках одного временного периода предпочтения отдельных поэтов в рифме могут существенно отличаться. Для примера мы отобрали рифмы авторов разных «направлений»: носителей

¹⁶⁴ Например, это случай распространенной IV формы 4-ст. ямба, где глагол приходится на III-ю безударную и IV-ю ударную стопы, см.: [Гаспаров, Скулачева 2004: 82].

очень условной «пушкинской» традиции (Баратынский¹⁶⁵, И. И. Козлов, Ростопчина), Бенедиктова и поэтов его круга (Бернет, Шахова, Мейснер), а также рифмы поэта-крестьянина Ф. Слепушкина и молодого Некрасова¹⁶⁶.

Таб. 5.2.3. Распределение частей речи в мужских и женских рифмах у разных авторов (только ямбические тексты, все значения даны в процентах, цветом отмечены статистически значимые отклонения от среднего¹⁶⁷).

	Баратынский	Козлов	Ростопчина	Бенедиктов	Бернет	Мейснер	Шахова	Слепушкин	Некрасов
Мужские рифмы									
Сущ.	51.05	49.1	34.96	53.9	57.6	62.3	46.0	65.1	51.2
Гл.	10.97	12.9	21.4	16.4	17.5	11.0	16.7	15.6	14.5
Прил.	5.6	10.3	9.06	6.8	4.6	4.9	9.4	5.7	4.9
Мест.	23.8	15.4	23.2	12.2	6.5	10.1	16.6	3.5	15.1
Нар.	2.6	1.65	1.9	3.2	2.0	3.8	2.8	1.4	3.6
Женские рифмы									
Сущ.	52.7	46.4	39.3	54.1	59.8	57.7	46.8	51.7	64.5
Гл.	15.4	19.7	25.0	18.3	19.7	13.8	24.0	30.6	9.1
Прил.	19.5	22.9	27.9	17.6	12.7	18.5	20.2	13.6	15.7
Мест.	4.2	2.3	1.6	1.0	1.6	1.1	1.4	1.7	0.7
Нар.	2.5	1.8	1.7	3.4	1.7	4.8	3.5	0.8	5.4

Из Таблицы 5.2.3 можно заключить, что условное «направление» объясняет достаточно мало отклонений от среднего в использовании частей речи в рифме — индивидуальные особенности гораздо более заметны. Например, наши подсчеты по Баратынскому (в этом случае независимые от данных Шоу), также указывают на существенное увеличение в его стихах доли

¹⁶⁵ В наши подсчеты входит сборник Баратынского 1835 г., включающий большое число новых редакций стихотворений 1820-х гг., а также единичные тексты поэта, опубликованные в периодике во второй половине 1830-х гг. О рифме Баратынского см. также: [Хетсо 1973а: 510–522].

¹⁶⁶ В корпус включены сборник «Мечты и звуки» (1840) и стихотворения, напечатанные в периодике до 1840 г. включительно.

¹⁶⁷ Для измерения мы брали случайные 300 рифм (мужских или женских соответственно) у всех поэтов в Корпусе-1835 и вычисляли z-scores, а затем смотрели степень отклонения для отобранных авторов. Процентные значения в Таб. 5.2.3 отражают долю от всех мужских или женских рифмующих слов определенного автора.

местоимений. Хотя в мужских рифмах похожее отклонение заметно у Ростопчиной, она не использует большого числа местоимений в женских рифмах в отличие от Баратынского. В то же время распределение частей речи у Ростопчиной в целом существенно отклоняется от средних значений по эпохе: она использует намного больше глаголов, а также прилагательных как в мужских, так и в женских рифмах.

Сходную «отличительность» в долях большинства частей речи в женских рифмах видно у Мейснера и Некрасова: оба поэта избегают женских глагольных рифм и используют существенно больше наречий и существительных, чем поэты в этот период в среднем. Интересно, что в силу отклонений от среднего рифмы Мейснера и Некрасова на этом уровне более похожи друг на друга, чем на рифмы Бенедиктова, которые, как правило, близки к среднему по популяции.

Можно заключить, что исследование авторских особенностей на этом формальном уровне требует более тщательного отбора материала и анализа (например, использования данных не только о части речи, но и длине слов в слогах и позиции ударения, синтаксических связях в строке и т. д.). Однако уже из предварительных данных заметно, что предпочтения поэтов в рифме, по-видимому, индивидуальны и не всегда прямо соотносятся со средним по периоду [ср.: Nagy 2022]. Этот вывод косвенно подтверждается результатами экспериментов по авторской атрибуции: рифменные паттерны успешно используются как маркер авторского стиля [Шеля и др. 2020: 161–162; Plecháč 2021].

Мы позволим себе рассмотреть еще один индивидуальный случай, интересный не столько сам по себе, сколько в связи с проблемой взаимодействия рифмы с метром и синтаксисом. Корпус-1835 включает 32 стихотворения (7851 строка) Елизаветы Кульман, написанных безрифменным 3-ст. ямбом с женскими окончаниями. Эта форма, выбранная Кульман для подражаний античным образцам, может служить примером стиха, не ограниченного требованиями рифмы, однако все еще имеющего достаточно сильную метрическую инерцию (короткие строки ямба, допускающие только 4 ритмические формы). Если слова в конце строк у Кульман будут напоминать те, что встречаются в 3-ст. ямбах с рифмами, то появление определенной части речи в рифме — это скорее следствие влияния *метра* на язык. В случаях совпадения данных по рифмованным и безрифменным стихам мы могли бы полагать, что метр имеет большее значение, чем ограничения, налагаемые поиском рифменного созвучия.

В *Таблице 5.2.4* показано, как распределяются части речи в последних словах в строках 3-ст. ямба у Кульман и в рифмованных текстах Корпуса-1835; для сравнения мы также приводим данные из НКРЯ (все женские рифмы 1770–1850). Как видно, доли существительных и прилагательных в конце строки практически идентичны во всех стихах с женской клаузулой. В случае существительных это связано с вариативностью и численным преобладанием этой части речи над остальными в рифме. Стабильное появление прилагательного как последнего слова в строке с женской клаузулой

объясняется позицией ударения в этой части речи [Гаспаров, Скулачева 2004: 56, 84]. Мы можем предполагать, что рифма как прием нейтральна в случае существительных и прилагательных: свойства самих частей речи (длина слова и ударность) влияют на их долю в конце строки.

Таб. 5.2.4. Распределение частей речи в безрифменных стихотворениях Е. Кульман и рифмованных стихотворениях (только женские рифмы).

	Кульман, ЯЗ, безрифм.	Корпус-1835, ЯЗ	Корпус-1835, все ямбы	НКРЯ, ЯЗ	НКРЯ, все ямбы
Существит.	52.6	55.2	51.1	47.5	50.5
Глагол	13.7	18.1	21.4	24.2	23.4
Прилагат.	17.9	17.3	17.1	16.8	16.5
Местоим.	3.0	1.7	1.97	2.5	2.1
Наречие	4.3	2.1	3.1	4.2	3.5
Инфинит.	1.3	0.6	1.15	0.5	0.5
Императив	0.5	0.46	0.6	0.8	0.8

Однако в безрифменном стихе Кульман существенно меньшей оказывается доля глаголов. Во всех рассмотренных рифмованных строках доля глаголов достигает порядка 20%, незначительно ниже она оказывается только в 3-ст. ямбах Корпуса-1835 (18%). Разница с нерифмованными стихами, однако, гораздо более существенна: в стихах Кульман только 13% строк заканчивается глаголом. Осторожно заключим, что в этом состоит влияние рифмы на синтаксическое и частеречное устройство строки. Простота подбора созвучий на глагольное окончание может влиять на порядок слов в стихе, а когда рифма отсутствует, то конструкции с глаголом в конце строки оказываются менее естественными для поэтического языка. Отметим, что снижение доли глаголов в женской рифме в целом заметно и из данных по стихотворениям в периодике второй половины 1830-х гг.

5.2.2. Грамматическая контрастность и вариативность форм

Распределение частей речи в рифме — лишь один из многих количественных признаков, которые можно было бы учитывать, изучая развитие и особенности рифм в текстах первой трети XIX в. Хотя в Корпусе-1835 мы могли заметить некоторые расхождения между подкорпусами периодики и отдельными изданиями в долях глаголов и прилагательных, этого недостаточно, чтобы ответить на вопрос о том, как части речи сочетаются между собой и какие из сочетаний оказываются неожиданными, а какие — предсказуемыми и узнаваемыми.

Кажется, что сам по себе учет пар приведет к безынтересным выводам о том, что существительные чаще всего рифмуются с существительными, а

глаголы — с глаголами, поэтому для такого анализа требуются менее общие категории. Здесь можно было бы пойти по пути более подробного морфологического описания и увеличения числа грамматических категорий [ср.: Worth 1978; Гаспаров, Скулачева 2004]. Другое решение — использовать комбинации признаков: например, учитывать не только часть речи, но и длину слова в слогах [Plecháč 2021: 41–42]. Ненадежность автоматической разметки останавливает нас от использования более детализированных грамматических категорий, поэтому мы предлагаем пойти по второму пути.

Каждая пара рифм была преобразована нами в пару частей речи, а для каждого слова добавлялась его длина в слогах; ямбы и хорее с женскими и мужскими окончаниями учитывались отдельно. К примеру, в этой аннотации рифма «кровью — любовью» будет представлена как «Суц_2 — Суц_3», а «хрустальный — зеркальный» как «Прил_3 — Прил_3». Аннотированные рифменные пары можно представить в сетевой визуализации, где вершинами будут слова — комбинации частей речи и числа слогов («Прил_3»), а ребрами — появление определенных слов в рифменных парах («Прил_3 — Прил_3», см. *Рис. 5.2.1*).

Если сравнивать пары рифм с одним видом клаузулы, то разница между хореем и ямбой незначительна: в обоих метрах в мужских рифмах наиболее часто употребляются пары из существительных в 1–3 слога, глаголов в 2–3 слога и коротких местоимений в 1–2 слога. В женских рифмах происходит соответствующее удлинение на один слог: наиболее частотны пары из существительных в 2–4 слога, глаголов в 3–4 слога, прилагательных в 3–4 слога¹⁶⁸. Сходство в рифме между хореем и ямбой в этом случае велико: коэффициент корреляции между наиболее употребляемыми 50-ю видами рифменных сочетаний в хореех и ямбах составляет 0.83 для мужских и 0.72 для женских рифм. Иными словами, наиболее используемые части речи в этих метрах мало отличаются: вероятность, что мы могли бы отличить ямбы от хореев по сочетанию длины слогов и частей речи в рифме, очень мала¹⁶⁹.

Ряд отличий однако можно найти в сравнении с прошлым: для этого мы приведем в пример рифмы рубежа XVIII–XIX в. из НКРЯ. Можно допустить, что изменения грамматических качеств рифмы происходили постепенно в популяции: если сравнить пары рифм в НКРЯ за 1810–1830-е гг. и

¹⁶⁸ Топ-5 пар в мужских рифмах (в скобках дан % от всех рифмопар в ямбах): *суц_2 — суц_2* (11.75%), *суц_1 — суц_2* (7.6%), *суц_2 — суц_3* (6.9%), *суц_1 — суц_1* (5.5%), *суц_2 — мест_2* (4.2%); в женских рифмах: *суц_3 — суц_3* (12.6%), *суц_2 — суц_3* (10%), *суц_3 — суц_4* (8%), *суц_2 — суц_2* (6%), *гл_3 — гл_4* (5.8%) .

¹⁶⁹ Укажем на несколько редких исключений: например, в мужских рифмах в ямбах существенно реже, чем в хореех, встречается сочетание из двусложных существительного и глагола (10 ранг по частотности в хореех и 16 — в ямбах); напротив, мужская рифма на два местоимения (*мест_1* и *мест_2*) чаще встречается в ямбах (14 по частотности), чем в хореех (19 ранг). В женских рифмах в хореех реже появляются рифмы на сверхдлинные существительные (*суц_4 — суц_4*: ранг в ямбах — 11, в хореех — 15; *суц_3 — суц_5*: ранг в ямбах — 15, в хореех — 21).

в Корпусе-1835, то существенные отличия найти трудно [ср.: Worth 1979]. Для лучшей иллюстрации мы используем подборку рифм из более ранних текстов НКРЯ 1775–1810 гг. Корреляция между наиболее используемыми грамматическими парами в рифмах НКРЯ до 1810 г. и Корпуса-1835 в одинаковых размерах оказывается более низкой (~0.65), чем корреляция внутри одного периода между разными размерами (~0.7–0.8). Частота встречаемости разных частей речи и их длина в слогах показаны на *Рисунке 5.2.1* для разных подкорпусов; более широкая и темная линия указывает на большую частотность пары.

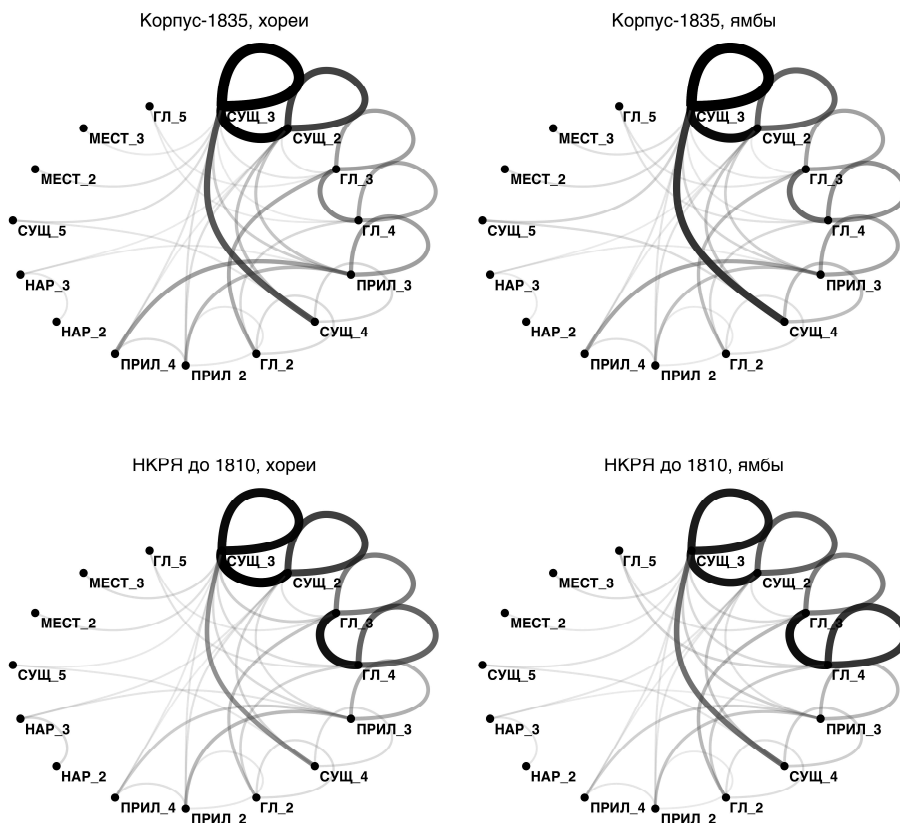


Рис. 5.2.1. Частота¹⁷⁰ грамматических пар для женских рифм в Корпусе-1835 (верхний ряд) и НКРЯ 1775–1810 (нижний ряд).

¹⁷⁰ Показаны только 50 наиболее частотных сочетаний. Петли, исходящие из вершин к самим себе, обозначают пары, образованные словами с одинаковыми признаками (например, в хорях в Корпусе-1835 наиболее частотны рифмы, образованные из двух существительных, длиною в 3 слога (*сущ_3* — *сущ_3*).

В случае обоих метров в 1830-х гг. чаще всего встречаются рифмы из двух существительных в три слога (12.6% всех женских рифм), далее следуют сочетания существительных другой длины, затем — глаголы в 3–4 слога и прилагательные. Как видно, эта ситуация лишь отчасти характерна для более ранних текстов в НКРЯ, где наиболее частотные женские рифмы — глагольные (1-е по частотности — пары из глаголов в 3 и 4 слога, 9.8% от всех женских рифм); затем следуют сочетания из существительных разной длины, на 4-м месте по частотности — вновь глагольная рифма (пара из двух глаголов в 4 слога, 7.9% от всех женских рифм, против 4.3% в Корпусе-1835). Частотная в 1830-х гг. рифма из прилагательных в 3 и 4 слога (9-я по рангу, 3.3%), в НКРЯ до 1810 г. используется вдвое реже (15-я по рангу, 1.5%). Из этих данных, как и из подсчетов по периодике, заметно уменьшение доли глагольных женских рифм к концу 1830-х гг.: вместо них начинают использоваться рифмы на прилагательные и более длинные существительные из 3 и 4-х слогов.

Такие же подсчеты по мужским парам не свидетельствует об отходе от глагольной рифмы: так, мужские рифмы из двух глаголов в 2 слога либо пары из глаголов в 2 и 3 слога одинаково характерны для ямбов и хореев и в НКРЯ до 1810 г., и в Корпусе-1835 и занимают порядка 3–4% от всех пар (5–7 ранг частотности)¹⁷¹. Наиболее разительно в мужских рифмах на протяжении времени различие в использовании местоимений. Так, в Корпусе-1835 рифмы из существительного и местоимения по два слога (*огня — меня*) — 5-е по частотности (4.2% от всех мужских рифм), в то время как в ранней подборке до 1810 г. они занимают только 21-е место (1.4%); сходным образом рифма из существительного в три слога и местоимения в один (*стороне — мне*) в ямбах Корпуса-1835 находятся на 11-м месте по частоте (1.9%) а в подборке НКРЯ — на 31-м (0.66%). Это, однако, касается не всех местоимений вообще: например, пара из короткого существительного и местоимения (*сущ_2 — мест_1, закон — он*) одинаково характерна для всего временного периода (8-й ранг в обоих корпусах).

Таким образом, некоторые тенденции, на которые указывал Шоу на основании подсчетов по Пушкину и Баратынскому, подтверждаются по данным нашего корпуса с несколькими важными поправками. Во-первых, подсчет грамматических особенностей рифмующих слов у отдельных авторов может давать недостоверные и сильно отклоняющиеся от среднего по популяции результаты. Это кажется важным, даже при условии, что для корпусных исследований стиха могут специально отбираться авторы, с которыми ассоциируются «поэтические новации» [ср.: Корчагин 2015] — вопрос о границе между авторским стилем и общими историческими тенденциями здесь кажется нам еще нерешенным. Во-вторых, для двусложных размеров на изученных нами уровнях различия в рифме между ямбами и

¹⁷¹ Отметим, что среди глагольных рифм в Корпусе-1835 также достаточно редки мужские рифмы на инфинитив (19-е место по частотности (1.3%), в НКРЯ до 1810 г. — 5-е, 3.4%).

хорями менее существенны, чем различия в клаузуле: подсчеты частей речи и длин слов по двум метрам весьма сходны, если рассматриваются отдельно женские и мужские рифмы. В целом наши подсчеты позволяют заключить, что на протяжении первой трети XIX в. поэты действительно постепенно ограничивали использование глагольной рифмы — однако скорее только в случае женских окончаний; в мужских рифмах в то же время заметно увеличение доли местоимений в специфических сочетаниях с существительными.

Однако можно ли полагать, что отход от глагольной рифмы связан с ее «монотонностью», а увеличение доли склоняемых частей речи — прежде всего, существительных — с тем, что они делают рифму более неожиданной и разнообразной?

5.2.3. Вариативность рифменных окончаний

Уже устройство «Собрания рифм по алфавиту» отражало процесс создания рифмы как процесс «нанизывания» слов, обладающих созвучным окончанием. Однако возможности «генерации» слов на определенное окончание будут различными для разных частей речи: два случайных существительных с меньшей вероятностью рифмуются, чем два глагола или же два прилагательных. Увеличение разнообразия грамматических сочетаний в рифме для исследуемого нами периода как правило иллюстрируется увеличением частотности мужских рифм на *-ой* [Гаспаров, Скулачева 2004], однако в совокупности грамматические возможности разных частотных окончаний, насколько нам известно, почти не изучались.

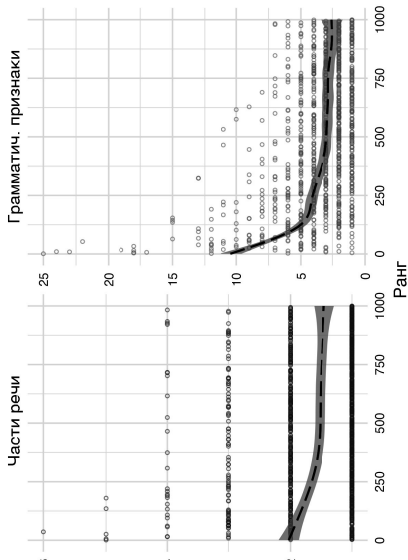
На материале нашего корпуса мы подсчитали наиболее частотные мужские и женские рифменные окончания и проверили а) число частей речи, б) число грамматических форм¹⁷², использующихся в этом рифменном окончании (Рис. 5.2.2). Первое, что можно заметить — действительные частотность и разнообразие рифм на *-ой*, подтверждающее гипотезу о зависимости между употребительностью рифм на определенное окончание и ее грамматической вариативностью. Эта корреляция, однако, в некоторых случаях достаточно слабая: в мужских рифмах¹⁷³ зависимость между числом частей речи и частотностью окончания достаточно незначительная (0.24), и практически отсутствует в женских рифмах (0.09). В случае грамматических форм корреляция между рангом рифменного окончания по частоте и числом возможных форм более выражена для мужских рифм (0.54), но остается слабой в случае женских (0.25).

¹⁷² Эта оценка очень приближительна (мы использовали автоматическую грамматическую разметку *mystem*, включающую, например, число, род и падеж для существительных, время, залог, число и лицо для глаголов и т. д.) и требует более точных данных по корпусу со снятой омонимией.

¹⁷³ Учитывалась первая 1000 наиболее частотных окончаний.

А

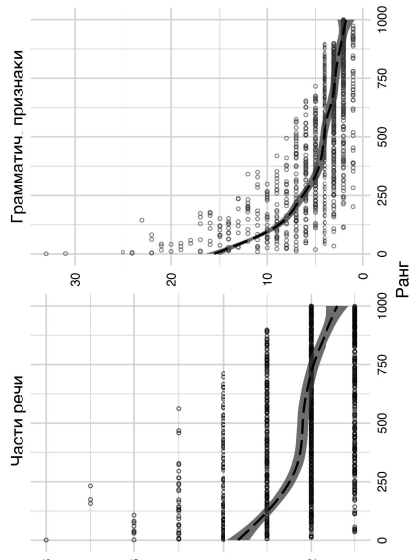
Женские рифмы



Грамматич. признаки

Б

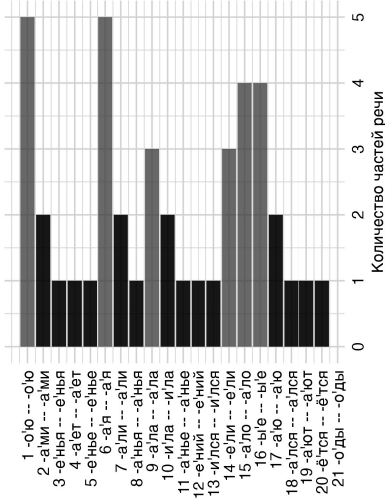
Мужские рифмы



Грамматич. признаки

В

Наиболее частотные женские окончания



Наиболее частотные мужские окончания

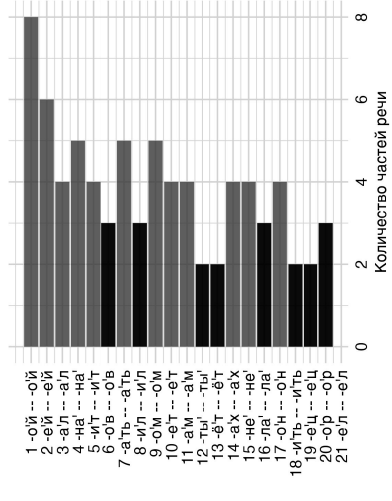


Рис. 5.2.2. а, б. Распределение числа частей речи и грамматических признаков в зависимости от ранга частотности окончаний. в. 20 наиболее частотных окончаний и число частей речи внутри них.

Из этих данных можно вывести несколько закономерностей. Так, некоторые очень частотные окончания — например, глагольные — могут включать слова только одной части речи или даже одну-две грамматические формы. Особенно видно это на примере женских рифм, где из 20 наиболее частотных окончаний 13 включают в себя лишь небольшое число грамматических вариаций (например, рифмы на *-енье/-анье*, *-ился* и др.). Если в мужских рифмах видна некоторая корреляция между частотностью окончания и возможностями его грамматического «разнообразия», то женские рифмы меньше следуют этой закономерности.

Рассмотрим несколько примеров наименее вариативных окончаний. Среди мужских рифм можно указать не только на преимущественно глагольные на *-ить*, но и, например, на такое характерное окончание существительных¹⁷⁴ мужского рода как *-ец* (*венец*, *певец*, *конец*, *отец*, *творец*, *мертвец*, *боец* и т. д.), а также прямо связанные с ним рифмы на *-ца* (*венца*, *певца* и т. д., 47-е по частотности рифменное окончание). В то время как *-ить* — окончание, характерное для целой грамматической категории, — объединяет внутри себя большое гнездо слов (в нашем корпусе доступно 300 уникальных рифмующих слов), то окончания основ существительных как *-ец* / *-ца* ожидаемо будут иметь лишь ограниченное число лексем (найлены 37 уникальных слов в рифмах на *-ца* и 49 — на *-ец*). Среди частотных мужских рифм отметим также такие во всех отношениях мало вариативные рифменные окончания как *-овь* (в Корпусе-1835 только 6 уникальных рифмующих слов: *любовь*, *вновь*, *кровь*, *бровь*, *приготовь*, *уготовь*), *-аль* (15, например: *печаль*, *даль*, *жаль*, *шаль* и т. д.), *-са* (15, *небеса*, *краса*, *леса*, *роса*, *коса*, *паруса*). Отметим также окончания, в которые входят характерные для поэзии формульные слова: это рифмы на *-ир* (25 уникальных слов, например: *мир*, *пир*, *эфир*, *кумир*, *зефир* и т. д.) и *-ар* (36, *дар*, *жар*, *пожар*, *чар* и т. д.). Можно думать, что в широком использовании этих рифм проявляется культурный, а не языковой эффект: потенциальное словарное разнообразие уступает перед семантикой, необходимостью поставить значимое слово в рифменную позицию.

Среди женских рифм, входящих в число первых 50 наиболее употребительных, можно найти еще менее вариативные примеры. Прежде всего это рифмы на *-о'чи* (174 вхождения пары, 29-е место по частотности среди женских рифм) и *-а'дость* (103 вхождения, 48-е место). В нашем корпусе на эти окончания нашлось только несколько слов: *ночи*, *очи* и *радость*, *младость*, *сладость*. Несмотря на употребительность, эти два окончания, как и *кровь—любовь*, не только грамматически мало вариативны, но и очень ограничены по количеству созвучных слов. Неудивительно потому, что *младость—радость* является знаковой рифмой «золотого века», наряду с *кровь—любовь* (интересно, что в этом контексте *ночи—очи*, как кажется, упоминается существенно реже) [Жирмунский 1923: 93–94].

¹⁷⁴ В Корпусе-1835 на это окончание только одно рифмующее слово не является существительным — *наконец*.

Случаи частотного употребления определенных слов в рифме и наделения их специальной семантикой Л. Я. Гинзбург называла «поэтизмами»:

Поэтичность могла явиться производным моментом от лексической характеристики слова (славянизмы, архаизмы и т. п.) <...> Не менее типичен обратный случай, когда слово получает свою лексическую окраску внутри литературного (стихового) ряда и под влиянием этого ряда. «Каждое слово окрашивается той речевой средой, в которой оно преимущественно употребляется» (Ю. Н. Тынянов) — так, например, образовались особые элегические слова, образовались от «преимущественного употребления», в частности от употребления в рифме (нежный — мятежный; радость — младость и т. п.). В результате обратный ход: закрепив за собой эти слова в качестве «поэтизмов» <...>, литература вернула их практической речи, снабдив своей окраской [Гинзбург 2007: 140–141].

Благодаря исследованию формальных признаков рифмующих слов мы можем приблизиться к механизму появления такого рода «сигнальных» рифм. Как видно, некоторые рифмы оказываются ограничены по своим морфологическим признакам: в них малы грамматическая контрастность (сочетание разных частей речи) и вариативность грамматических форм (сочетания слов разного числа, рода, падежа и т. д.). К этой категории относятся, например, глагольные рифмы: хотя они грамматически монотонны, набор слов, которые можно привести на отдельное глагольное окончание, если не бесконечен, то достаточно широк. То же относится, например, к женским рифмам на окончание существительных *-анье / -енье (-ание / -ение)*. На частотность слов в рифмах такого типа будет действовать закон Ципфа: некоторые слова будут употребляться существенно чаще, однако большинство употреблений составят «длинный хвост».

Более примечательны отдельные рифменные окончания, подбор созвучий на которые затруднен не только грамматически, но и лексически — например, уже упомянутые рифмы на *-ца* и *-ир*. Такие рифменные гнезда включают практически исключительно существительные, а потому потенциальное число созвучных слов в них ограничено. Именно эта категория рифменных окончаний — маловариативных и грамматически, и лексически, — очень предсказуема и «формульна». Не только *радость—младость*, но также и рифмующие слова на *-ец* (*венец, певец*) или, например, *-и'ца* (*царица, денница, девица, птица, темница*) очевидно входят в список «поэтизмов», особенно характерных для стихотворений первой половины XIX в. Хотя такого рода слова будут иметь семантический вес и внутри строки, рифменная позиция налагает на них особого рода условие: быть созвучными лишь ограниченному, а потому также семантически обособленному и достаточно легко угадываемому набору слов¹⁷⁵. С этой точки зрения достаточно закономерно и появление отдельных семантически

¹⁷⁵ О специальных семантических отношениях слов, образующих рифменную пару, см. также: [Жирмунский 1923: 79–80].

нагруженных рифменных гнезд, в которые входят географические названия на редкие концовки [см.: Лейбов и др. 2008; Лейбов 2012; Лейбов 2014].

Этот вывод возвращает нас к наблюдениям о том, что на протяжении первой трети XIX в. можно наблюдать увеличение доли склоняемых частей речи в рифме. При этом существительные (и в меньшей степени прилагательное) в рифменной позиции интерпретируются как семантически подчеркнутые [ср.: Гаспаров, Скулачева 2004: 19, 105]: как мы видим, в некоторых случаях, семантический «вес» рифмующегося слова существенно увеличивается еще и в связи с тем, что рифменные пары с ним составляет только ограниченный набор созвучных слов. Просмотр списков слов на *-ца* или *-ар* прямо приводит к выводу о том, что перед нами «поэтизмы»: однако можно измерить, насколько действительно «поэтичны» такие слова? И изменяются ли семантические качества рифмующих слов вместе с увеличением числа прилагательных и существительных в рифмах?

Как и во многих других случаях исследования исторических корпусов, у нас нет адекватных средств, чтобы ответить на эти вопросы: не существует ни специально подготовленных словарей для поэтического языка XIX в., ни специально обученных на этом материале для русского больших языковых моделей¹⁷⁶. Поэтому мы предлагаем упрощенно представить «поэтизмы» как более абстрактную лексику: в то время как поэзия этого периода в целом шла по пути уменьшения абстрактности, ограничения в рифме могли приводить к увеличению числа «поэтических», абстрактных слов. Метод, который мы будем использовать ниже — а именно, использование современного словаря — позволяет только наметить вектор исследования, но вряд ли претендует на совершенно достоверные выводы. Мы предлагаем оценить, насколько изменяются существительные и прилагательные с точки зрения категорий абстрактности/конкретности, в зависимости от того, насколько употребительны эти части речи в рифме. Для примера, согласно словарю высокой абстрактностью как правило будут обладать рифмы на *-анье/-енье* (ср.: *сочетанье, желанье, воспоминанье, наслаждение*); рифмы на *-ой*, напротив, позволяют включать более конкретные слова (например: *гранитной, разбитой, стальной, золотой*). Понимая все ограничения такого подхода, мы используем индексы абстрактности для существительных и прилагательных по современному семантическому словарю [Solovyev et al. 2022].

Для эксперимента мы использовали четыре подкорпуса: рифмующие слова из периодики (*Корпус-1835 П*) и из отдельных изданий (*Корпус-1835 ОИ*) второй половины 1835 г., а также из стихотворений НКРЯ 1775–1810 гг. (*НКРЯ до 1810*) и 1810–1830 гг. (*НКРЯ 1810–1830*). Из каждого подкорпуса выбирались случайные выборки по 1000 рифмующих слов, определялась доля существительных и прилагательных, для имеющихся в

¹⁷⁶ Ср. существование этой проблемы даже для исследования исторических текстов в прозе на английском языке [Heuser, Le-Khac 2012; Underwood 2019: 12–27].

словаре слов¹⁷⁷ вычислялся средний коэффициент абстрактности (чем меньше коэффициент, тем более абстрактные слова использовались в рифме). Таким образом, в эксперименте мы попробовали проверить не только то, изменялась ли доля существительных и прилагательных в случайных выборках, но и происходили ли семантические изменения.

Результаты, отображенные на *Рисунке 5.2.3*, можно интерпретировать так: доля прилагательных и существительных в рифме увеличивается на протяжении первой трети XIX в. Относительная абстрактность существительных остается одинаковой во всех подкорпусах, независимо от доли существительных. Однако в случае прилагательных изменяется и доля части речи, и ее абстрактность: если в НКРЯ 1775–1810 гг. в рифме в среднем прилагательных меньше и они более абстрактные, то в Корпусе-1835, в особенности в периодике, рифмы на прилагательные менее абстрактны, однако они более распространены.

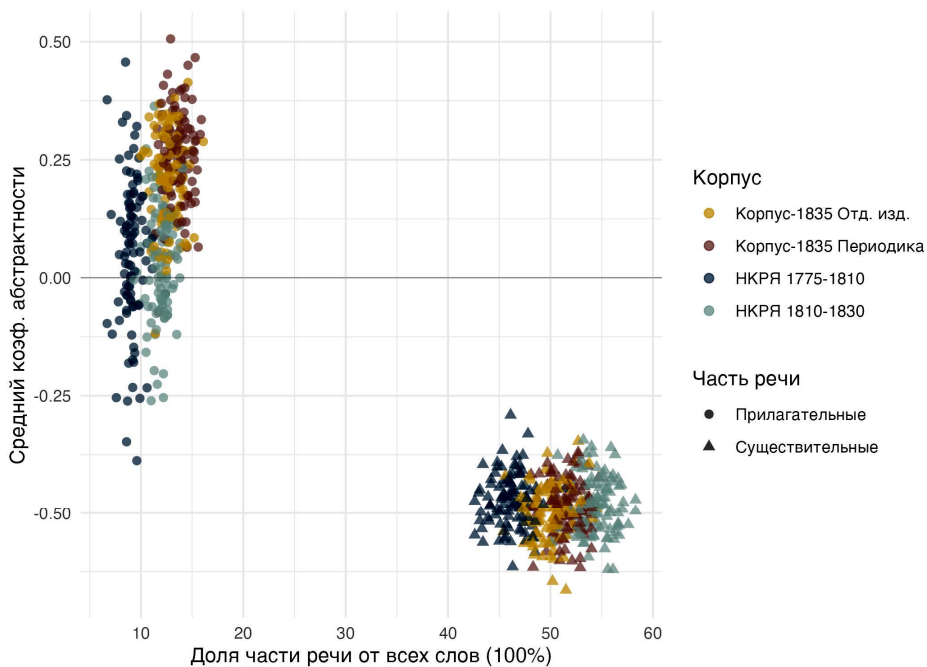


Рис. 5.2.3. Соотношение между долей части речи и средним коэффициентом абстрактности (100 случайных выборок из каждого подкорпуса).

¹⁷⁷ Ограничения, связанные со словарным подходом неизбежно приводят к тому, что не для всех слов XVIII-XIX в. в словаре будет найден индекс абстрактности; для подкорпуса НКРЯ 1775–1810 индекс имелся в среднем для 60–70% существительных и прилагательных, для второй четверти XIX в. это число составляет уже 70–85% — это могло влиять на полученные нами результаты.

Чтобы проверить данные по доле и абстрактности частей речи, мы сходным образом попробовали вычислить коэффициенты абстрактности для поэтов, доли частей речи в рифмах которых мы уже приводили в *Таблице 5.2.3*. Так, наименее абстрактными как в случае существительных, так и прилагательных, оказываются рифмы поэта-крестьянина Слепушкина, жанровые предпочтения которого можно обобщить как сельские пасторали и басни: для примера, среди его наиболее конкретных слов в рифме — *шерстяной, резной, сухари, калачи, стога* и так далее.

Учитывая все несовершенства использованного нами словаря, можно осторожно заключить, что семантические изменения происходят с увеличением доли прилагательных: рифмы на прилагательные становятся со временем менее абстрактными (ср. прилагательные на *-ой*). Однако существительные, независимо от их доли в рифме, имеют более постоянную семантическую окраску, тяготеющую к абстрактности. В ограниченных условиях поиска созвучий и их запоминаемости рифмы на существительные, таким образом, правда могут порождать «поэтизмы» — легко узнаваемые, сигнальные слова поэтического языка.

В этой части главы мы попробовали подойти к малоизученным характеристикам рифмующих слов с точки зрения морфологии и лексики. Изменения, происходящие на этих формальных уровнях, кажутся нам не менее интересными, чем традиционно учитываемые акустические свойства рифмы. Так, мы можем полагать, что на протяжении первой трети XIX в. в рифме постепенно уменьшалась доля глаголов и увеличивалась частота использования склоняемых частей речи — местоимений, прилагательных и существительных¹⁷⁸. Хотя эти тенденции заметны из подсчетов по некоторым отдельным авторам, более точные сведения по популяции можно получить, если использовать случайные выборки и комбинации признаков рифмующих слов: например, комбинации частей речи и длин слов в слогах.

Учет грамматических признаков и лексической вариативности рифменных окончаний, как кажется, позволяет приблизиться к вопросу о соотношении¹⁷⁹ уникального и частотного в рифме и даже указать на один из меха-

¹⁷⁸ Малое число рифм на несклоняемые части речи (например, наречия и деепричастия) не позволяет сделать выводов об изменениях в доле их использования в разных корпусах; можно полагать, что эти части речи использовались в рифме стабильно редко.

¹⁷⁹ Сложно сказать, в какой числовой пропорции находятся «уникальные/частотные» и «банальные/вариативные» рифмы: это заставило бы нас определить границы для этих категорий. Например, какое число употреблений требуется, чтобы назвать рифму «частотной»? Или же, сколько форм должно входить в рифменное окончание, чтобы считать его грамматически «вариативным» или «банальным»? Для условного различения «вариативное/не вариативное» на *Рис. 5.2.2* мы учитывали распределение значений в перцентилях, однако этот путь не кажется оптимальным: и частотность, и вариативность представляют скорее спектр, чем дискретные категории. Например, если условно считать «частотными» рифменные окончания, входящие в топ-100 по употребимости, а «вариативными» те, которые включают 3 и более частей речи, то соотношение «частотных невариативных» (частотных, лексически и грамматически ограни-

низмов появления «банальных рифм». Так, новизна и уникальность проявляется там, где поэты используют лексически и грамматически вариативные рифмы, до некоторой степени это возможно и с использованием грамматически монотонных, но лексически богатых рифменных окончаний. Однако достаточно часто в текстах появляются и такие рифмы, в которых лексическое разнообразие и грамматическая контрастность очень низки — такие рифмы наиболее предсказуемы и узнаваемы. Можно полагать, что в этом случае во взаимодействие вступают языковая ограниченность (малое число созвучных слов и грамматических форм) и культурная составляющая: рифменная позиция является способом семантически подчеркнуть слово и соотносит его с узким набором других созвучных слов-сигналов. В появлении и закреплении в традиции таких рифменных комбинаций можно видеть один из важных механизмов появления поэтических формул и клише.

5.3. Соотношение индивидуальных рифменных стилей: многомерный анализ

Взаимосвязь различных уровней языка и стиха, как мы попробовали показать в этой главе, широко проявляется и в рифме. При этом наблюдения за отдельными рифмой у отдельных авторов могут плохо соотноситься со средними данными по периоду: можно думать, что использование рифмы разными поэтами глубоко индивидуально и не объясняется только «эпохой» или «направлением» (см. Гл. 5.2.2). В этой части главы мы попробуем объединить эти две проблемы и представить множественные формальные признаки рифмы как «рифменный стиль», специфический для каждого автора. Это позволит нам наблюдать за глобальными отношениями поэтических стилей поэтов первой трети XIX в., в частности поэтов 1830-х гг. Важно, что рифма в целом может использоваться как показатель «качества» поэтического текста: например, в биографии Бенедиктова, составленной Я. П. Полонским, приводится такой комментарий Пушкина о стихах Бенедиктова: «У вас удивительные рифмы — ни у кого нет таких рифм»¹⁸⁰. По-видимому, на иронический оттенок этой фразы указал если не сам Бенедиктов, то уже его биографы, а затем «удивительные рифмы» упоминались в контексте сдержанного отношения Пушкина к тогда восторженно принятому критиками Бенедиктову [Виноградов 1935: 351; Гинзбург 2007: 231–232; Черейский 1989: 35]. В этой части главы мы попробуем с точки зрения

ченных рифм), «частотных вариативных» и «нечастотных» рифм у отдельных авторов будет составлять по $\frac{1}{3}$ для каждой категории. Это значение, однако, прямо зависит от того, что будет пониматься под «частотностью» и «вариативностью», что требует дополнительного статистического анализа на более обширных данных.

¹⁸⁰ Цит. по [Гинзбург 2007: 231–232].

количественных методов определить, как соотносятся рифменные стили поэтов первой трети XIX в. и были ли «удивительны» рифмы Бенедиктова.

Чтобы определить, насколько далеки друг от друга поэты первой трети XIX в. с точки зрения формальных признаков рифмы, мы будем использовать данные о частотах рифмующих слов и рифменных окончаний, а также о сочетаниях частей речи различных по длине в слогах. Множество признаков в этом случае вновь обращает нас к методу многомерного анализа, уже описанного на примере авторских дистанций в *Главе 3*. В основе этого метода лежит представление о том, что числовые характеристики стиха каждого автора можно объединить в вектор значений, а затем вычислить дистанции между векторами в многомерном пространстве. Так мы формализуем различия между авторскими стилями, в данном случае — специфические «стили» рифмы для каждого автора. Результаты подсчета дистанций можно представить в виде проекции на плоскость и использовать ее для дальнейшей интерпретации близости характеристик рифмы у разных авторов [см.: Nagy 2022].

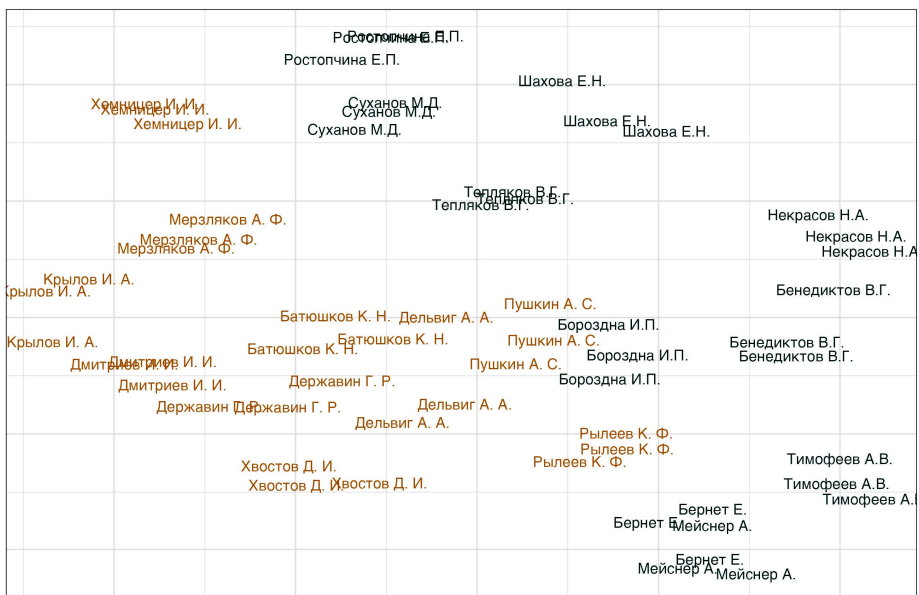
Как мы уже отмечали в этой главе, формальные признаки рифмы, взятые для отдельных авторов, могут обладать сильным авторским сигналом, и в меньшей степени отражать условный «стиль эпохи». Поэтому первая наша гипотеза заключается в том, что наиболее близкими по формальным признакам будут выборки из одного автора к самому себе. Другой вопрос, на который мы попробуем ответить с помощью многомерного анализа — можно ли на уровне рифмы зафиксировать близость авторов одного «поколения». Мы проверим, похожи ли друг на друга рифмы поэтов второй половины 1830-х гг. и окажутся ли к ним близки «удивительные» рифмы Бенедиктова.

Для эксперимента мы отобрали рифмующие слова 10-ти авторов второй половины 1830-х гг.¹⁸¹ и 10-ти «канонических» поэтов конца XVIII — начала XIX в.¹⁸² Для подсчетов по каждому автору брались три случайные выборки по 1000 рифмующих слов, далее для каждой выборки подсчитывались вхождения по следующим признакам: 100 наиболее частотных рифменных окончаний (50 мужских и 50 женских), 50 наиболее частотных частей речи и их длина в слогах¹⁸³ в мужских и женских рифмах. Отдельно мы также сделали проекцию для наиболее частотных слов в рифме (200 мужских и 200 женских). Проекция на плоскость, выполненные с помощью метода UMAP, показаны на *Рисунках 5.3.1* и *5.3.2*.

¹⁸¹ Бороздна, Бенедиктов, Бернет, Мейснер, Некрасов, Ростопчина, Тепляков, Тимофеев, Суханов, Шахова.

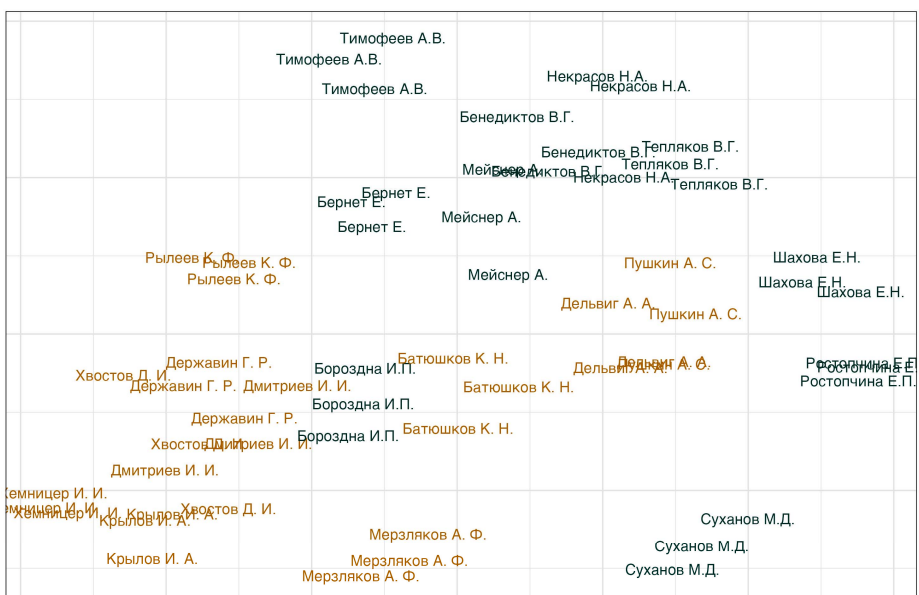
¹⁸² Батюшков, Дельвиг, Державин, И. И. Дмитриев, Мерзляков, Крылов, Пушкин, Рылеев, Хемницер, Хвостов.

¹⁸³ Например, число существительных в два слога в мужской рифме, прилагательных в три слога в женской и т. д. Более подробно об этом признаке см. в части 5.2.



а Корпус-1835 а НКРЯ

Рис. 5.3.1. UMAP проекция грамматических признаков рифмы: 100 наиболее частотных рифменных окончаний и 50 наиболее частотных частей речи с их длинами в слогах для мужских и женских рифм.



а Корпус-1835 а НКРЯ

Рис. 5.3.2. UMAP проекция для лексических признаков: 400 наиболее частотных лемм для мужских и женских рифм.

Первое, что можно заметить из проекций как по грамматическим, так и по лексическим признакам — это стабильная кластеризация выборок из одного автора с самим собой. Как было неоднократно продемонстрировано [ср.: Шапир 1997; Plecháč 2021], и на уровне выбора слов, и при выборе грамматических форм, рифма транслирует индивидуальные особенности авторского стиля.

В то же время достаточно явно и стабильно в разных итерациях эксперимента (не показанных на графиках) сохраняется хронологическое разделение между подкорпусами Корпуса-1835 и НКРЯ (тексты поэтов из НКРЯ были отобраны так, чтобы хронологически мало пересекаться с Корпусом-1835). Учитывая особенности проекции, прямо интерпретировать можно только близко расположенные друг к другу значения, в то время как относительная «разница» между авторами, расположенными далеко друг от друга, в проекции может искажаться [ср.: Nagy 2022]. Обратим внимание на кластеры, где авторы расположены близко друг к другу и проверим, относятся ли их тексты к одному временному периоду. Так, на *Рисунке 5.3.2*, отражающим лексические частоты в рифме, отчетливо видна не только граница между кластерами НКРЯ и Корпуса-1835, но и кластеры поэтов начала XIX в. (Державин, Дмитриев, Хвостов), 1800–1820-х гг. (Батюшков, Дельвиг, Пушкин) и поэтов второй половины 1830-х гг. (правый верхний угол графика). Временные кластеры существуют и на уровне выбора грамматических форм: например, также заметна группа поэтов 1800–1820-х гг. (Батюшков, Пушкин, Дельвиг), обширный кластер поэтов 1830-х гг. практически полностью находится в правой части плоскости, обозначая близость отдельных поэтов друг к другу (ср. положение выборок из Бернета и Мейснера, Бенедиктова и Некрасова).

Если рассматривать наиболее близких по рифменным признакам поэтов 1830-х гг., то можно заключить, что на обоих уровнях выделяется условный кластер поэтов вокруг Бенедиктова — Мейснер и ранний Некрасов, в меньшей степени — Тимофеев и Бернет. При этом в обоих случаях Бороздна и Тепляков тяготеют к рифмам поэтов 1820-х гг. и Пушкина. Примечательно, что стихотворения последнего были отмечены благожелательным отзывом Пушкина, а в научной традиции Тепляков может трактоваться как преемник «пушкинской» традиции [ср.: Бычков 1883: 17–19; Гинзбург 1972: 27; Вацуро 1983]. Можно думать, что даже использованные нами простые лексические и грамматические признаки рифмы позволяют зафиксировать некоторые временные и стилистические различия между поэтическими стилями разных авторов.

Однако можно ли по полученным нами данным подтвердить или опровергнуть гипотезу об «удивительности» рифм Бенедиктова? Как кажется, для ответа на этот вопрос необходимо привлечь большее количество текстов поэтов 1830-х гг.

				Ростопчина Е.П. Ростопчина Е.П.				
	Кашкин Д.Е.				Зилов А.М.			
			Тимофеев А.В.		Зилов А.М.			Меркли М.М.
артынов А.М.	Быстроглазов А.	Тимофеев А.В.			Полежаев А.И.			
	Быстроглазов А.	Демидов М.А.			Полежаев А.И.			Меркли М.М.
Суханов М.Д.		Демидов М.А.	Анонимы	Анонимы				Козлов И.И.
Суханов М.Д.	Мартынов А.М.				Некрасов Н.А.	Бенедиктов В.Г.		Козлов И.И.
		Бернет Е.	Бенедиктов В.Г.					
Башкатов А.	Бакунин И.М.	Бернет Е.		Алексеев П.Ф.		Шахова Е.Н.		
Башкатов А.			Мейснер А.		Алексеев П.Ф.		Ушаков А.А.	
	Бакунин И.М.		Мейснер А.	Некрасов Н.А.		Шахова Е.Н.	Ушаков А.А.	
		Баратынский Е.А.		Лермонтов М.Ю.	Подольский А.И.			
		Баратынский Е.А.	Лермонтов М.Ю.					
	Тепляков В.Г.	Бороздна И.П.					Сушков Д.П.	
	Тепляков В.Г.							
		Бороздна И.П.					Сушков Д.П.	

Рис. 5.3.3. Рифменные стили поэтов 1830-х гг. UMAP проекция для лексических и грамматических признаков: 100 наиболее частотных лемм, 100 наиболее частотных рифменных окончаний и 50 наиболее частотных частей речи с их длинами в слогах для мужских и женских рифм.

Для проекции на *Рисунке 5.3.3* мы взяли комбинацию лексических и грамматических признаков в рифме: 100 наиболее частотных лемм (по 50 для женских и мужских рифм) и уже использованные ранее грамматические признаки. Для эксперимента были собраны рифмы всех поэтов Корпуса-1835, для которых доступно более 1500 рифмующих слов, для каждого поэта было взято две случайные выборки по 1000 слов (с заменой). Мы также добавили две случайные выборки из анонимных текстов, которые условно представляют «среднее» по периоду.

Результаты анализа позволяют полагать, что рифмы Бенедиктова по-прежнему находят некоторое сходство с рифмами раннего Некрасова, однако они также близки «среднему» (случайной выборке «Анонимов») и другим авторам 1830-х гг. — Бернету, Козлову, Алексею. Можно думать, что для ответа на вопрос об «удивительности» использованный нами метод недостаточно чувствителен: хотя мы можем заметить большие хронологические сдвиги, для кластеризации авторов внутри определенного периода только лексических и грамматических признаков рифмы может быть недостаточно. Между тем, и близость Бенедиктова к «Анонимам», и показатели распределения у него частей речи (см. *Таб. 5.2.3*) могут намекать на близость рифм Бенедиктова к «среднему» по периоду — иными словами, подтверждая не «уникальность», а общность с вектором массовой поэзии

второй половины 1830-х гг. Наши данные не позволяют решить вопрос о том, задал ли сам Бенедиктов этот вектор, а сочувствующие поэты следовали ему (ср., например, Бернета), или же сходства на формальных уровнях рифмы объясняются общим контекстом развития литературного и поэтического языка.

На лексическом и грамматическом уровне рифмы в стихотворениях 1830-х гг. имеют ряд характерных отличий от рифм конца XVIII — первой четверти XIX в. Однако наши подсчеты указывают на то, что изменения на изученных нами формальных уровнях в рифме происходили постепенно и без резких изменений, несмотря на развернувшуюся в 1830-х гг. дискуссию о рифме. Обыгрывание в традиции наиболее «банальных» рифм как *кровь*—*любовь* или условный запрет на глагольные рифмы, возможно, могли влиять на осознанный выбор поэтами более неожиданных сочетаний, однако существенная часть рифменного репертуара казалась «ожидаемой» в силу грамматической или даже лексической монотонности многих часто используемых рифм. Так в рифме этого периода оказываются противопоставлены как бы две силы: с одной стороны, ограничения, наложенные определенной стилистической нормой и практикой рифмовки, с другой — постоянная экспансия рифменного словаря и привлечение если не новых рифменных окончаний, то новых слов как таковых. А. А. Илюшин в «Русском стихосложении» так описывал эту проблему:

...здесь есть опасность впасть в крайности формального трюкачества, бес-
содержательной словесной эквилибристики. Поэзия не может культивировать
исключительно неповторимые, «одноразовые» рифмы. Совершенно необходи-
мым значительный пласт повторяемых, многократно употреблявшихся
рифм, даже снискавших обидную репутацию стандартных и банальных. <...>
[О]ни общее и насущное достояние нашей поэзии, и если бы они не
повторялись, не переходили от одного поэта к другому, то возможности
рифмовки русского стиха вскоре были бы исчерпаны [Илюшин 2004: 81].

Существование баланса между «одноразовыми» и «стандартными» рифмами, как кажется, может объясняться не только и не столько проблемой «исчерпания» запасов рифмующих слов. Как мы показали в первой части главы, по крайней мере в отношении лексических частот, большинство рифм действительно являются «одноразовыми», а «Собрание рифм по алфавиту» и вовсе является подтверждением широких возможностей генерации созвучных слов. Тем не менее, действие закона Ципфа и «уникальность» многих рифм совершенно не очевидна при чтении стихов, где многие рифмы могут казаться знакомыми или даже прямо угадываться. Можно думать, что это связано с восприятием рифм как созвучных концовок — и в этом отношении возможности «неожиданности» сочетания будут гораздо ниже, чем при простом переборе лексем. Как было продемонстрировано, среди наиболее употребляемых рифменных окончаний существуют грамматически монотонные и совершенно ограниченные по разным признакам, а потому легко узнаваемые рифмы. Эти «стандартные» рифмы в силу осо-

бенностей русского языка как правило составлены из существительных: наиболее семантически важные слова в языке, здесь существительные оказываются дополнительно отягощены рифменными ассоциациями. В поэзии второй половины 1830-х гг., как видно, уровень использования таких «закрепленных» в традиции рифм очень высок и говорить об отторжении традиции 1810–1820-х гг. не приходится. Тем не менее, частотные формы и рифменные пары не постоянны на протяжении первой трети XIX в. и прямо не копируются от поэта к поэту: и по использованию грамматических форм, и на уровне выбора слов поэты 1830-х гг. отличаются от своих предшественников. Эти отличия, однако, сочетают общий исторический вектор изменений в рифме и индивидуальные предпочтения поэтов — рифма несет в себе отчетливый отпечаток авторского стиля, а потому для количественного анализа до некоторой степени «удивительными» будут рифмы каждого поэта и каждой поэтессы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта работа регистрирует исследовательский путь от построения библиографии и корпуса до решения на их основе конкретных вопросов из области истории литературы и стиха.

Историко-библиографическая часть исследования показывает, что неполные данные каталогов библиотек могут быть проверены с помощью статистических методов. В случае поэтических книг 1830-х гг. можно интуитивно полагать, что они сохранились достаточно хорошо, однако сложно оценить, насколько полна итоговая библиография и верна ли сама интуиция. Для ее проверки использовались методы из экологии и вычислялся коэффициент выживаемости для поэтических книг разных типов. Наши данные указывают, что высокий статус поэзии, по-видимому, повлиял на сохранность физических копий сборников стихотворений и до современных хранилищ дошло порядка 90% сборников (по крайней мере, отпечатанных в Москве и Петербурге); для отдельно отпечатанных текстов и брошюр уровень сохранности существенно ниже (~40%). Большая часть опубликованных в этот период сборников стихотворений принадлежит малоизвестным, по-видимому, начинающим авторам: как показывают рецензии 1830-х гг., имена многих поэтов, издавших книгу стихотворений в этот период, были неизвестны и их современникам. Современные биографические источники также не содержат информации по крайней мере о трети поэтов второй половины 1830-х гг.

Поэтический канон 1830-х гг. строился вокруг журнальной поэзии. Стихотворения, опубликованные в периодике, находят заметное число пересечений с поэтическим подкорпусом НКРЯ, а журнальная борьба середины — конца 1830-х гг. достаточно хорошо описана. Сплошная выборка стихотворений из периодики отражает функционирование стихотворных отделов в разных изданиях и разные авторские стратегии публикации. Так, для всех — не только «программных» как «Современник», — изданий середины 1830-х гг. характерны группы лояльных поэтов, постоянных для изданий одной литературной «партии» и не печатавших своих текстов в журналах другой. Но существенная часть (~50–60%) стихотворений во всех периодических изданиях принадлежала волатильным авторам, sporadически отдававшим свои стихотворения в разные журналы и газеты. Как кажется, изменения намечаются в конце 1830-х гг. с появлением журнала нового типа — «Отечественных записок», сделавших ставку на большие подборки узкого круга поэтов.

Однако видимая «кружковость» и плотность социальной сети поэтов 1830-х гг. непрямо отражается в поэтических стилях. На уровне использования наиболее частотных слов, прокламируемое в литературоведении противостояние поэтов круга Бенедиктова и «последователей» пушкинского стиля заметно гораздо в меньшей степени, чем разница между поэтическим словарем поэтов 1830-х и 1800–1820-х гг. — на это указывают экспери-

менты и по классификации (SVM), и по кластеризации (UMAP). С одной стороны, такой результат может объясняться недостаточной точностью классических компьютерных методов, основанных на лексических частотах, — разница в словоупотреблении, синтаксисе и образности очевидна для литературоведа, но недоступна для алгоритмов. С другой стороны, этот «негативный» результат экспериментов можно интерпретировать иначе: отсутствие выразительных отличий в частотах подразумевает, что на формальных уровнях поэтический язык разных поэтов 1830-х гг. может иметь больше общих черт, чем принято считать.

Количественные методы позволяют четко зафиксировать трансформацию поэтического языка 1830-х гг. в сравнении с прошлым. Хотя разница мало заметна внутри одной когорты, на всех формальных уровнях видны поколенческие различия между поэтами начала XIX в. (представленных выборками из НКРЯ) и второй половины 1830-х гг. (наш корпус): это отражается и в частотах слов, и в метрическом репертуаре, и в особенностях рифмы. Наиболее любопытны изменения в употреблении метров и размеров: поэты 1830-х гг. в целом используют существенно больше неямбических размеров, вводя в поэзию хорей, трехсложные размеры и полиметрические композиции. Для алгоритма в нашем эксперименте частоты метрических форм — более удачный материал, чтобы обнаружить группы поэтов 1830-х гг. и отличить их от поэтов начала XIX в., чем традиционные для компьютерного литературоведения частоты слов.

Количественные методы более действенны для наблюдения за «большими» данными и изменениями на уровне литературной популяции. Хотя многие инновации в поэтическом языке могут быть связаны с отдельными поэтами, это не значит, что статистическое исследование, например, метрического репертуара эпохи, должно вестись только на основании закрытой выборки такого рода «поэтов-новаторов». Наше исследование метрического репертуара и особенностей рифмы второй половины 1830-х гг. доказывают, что большие сплошные выборки не сводятся к информационному «шуму», но отражают общие тенденции и позволяют корректировать искажения, характерные для маленьких выборок. Так, помимо расширения метрического репертуара, на примере Корпуса-1835 можно наблюдать изменения в грамматике рифмы и переход от глагольных рифм к именным. Грамматические и лексические особенности рифмы также могут использоваться как для изучения стиля когорты, так и для авторской атрибуции.

Наряду с «инновациями» корпус поэзии второй половины 1830-х гг. отражает и консервативные тенденции. Отчетливее всего это проявляется на уровне жанровой системы, реликты которой обнаруживаются как в прямом массовом использовании жанровых заголовков, так и в устойчивости ассоциаций между жанрами и метрами. Так, на лексическом уровне стихотворения с жанровыми заголовками различимы даже для простых алгоритмов. Гипотеза о том, что распад жанровой системы связан с тематической универсализацией 4-стопного ямба, может быть отвергнута — основные размеры сохраняют свои жанровые ассоциации, а существенные

изменения в тематической структуре происходят только с 4-стопным хореем, развившим в 1830-е гг. ассоциации с новым жанром «русской песни».

Баланс между инновацией и сохранением — важная черта не только этого периода, но и, можно думать, поэтического языка вообще. Сложная репутация литературы 1830-х гг. способствовала появлению целого спектра оценок текстов этого периода — от «эпигонства» и «безвкусицы», до новаторства, приведшего к «распаду» сложившейся поэтической системы. Оставляя в стороне оценки, можно указать на сложность взаимодействия разных уровней поэтического языка в этот период. С одной стороны, мы видим сдвиг в использовании лексики, метрики и рифмы на уровне всей популяции текстов 1830-х гг.; с другой — не обнаруживаем ожидаемого резкого отхода от традиции и, в частности, «разрушения» жанровой системы.

Статистический анализ и компьютерные методы, использованные в этом исследовании, безусловно не могут претендовать на отражение изменений поэтических стилей как это принято в традиционном литературоведении — на уровнях использования концептов и интертекстов, точечных изменений в употреблении отдельных слов и оттенков смыслов. Для анализа такого рода филологические методы и в целом человеческая способность замечать отличия гораздо более ценны, чем условные подсчеты отдельных слов компьютером. Именно поэтому в этой работе не ставилась задача построить альтернативную историю поэзии 1830-х гг. с помощью алгоритмов: отбор значимых фактов, личностей и эпизодов для историко-литературного нарратива — задача, которую может решить только филолог, но не машина (даже если учитывать последние — сомнительные с фактологической точки зрения — достижения ИИ и чатботов в построении нарративов).

Однако количественные подходы важны потому, что обращают внимание исследователя на крупные тренды и изменения в материале, кажущемся неважным и незаметным для человеческого глаза, — будь то служебные слова или комбинации частей речи в рифме. Обобщения такого материала и его анализ недоступны даже читателю-эксперту, однако легко осуществимы с помощью компьютера; в этом случае данные и статистика предоставляют доказательную базу для «интуиций» относительно масштабных изменений. В этой работе мы старались придерживаться прикладных задач такого плана и тестировать гипотезы о развитии русской поэзии периода 1835–1840 гг., а потому не стремились разрабатывать новые методы и проверять их на данных из разных языков и традиций.

Тем не менее, количественные методы определенно обладают большим потенциалом для методологического роста (и можно надеяться, что некоторые технические решения этой работы частично устареют через несколько лет — этому можно будет только порадоваться, как знаку методологического прогресса). Мы видим перспективу в дальнейшем изучении формальных уровней поэтического языка с количественной точки зрения: в частности, в использовании частот метрических форм наряду с лексическими частотами как маркерами стиля, а также в системном изучении авторского сигнала в рифме.

Сквозная проблема, возникавшая в этой работе, — вопрос о систематическом влиянии разных уровней поэтического языка друг на друга: лексические частоты слов и синтаксис строки находятся под воздействием метра, а все переменные выше могут диктовать условия для появления определенных типов рифмы. Такого рода поэтические конфаундеры уже были описаны в программной статье М. Л. Гаспарова и М. Тарлинской «Лингвистика стиха» (2008), однако подходы к решению этой проблемы количественному стиховедению еще только предстоит найти.

Количественные подходы интегрируют в литературоведение научный метод, как он понимается в естественных и точных науках. Это ограничивает исследователя на пути выборочного отбора фактов и не подкрепленных данными обобщений и интуиций. Можно надеяться, что количественные и корпусные исследования поэтических текстов — как прямо теоретические и методологические, так и прикладные, как это исследование — продолжатся и углубят наше представление о том, как устроен и как развивается поэтический язык.

* * *

Я убеждена, что сегодня для исследований в гуманитарных областях необходимы как «традиционная» экспертиза, так и опора на открытые массивы данных и научный метод. Воспроизводимость исследований и использование достоверно описанных материалов и методов, как мне кажется, особенно необходимы гуманитарным наукам на русском языке и о русской культуре сейчас, когда эти сферы захватываются волной торжествующего мракобесия, поощряемого российским государством. Я вижу один из способов противостояния лжи в использовании количественных данных и научного метода, которые и отличают «интуиции», манипуляции и пропаганду от науки. Эта работа была задумана и начата в 2019 г. на волне интереса к компьютерному литературоведению и дальнему чтению — потому в ней не предусматривалось части, рассматривающей содержание и идейное наполнение текстов. Сильная сторона количественных методов виделась мне в том, что они предлагали инклюзивность и возможность «дальнего чтения» поэзии безотносительно ее содержания и «качества». В 2024 г., после начала полномасштабного вторжения России в Украину, отсутствие разговора о содержании стихотворений 1830-х гг. — «расцвета» николаевской эпохи — можно расценивать как уход от темы. Однако эти вопросы требуют отдельного исследования — и количественного [ср.: Šeļa, Gronas 2022], и, прежде всего, качественного. Разумеется, достаточное количество обнаруженных в корпусе «архивных» поэтических текстов — разумно отверженных советским и современным литературоведением, — представляет сегодня кощунственно звучащие дифирамбы российской армии, нации и империи. Изучение этих текстов представляет интерес с точки зрения создания и передачи национальной идеи и связанных с ней поэтических клише, которые зародились в начале XIX в. и продолжают транслироваться в современных ультрапатриотических текстах. Я надеюсь, что

корпус текстов 1830-х гг. и другие подборки станут материалами для таких исследований, а гуманитарные науки будут твердо опираться на научный метод. Вера в научный прогресс может казаться наивной, но для ученого это важная часть образа будущего: то, что мы сможем победить лженауку и вернуть свободу и осмысленность в гуманитарное знание на русском языке, что ученых во всем мире объединяют общие ценности и стремление к лучшему — все это делает сегодняшний день чуть менее мрачным и дает надежду.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Архивные материалы

Книга для записей рукописей и книг (1838–1839) // ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 1. Д. 13б. Подлинные акты, относящиеся до нового образования Императорской библиотеки.

Положение об управлении Императорской Публичной библиотекой // ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 1056.

Списки рукописей, рассмотренных цензурными комитетами, и билетов, выданных ими на выпуск изданий из типографии за октябрь–декабрь 1837 // РГИА. Ф. 772. Д. 957.

II. Источники

В список литературы в целях экономии бумаги не помещена полная библиография 4 797 текстов, включенных в корпус поэзии второй половины 1830-х гг., а также библиография поэтических книг 1830—1850-х гг. (более 900 наименований). Эти данные находятся в открытом доступе в *репозитории* (DOI: 10.5281/zenodo.13749559; см. также: https://github.com/tonyamart/corpus_1835/) и онлайн-версии корпуса (https://tonyamart.shinyapps.io/corpus_1835/).

В список источников также не включены библиографические описания текстов из Национального корпуса русского языка, которые использовались в количественной части исследования (например, собрания сочинений Жуковского, Пушкина, Лермонтова и др.), но не упоминаются в основном тексте диссертации. Список источников НКРЯ и учтенное количество текстов для каждого автора также помещены в *репозитории*.

Список периодических изданий, просмотренных de visu в ходе составления Корпуса-1835: «Библиотека для чтения» (1835–1840), «Отечественные записки» (1839–1840), «Современник» (1836–1840), «Сын Отечества» (1835–1840), «Маяк» (1840), «Пантеон русского и всех европейских театров» (1840); газеты: «Северная пчела» (1835–1840), «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» (1835–1839), «Литературная газета» (1840).

БдЧ — Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод.

Белинский 1929 — Белинский в воспоминаниях современников. Л., 1929.

Белинский 1953 — *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 2. Статьи и рецензии. Основания русской грамматики. М., 1953.

Благонамеренный — Благонамеренный. Журнал, издаваемый А. Измайловым.

Булгина 2016 — *Булгина А. П.* Неопытная муза: Собрание стихотворений. М., 2016.

Варламов 1974 — *Варламов А. Е.* Романы и песни. Полное собрание: В 2 т. / Авт. биогр. справки канд. искусствоведения Н. Листова. М., 1974.

Глинка 1957 — *Глинка Ф. Н.* Избранные произведения. Л., 1957 (Библиотека поэта).

Гоголь 1836 — [*Гоголь Н. В.*]. О движении журнальной литературы // *Современник*. 1836. Т. 1. С. 202–204.

Гольдберг 1975 — Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова: библиографическое описание / под ред. В. В. Гольдберг. М., 1975.

ДЖ — Дамский журнал, издаваемый князем Шаликовым.

ДЮ — Друг юношества [и всяких лет], ежемесячное издание.

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.

- Киммель 1889 — *Киммель Н.* Антикварный каталог № 39, заключающий в себе перечень книг из библиотеки А. Смирдина, составляющей ныне собственность Н. Киммеля, книгопродавца в г. Риге. Отдел IV. Словесность I. Либава, 1889.
- Козлов 1960 — *Козлов И. И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1960 (Библиотека поэта).
- Крашенинников 1852 — *Крашенинников П. И.* Третье прибавление к Росписи российским книгам для чтения, из библиотеки Петра Крашенинникова: Продолжение к прежде-изданным росписям А. Ф. Смирдина. СПб., 1852.
- Кульман 1833 — *Кульман Е. Б.* Пиитические опыты Елисаветы Кульман: В 3 ч. СПб., 1833.
- ЛПРИ — Литературные прибавления к «Русскому инвалиду».
- МТ — Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым.
- Некрасов 1967 — *Некрасов Н. А.* Полное собрание стихотворений: В 3 т. Л., 1967 (Библиотека поэта).
- НЗ — Невский зритель, ежемесячное издание.
- Никитенко 1835 — *Никитенко А. В.* Елисавета Кульман // Библиотека для чтения. 1835. Т. 8. Отд. I. С. 39–85.
- ОЗ — Отечественные записки, учено-литературный журнал.
- Ольхин 1846 — *Ольхин М. Д.* Систематический реестр русским книгам с 1831–1846 гг. / Изд. М. Д. Ольхина. СПб., 1846.
- Остолопов 1821 — *Остолопов Н. Ф.* Словарь древней и новой поэзии: В 3 ч. СПб., 1821.
- Павлова 1964 — *Павлова К. К.* Полное собрание стихотворений. М.-Л., 1964 (Библиотека поэта).
- Поэты 1820–1830 — Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972 (Библиотека поэта).
- Поэты 1840–1850 — Поэты 1840–1850-х годов. Л., 1972 (Библиотека поэта).
- ПРИВЕТ — Пантеон русского и всех европейских театров.
- Рифмовник 1834 — Собрание рифм по алфавиту В 2 ч. М., 1834.
- Розен 1836 — *Розен Е. Ф.* О рифме // Современник. 1836. Т. 1. С. 131–154.
- Русский вестник — Русский вестник.
- Смирдин 1828 — Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная: В 4 ч. СПб., 1828.
- Смирдин 1832 — Второе прибавление к Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина. СПб.: Александра Смирдина, 1832.
- Смирнов-Сокольский 1965 — *Смирнов-Сокольский Н. П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX в. М., 1965.
- Смирнова 1837 — *Смирнова А.* Собрание различных стихотворений. СПб., 1837.
- СО — Сын Отечества, исторический, политический и литературный журнал.
- Современник — Современник [литературный журнал А. С. Пушкина].
- СП — Северная пчела, газета политическая и литературная.
- Федоров 1824 — *Федоров Б. М.* О жизни и сочинениях девицы Пospelовой // Отечественные записки. 1824. Ч. 17. № 45. С. 185–201; № 46. С. 457–470; Ч. 18. № 48. С. 75–86.
- Фет 1959 — *Фет А. А.* Полное собрание стихотворений. Л., 1959 (Библиотека поэта).
- Шахова 1839 — *Шахова Е. Н.* Стихотворения. СПб., 1839.
- ЭСБЭ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. СПб., 1890.
- Borderie 1888 — *De La Borderie A.* Introduction // Desforges-Maillard P. Oeuvres nouvelles de Des Forges-Maillard. Poésies nouvelles. Nantes: Société des bibliophiles Bretons et de l'histoire de Bretagne, 1888. P. I–CL.

III. Исследования

- Акимова, Шапир 2008 — *Акимова М. В., Шапир, М. И.* Борис Исаакович Ярхо и стратегия «точного литературоведения» // *Методология точного литературоведения*. М., 2006. С. vii–xxxii.
- Аксененко 2006 — *Аксененко Е. М.* Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой — монахини Марии (1822–1899) / Публ. и вступ. статья Е. М. Аксененко // *Ежегодник РО ПД на 2002 год*. СПб., 2006. С. 344–356.
- Амброзяк 2015 — *Амброзяк Д.* Культурные феномены женского отличия в России XIX века и проблема толерантности // *Проблемы толерантности: история и современность*. Череповец, 2015. С. 58–61.
- Балакин 2010 — *Балакин А. Ю.* Поэтические книги 1834–1850 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20230113023440/https://nexoro.livejournal.com/532415.html> (дата: 13.01.2023).
- Балакин 2017 — *Балакин А. Ю.* «И, может быть, проснется Шарш...»: В поисках биографии одного забытого поэта 1830–1840-х годов // Балакин А. Ю. *Близко к тексту: Разыскания и предположения*. СПб., 2017. С. 246–260.
- Богаявская 1938 — *Богаявская К. П.* Пушкин в печати за сто лет (1837–1937). М., 1938.
- Бодрова 2010 — *Бодрова А. С.* Поздняя лирика Е. А. Боратынского: источниковедческий и текстологический аспекты. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Бодрова 2018a — *Бодрова А. С.* Неподцензурные редакции как подтекст: К литературной истории послания Пушкина «К.А. Тимашевой» // *A/Z: essays in honor of Alexander Zholkovsky*. Boston, 2018. С. 64–84.
- Бодрова 2018b — *Бодрова А. С.* Несвоевременный сборник: «Стихотворения» 1835 года в литературной карьере Баратынского // *Летняя школа по русской литературе*. 2018. Т. 14. № 1. С. 51–64.
- Бухштаб 1956 — *Бухштаб Б. Я.* Фет // *История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1956*.
- Бухштаб 1972 — *Бухштаб Б. Я.* Русская поэзия 1840-х — 1850-х годов // *Поэты 1840–1850-х годов Библиотека поэта*. Л., 1972. С. 5–60.
- Быстров, Камнев 2019 — *Быстров В., Камнев В.* Вульгарный социологизм: история концепта // *Социологическое обозрение*. 2019. Т. 18. № 3. С. 286–308.
- Бычков 1883 — *Бычков Ф. А.* Виктор Григорьевич Тепляков: Биографический очерк // *Исторический вестник*. 1887. Т. 29. С. 5–23.
- Вахтель 1996 — *Вахтель М.* «Черная шаль» и ее метрический ореол // *Русский стих: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика*. М., 1996. С. 61–80.
- Вацуро 1981 — *Вацуро В. Э.* Поэзия 1830-х годов // *История русской литературы: В 4 т. Л., 1981*. С. 362–379.
- Вацуро 1983 — *Вацуро В. Э.* К биографии В. Г. Теплякова // *Пушкин: Исследования и материалы*. Л., 1983. Т. 11. С. 192–212.
- Вацуро 2000 — *Вацуро В. Э.* Жизнь и поэзия Надежды Тепловой // *Вацуро В. Э. Пушкинская пора*. СПб., 2000. С. 386–439.
- Вацуро, Гиллельсон 2005 — *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины»: очерки о книгах и прессе пушкинской поры. München, 2005.
- Вдовин 2011 — *Вдовин А. В.* Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Tartu, 2011.
- Виницкий 2007 — *Виницкий И. Ю.* Пуговишников Александр Михайлович // *Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь*. М., 2007. Т. 5. С. 173–174.

- Виноградов 1935 — *Виноградов В. В.* Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935.
- Выставка 2013 — Книжная коллекция А. Ф. Смирдина в фондах Государственной публичной исторической библиотеки [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20200616211635/http://vvsmyndin.shpl.ru/smyndin.html> (дата обращения: 04.08.2024).
- Гинзбург 1990 — *Гинзбург Г. И.* К истории издания сочинений Елизаветы Кульман // Русская литература. 1990. № 1. С. 148–155.
- Гаспаров 1974 — *Гаспаров М. Л.* Современный русский стих: Метрика и ритмика. М., 1974.
- Гаспаров 1997 — *Гаспаров М. Л.* Эволюция русской рифмы // Гаспаров М. Л. Избранные труды. М., 1997. С. 290–339.
- Гаспаров 2000 — *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха / Изд. 2-е. М., 2000.
- Гаспаров 2003 — *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха / Изд. 2-е. М., 2003.
- Гаспаров 2012 — *Гаспаров М. Л.* Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М., 2012.
- Гаспаров, Скулачева 2004 — *Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В.* Статьи о лингвистике стиха. М., 2004.
- Гессен 1930 — *Гессен С.* Книгоиздатель Александр Пушкин: Литературные доходы Пушкина. Л., 1930.
- Гиллельсон 1969 — *Гиллельсон М. И.* Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969.
- Гинзбург 1964/1997 — *Гинзбург Л. Я.* О лирике. М., 1997.
- Гинзбург 1972 — *Гинзбург Л. Я.* Русская поэзия 1820–1830-х годов // Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. С. 5–66.
- Гинзбург 2007 — *Гинзбург Л. Я.* Работы довоенного времени. СПб., 2007.
- Гишпиус 1966 — *Гишпиус В. В.* От Пушкина до Блока. М.-Л., 1966.
- Голицын 1889 — *Голицын Н. Н.* Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889.
- Гриц и др. 2001 — *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция: Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 2001.
- Гришина и др. 2009 — *Гришина Е. и др.* Поэтический корпус в рамках Национального корпуса русского языка: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 71–113.
- Гришкина 1989 — *Гришкина Н. Ю.* Анисимова, Домна Анисимовна // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 77.
- Долинин 2007 — *Долинин А. А.* Пушкин и Англия. М., 2007.
- Дроздов 2013 — *Дроздов Н. А.* Французская «неистовая словесность» в русской рецепции 1830-х годов: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2013.
- Жирмунский 1923 — *Жирмунский В.* Рифма ее история и теория. Пг., 1923.
- Захаров 1973 — *Захаров В. В.* Сведения о некоторых петербургских типографиях (1810–1830-е годы) // Книга. Исследования и материалы. М., 1973. С. 65–79.
- Зыкова 2005 — *Зыкова Г. В.* Поэтика русского журнала 1830-х — 1870-х гг. М., 2005.
- Иезуитова 1969 — *Иезуитова Р. В.* Пушкин и эволюция романтической лирики в конце 20-х и в 30-е годы // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. С. 60–97.

- Ильин-Томич 1999 — *Ильин-Томич А. А.* Менцов Федор Николаевич // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. С. 10–11.
- Илюшин 2004 — *Илюшин А. А.* Русское стихосложение. М., 2004.
- ИРЖ 1973 — История русской журналистики XVIII–XIX веков. М., 1973.
- Каверин 1966 — *Каверин В.* Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М., 1966.
- Кибальник 1998 — *Кибальник С. А.* Художественная философия Пушкина. СПб., 1998.
- Кишкин 1977 — *Кишкин Л. С.* Книжное собрание А. Ф. Смирдина в Праге // Временник Пушкинской комиссии, 1974. Л., 1977. С. 148–155.
- Клейменова 1991 — *Клейменова Р. Н.* Книжная Москва первой половины XIX века. М., 1991.
- Кобленц 1973 — *Кобленц И. Н.* «Роспись» библиотеки А. Ф. Смирдина (ее значение в истории и статистике печати пушкинской поры) // Книга. Исследования и материалы. М., 1973. С. 80–93.
- Корчагин 2015 — *Корчагин К. М.* Поэзия XX века в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка: Проблема репрезентативности // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 6. С. 235–257.
- Корчагин 2019 — *Корчагин К. М.* Зачем нужен поэтический корпус и как его использовать // *Rusrech*. 2019. № 6. С. 113–127.
- Кочеткова 1999 — *Кочеткова Н. Д.* Невзоров Максим Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 336–340.
- Лавринец 2007 — *Лавринец П.* Пушкин в сочинениях гимназистов Литвы и Белоруссии (1838) // Пушкинские чтения в Тарту 4: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария. Тарту, 2007. С. 138–151.
- Левин 2017 — *Левин Г. Л.* Библиографический репертуар русской книги 1826–1917 гг.: источники и пути формирования // Библиотекосведение. 2017. Т. 66. № 2. С. 147–153.
- Лейбов 2000 — *Лейбов Р.* Лирический фрагмент Тютчева: Жанр и контекст. Тарту, 2000.
- Лейбов 2012 — *Лейбов Р.* Русская слава и польская столица: к истории одного рифменного клише // История литературы. Поэтика. Кино: Сборник в честь Маризэтты Омаровны Чудаковой. М., 2012. С. 187–198.
- Лейбов 2014 — *Лейбов Р.* Город и рифма: к описанию морфологической динамики рифменного гнезда // Русско-французский разговорник, или/ou les causeries du 7 septembre: Сборник статей в честь Веры Аркадьевны Мильчиной. М., 2014. С. 521–534.
- Лейбов и др. 2008 — *Лейбов Р., Степанищева Т., Фрайман И.* Рифменное клише как аргумент в идеологических спорах // И время, и место: Историко-филологический сборник к 60-летию Александра Львовича Осповата. М., 2008. С. 597–610.
- Лемке 1909 — *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909.
- Лотман 1961/2018 — *Лотман Ю. М.* О структурализме: Работы 1965–1970 годов / Сост. и подгот. текста, сопр. ст. и комм. И. А. Пильщикова, Н. В. Поселягина, М. В. Трунина. Под ред. И. А. Пильщикова. Таллинн, 2018.
- Лотман 1994 — *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.

- Лотман 2000 — *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века // Лотман Ю.М. Собрание сочинений. М., 2000. Т. 1. С. 139–206.
- Лотман 2003 — *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб., 2003.
- ЛЭ 1937 — Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 10. М., 1937.
- Мазур 2005 — *Мазур Н. Н.* «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»: источники и контексты // Пушкин и его современники: Сб. научных трудов. СПб., 2005. С. 364–419.
- Мазур 2006 — *Мазур Н. Н.* «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» и стоическая философия смерти // Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. С. 343–372.
- Макеев 2008 — *Макеев М. С.* Николай Некрасов: поэт и предприниматель. Очерки о взаимодействии литературы и экономики. М., 2008.
- Макеев 2017 — *Макеев М. С.* Николай Некрасов. М., 2017.
- Машинский 1964 — *Машинский С. И.* Кружок Н. В. Станкевича и его поэты // Поэты кружка Н. В. Станкевича. М.-Л., 1964. С. 5–70.
- Мельгунов 1995 — *Мельгунов Б. В.* Некрасов и Белинский в «Литературной газете». СПб., 1995.
- Месуди 2019 — *Месуди А.* Культурная эволюция: Как теория Дарвина может пролить свет на человеческую культуру и объединить / Пер. с англ. О. Собчука, А. Шели. М., 2019.
- Мордовченко 1941 — *Мордовченко Н.* Лермонтов и русская критика 40-х годов // Литературное наследство. Т. 43/44: М. Ю. Лермонтов. М., 1941. Кн. I. С. 745–796.
- Немзер 1987 — *Немзер А. С.* «Сии чудесные виденья...» // Зорин А. Л., Зубков Н. Н., Немзер А. С. Свой подвиг свершив. М., 1987. С. 156–264.
- Немзер 2013 — *Немзер А. С.* «Песнь о вещем Олеге» и ее следствия // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. С. 233–301.
- Немзер, Чудаков 1990 — *Немзер А. С., Чудаков А. П.* Комментарии: Язык Гоголя // Виноградов В. В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя: Избранные труды. М., 1990. С. 377–386.
- ОИРЖ 1950 — Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950.
- Орлов 1953 — *Орлов В. Н.* Другие поэты двадцатых — тридцатых годов [XIX века] // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1953. Т. VI. С. 478–498.
- Осповат 1980 — *Осповат А. Л.* «Как слово наше отзовется...»: О первом сборнике Ф. И. Тютчева. М., 1980.
- Пильщиков 2018 — *Пильщиков И. А.* Франко Моретти и новый квантитативный формализм // НЛО. 2018. Т. 150. С. 39–45.
- Пильщиков, Шапир 2006 — *Пильщиков И. А., Шапир М. И.* Эволюция стилей в русской поэзии от Ломоносова до Пушкина (Набросок концепции) // Язык. Стих. Поэзия. Памяти М. Л. Гаспарова. М., 2006. С. 510–546.
- ППК 2008 — Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837 / Под ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2008.
- Проскурин 1999 — *Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999.
- Пумпянский 1937 — *Пумпянский Л. В.* Ломоносов и немецкая школа разума // Западный сборник. М., Л., 1937. С. 157–186.
- Рейсер 1946 — *Рейсер С. А.* Об источниках русской книжной статистики // Советская библиография. 1946. Т. 1(20). С. 75–90.

- Рейтблат 1992 — *Рейтблат А. И.* Данков Иван Иванович // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 86.
- Рейтблат 2001 — *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001.
- Рейфман 1996 — *Рейфман П.* Две программы пушкинского «Современника» // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, II. (Новая серия). Тарту, 1996. С. 130–155.
- Розанов 1990 — *Розанов И. Н.* Литературные репутации. Работы разных лет. М., 1990.
- Рудь 1978 — *Рудь Н. П.* Украинские литературные альманахи и сборники первой половины XIX в. // Книга в России до середины XIX века. Л., 1978. С. 131–142.
- Русская поэзия 1929 — Русская поэзия XIX в.: Сб. статей. Л.: Academia, 1929.
- Савицкий 1967 — *Савицкий И.* Новая жизнь русской библиотеки в Праге: О судьбе книжного собрания А.Ф. Смирдина // Советское славяноведение. 1967. № 4. С. 96–98.
- Савкина 1998 — *Савкина И.* «Поэзия — опасный дар для девы» (Критическая рецепция женской литературы и женщины-писательницы в России первой половины XIX века) // Савкина И. Провинциалки русской литературы (Женская проза 30–40-х годов XIX века). Wilhelmshorst: Verlag F.K. Gopfert, 1998.
- Семенко 1970 — *Семенко И. М.* Поэты пушкинской поры. М., 1970.
- Смирнов-Сокольский 1957 — *Смирнов-Сокольский Н. П.* Книжная лавка А. Ф. Смирдина: к столетию со дня смерти издателя-книгопродавца А. Ф. Смирдина. (1795–1857). М., 1957.
- Смирнов-Сокольский 1969 — *Смирнов-Сокольский Н. П.* Моя библиотека. Библиографическое описание: В 2 т. Т. 1. М., 1969.
- Степина 2015 — *Степина С. А.* Младший дельвиговский кружок в истории русской поэзии 1830-х годов // Эл. публикация на официальном сайте Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. 2015. URL: <https://web.archive.org/web/20240803222653/http://pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2018/02/Styopina-2015-1.pdf> (дата обращения: 04.08.2024)
- Тарановский 1963 — *Тарановский К.* О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики // American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963. С. 287–332.
- Тарановский 2010 — *Тарановский К.* Русские двусложные размеры. Статьи о стихе. М., 2010.
- Томашевский 1959 — *Томашевский Б. В.* К истории русской рифмы // Томашевский Б. В. Стих и язык. М.; Л., 1959. С. 69–131.
- Топоров 1981 — *Топоров В. Н.* «Сельское кладбище» Жуковского: К истокам русской поэзии // Russian Literature. 1981. Vol. 10. Issue 3. P. 207–286.
- Турьян 1994 — *Турьян М. А.* Краевский Андрей Александрович // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 124–127.
- Тынянов 1924 — *Тынянов Ю.* Проблема стихотворного языка. Л., 1924.
- Тынянов 1929 — *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и новаторы. Л., 1929.
- Тынянов 1968 — *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968.
- Тынянов 1977 — *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Уханева 2015 — *Уханева А. А.* Камерно-вокальные произведения русских композиторов XVII–XXI веков: В 2 т. СПб., 2015.

- Файнштейн 1990 — *Файнштейн М. Ш.* Издательское дело Российской Академии в 1830-е гг. // Книга в России XVI — середины XIX в. Материалы и исследования. Сб. научных трудов. Л., 1990. С. 177–183.
- Федотов 2016 — *Федотов А. С.* Русский литературный журнал в культурном контексте 1840-х гг. Тарту, 2016.
- Фрайман 1998 — *Фрайман И.* Рифменное клише «кровь-любовь» в русской лирике 1820–1830-х гг. // Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов. 1998. № 9. С. 30–40.
- Хетсо 1973а — *Хетсо Г.* Евгений Баратынский: Жизнь и творчество. Oslo, Bergen, Tromsø, 1973.
- Хетсо 1973б — *Хетсо Г.* Лексика стихотворений Лермонтова: Опыт количественного описания. Осло, 1973. (Meddelelser Nr 2).
- Черейский 1989 — *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989.
- Шапир 1996 — *Шапир М. И.* У истоков русского четырехстопного ямба: Генезис и эволюция ритма (К социолингвистической характеристике стиха раннего Ломоносова) // *Philologica*. 1996. Т. 3. № 5/7. С. 69–101.
- Шапир 1997 — *Шапир М. И.* Феномен Батенькова и проблема мистификации (лингвостиховедческий аспект) // *Philologica*. 1997. Т. 4. № 8/10. С. 85–139.
- Шеля 2018 — *Шеля А.* «Русская песня» в литературе 1800—1840-х годов. Тарту, 2018.
- Шеля и др. 2020 — *Шеля А., Плехач П., Зеленков Ю.* Феномен Батенькова и проблема верификации авторства: многомерный статистический подход к нерешенному вопросу // *Acta Slavica Estonica XII*. Пушкинские чтения в Тарту. 2020. Т. 6. № 2. С. 131–165.
- Шимкевич 1927 — *Шимкевич К. А.* Бенедиктов, Некрасов, Фет // *Поэтика*. Л., 1927. С. 83–103.
- Шоу 2004 — *Шоу Д. Т.* Части речи в рифмах Пушкина // *Славянский стих*. VII: Лингвистика и структура стиха. М., 2004. С. 339–384.
- Эйхенбаум 1924 — *Эйхенбаум Б. М.* Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924.
- Эйхенбаум 1969 — *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. Л., 1969.
- Ярхо 2006 — *Ярхо Б. И.* Методология точного литературоведения. М., 2006.
- Algee-Hewitt et al. 2016 — *Algee-Hewitt M. et al.* Canon/Archive. Large-scale Dynamics in the Literary Field // *Pamphlets of the Stanford Literary Lab*. 2016. Pamphlet 11.
- Ambühl 2007 — *Ambühl A.* Children as Poets: Poets as Children? Romantic Constructions of Childhood and Hellenistic Poetry // *Hesperia Supplements*. 2007. Vol. 41. P. 373–383.
- Boerner, Birnbaum 2016 — *Boerner I., Birnbaum D. J.* russpelling [Python module]. 2016. URL: <https://github.com/ingoboerner/russpelling> (accessed: 04.08.2024).
- Burrell 2008 — *Burrell Q. L.* Some comments on “The estimation of lost multi-copy documents: A new type of informetrics theory” by Egghe and Proot // *Journal of Informetrics*. 2008. Vol. 2. Issue 1. P. 101–105.
- Burrows 2002 — *Burrows J.* “Delta”: a Measure of Stylistic Difference and a Guide to Likely Authorship // *Literary and Linguistic Computing*. 2002. Vol. 17. Issue 3. P. 267–287.
- Burrows 2007 — *Burrows J.* All the Way Through: Testing for Authorship in Different Frequency Strata // *Literary and Linguistic Computing*. 2007. Т. 22. Issue 1. P. 27–47.

- Cafiero, Camps 2019 — *Cafiero F., Camps J.-B.* Why Molière most likely did write his plays // *Science Advances*. 2019. Vol. 5. Issue 11. DOI: 10.1126/sciadv.aax5489.
- Camps, Randon-Furling 2022 — *Camps J.-B., Randon-Furling J.* Lost Manuscripts and Extinct Texts: A Dynamic Model of Cultural Transmission // *CEUR Workshop Proceedings: CHR 2022: Computational Humanities Research Conference*, December 12–14, 2022, Antwerp, Belgium. 2022. Vol. 3290. P. 198–214.
- Červenka 1991 — *Červenka M.* Z večerní školy versologie sémantika a funkce veršových útvarů. Pardubice, 1991.
- Craig, Kinney 2009 — *Shakespeare, Computers, and the Mystery of Authorship* / Ed. by H. Craig, A. F. Kinney. Cambridge University Press, 2009.
- Dobrzyńska 2014 — *Dobrzyńska T.* Verse Forms as Bearers of Semantic Values // *Studia Metrica et Poetica*. 2014. Vol. 1. Issue 2. P. 103–128.
- Eder 2011 — *Eder M.* Style-markers in authorship attribution a cross-language study of the authorial fingerprint // *Studies in Polish Linguistics*. 2011. Vol. 6. Issue 1. P. 99–114.
- Eder 2015 — *Eder M.* Does size matter? Authorship attribution, small samples, big problem // *Digital Scholarship in the Humanities*. 2015. Vol. 30. Issue 2. P. 167–182.
- Eder et al. 2016 — *Eder M., Rybicki J., Kestemont M.* Stylometry with R: A Package for Computational Text Analysis // *The R Journal*. 2016. Vol. 8. Issue 1. P. 107.
- Egghe, Proot 2007 — *Egghe L., Proot G.* The Estimation of the Number of Lost Multi-copy Documents: A New Type of Informetrics Theory // *Journal of Informetrics*. 2007. Vol. 1. Issue 4. P. 257–268.
- Gasparov, Tarlinskaja 2008 — *Gasparov M. L., Tarlinskaja M.* The Linguistics of Verse // *The Slavic and East European Journal*. 2008. Vol. 52. Issue 2. P. 198–207.
- Giannarelli 1977–1978 — *Giannarelli E.* Nota sui dodici anni — l'età della scelta — nella tradizione letteraria antica // *Maia* 29–30. 1977. P. 127–133.
- Greene 2004 — *Greene D.* Reinventing Romantic Poetry: Russian Women Poets of the Mid-Nineteenth Century. The University of Wisconsin Press, 2004.
- Haider 2019 — *Haider T. N.* Diachronic Topics in New High German Poetry // *Proceedings of the International Digital Humanities Conference DH2019*, Utrecht. 2019.
- Hasty 2020 — *Hasty O. P.* How Women Must Write. Inventing the Russian Woman Poet. Evanston: Northwestern University Press, 2020.
- Henny-Krahmer 2023 — *Henny-Krahmer U.* Genre Analysis and Corpus Design. Nineteenth-Century Spanish-American Novels (1830–1910). Berlin: IDE, 2023.
- Hernández-Lorenzo 2022 — *Hernández-Lorenzo L.* Stylistic Change in Early Modern Spanish Poetry Through Network Analysis (with an Especial Focus on Fernando de Herrera's Role) // *Neophilologus*. 2022. Vol. 106. Issue 3. P. 397–417.
- Heuser 2016 — *Heuser R.* From Fields to Vectors: The third episode of Word Vectors in the Eighteenth Century [Web-page]. URL: <https://web.archive.org/web/20210724052854/https://ryanheuser.org/word-vectors-3/> (accessed: 04.08.2024).
- Heuser, Le-Khac 2012 — *Heuser R., Le-Khac L.* A Quantitative Literary History of 2,958 Nineteenth-Century British Novels: The Semantic Cohort Method // *Pamphlets of the Stanford Literary Lab*. 2012. Pamphlet 4.
- Hoover 2007 — *Hoover D. L.* Corpus Stylistics, Stylometry, and the Styles of Henry James // *Style*. 2007. Vol. 41. Issue 2. P. 174–203.
- Houston 2022 — *Houston N. M.* Rhyme Frequency in Nineteenth-Century English Poetry // *Computational Stylistics in Poetry, Prose, and Drama* / Ed. A.-S. Bories, P. Plecháč, P. Ruiz Fabo. De Gruyter, 2022. P. 117–132.

- Jakobson 1979 — *Jakobson R.* Toward a Description of Mácha's Verse // Selected Writings. Paris, New York: The Hague, 1979. P. 433–485.
- Kestemont 2012 — *Kestemont M.* Stylometry for Medieval Authorship Studies: An Application to Rhyme Words // *Digital Philology: A Journal of Medieval Cultures*. 2012. Vol. 1. Issue 1. P. 42–72.
- Kestemont 2014 — *Kestemont M.* Function Words in Authorship Attribution. From Black Magic to Theory? // *Proceedings of the 3rd Workshop on Computational Linguistics for Literature (CLFL)*. Gothenburg, Sweden: Association for Computational Linguistics, 2014. P. 59–66.
- Kestemont et al. 2016 — *Kestemont M. et al.* Authenticating the writings of Julius Caesar // *Expert Systems with Applications*. 2016. Vol. 63. P. 86–96.
- Kestemont et al. 2022 — *Kestemont M. et al.* Forgotten books: The application of unseen species models to the survival of culture // *Science*. 2022. Vol. 375. Issue 6582. P. 765–769.
- Kestemont, Karsdorp 2020 — *Kestemont M., Karsdorp F.* Estimating the Loss of Medieval Literature with an Unseen Species Model from Ecodiversity // *CEUR Workshop Proceedings: CHR 2020: Workshop on Computational Humanities Research*, November 18–20, 2020, Amsterdam, The Netherlands. 2020. Vol. 2723. P. 44–55.
- Kittredge 2011 — *Kittredge K.* Early Blossoms of Genius: Child Poets at the End of the Long 18th Century // *The Looking Glass: New Perspectives on Children's Literature*. 2011. Vol. 15. Issue 2.
- Kjetsaa 1979 — *Kjetsaa G.* A Quantitative Norm for the Use of Epithets in the Age of Pushkin // *Russian Romanticism. Studies in Poetic Codes* / Ed. Nils Åke Nilsson. Stockholm, Uppsala, 1979. P. 204–226.
- Kjetsaa 1983 — *Kjetsaa G.* A Norm for the Use of Poetical Language in the Age of Puškin: A Comparative Analysis. Oslo, 1983 (Meddelelser Nr. 33).
- Konle et al. 2022 — *Konle L. et al.* Connecting the Dots. Variables of Literary History and Emotions in German-language Poetry // *Journal of Computational Literary Studies*. 2023. Vol. 2. Issue 1. P. 1–22.
- Koppel et al. 2009 — *Koppel M., Schler J., Argamon S.* Computational methods in authorship attribution // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2009. Vol. 60. Issue 1. P. 9–26.
- Koppel, Winter 2014 — *Koppel M., Winter Y.* Determining if two documents are written by the same author // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2014. Vol. 65. Issue 1. P. 178–187.
- Kord 2003 — *Kord S.* Women Peasant Poets in Eighteenth-Century England, Scotland, and Germany. Milkmaids on Parnassus. Rochester, Woodbridge: Camden House, 2003.
- Korotkova 2021 — *Korotkova J.* `ru_accent_poet` [Python module]. 2021. URL: <https://pypi.org/project/ru-accent-poet/>
- Lotman, Lotman 2022 — *Lotman M.-K., Lotman R.* Rhyming strategies in Estonian rap lyrics: a statistical view [Conference paper] // *Plotting Poetry 5*, 4–6 July, Estonian Literary Museum. Tartu, 2022.
- Lounsbury 2001 — *Lounsbury A.* “Russia! What Do You Want of Me?": The Russian Reading Public in Dead Souls // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. Issue 2. P. 367–389.
- Manjavacas, Fonteyn 2022 — *Manjavacas E., Fonteyn L.* Adapting vs. Pre-training Language Models for Historical Languages // *Journal of Data Mining & Digital Humanities*. 2022.

- Manning, Hinrich 1999 — *Manning C. D., Schütze H.* Foundations of Statistical Natural Language Processing. Cambridge, Mass: MIT Press, 1999.
- Markova 2011 — *Markova A.* Auguste-René Semen, imprimeur, éditeur et marchand-libraire parisien à Moscou // *La France et les Français en Russie. Nouvelles sources, nouvelles approches (1815–1917)*. Paris, 2011. P. 263–283.
- Maróthy et al. 2022 — *Maróthy S., Seláf L., Plecháč P.* Rhyme in 16th-Century Hungarian Historical Songs: A Pilot Study // *Tackling the Toolkit: Plotting Poetry through Computational Literary Studies*. Prague: Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences, 2022. P. 43–59.
- Martynenko 2024a — *Martynenko A.* Unread, Yet Preserved: A Case Study on Survival of the 19th-century Printed Poetry // *Literatura: teoría, historia, crítica*. 2023. Vol. 25. Issue 2. P. 192–214.
- Martynenko 2024b — *Martynenko A.* Unreadable Poems of a Non-Existent Poetess: An Image of a Female Poet in One 19th-Century Hoax // *Зборник Матице српске за славистику*. 2024. Vol. 2024. Issue 105. P. 31–46.
- Martynenko, Šeĵa 2023 — *Martynenko A., Šeĵa A.* The Fall of Genres that Did Not Happen: Formalising History of the “Universal” Semantics of Russian Iambic Tetrameter // *Studia Metrica et Poetica*. 2023. Vol. 10. Issue 2. P. 89–111.
- McInnes et al. 2018 — *McInnes L., Healy J., Melville J.* UMAP: Uniform Manifold Approximation and Projection for Dimension Reduction // *arXiv:1802.03426 [cs, stat]*. 2018.
- McKie 1997 — *McKie M.* The Origins and Early Development of Rhyme in English Verse // *The Modern Language Review*. 1997. Vol. 92. Issue 4. P. 817–831.
- Michel et al. 2011 — *Michel J.-B. et al.* Quantitative Analysis of Culture Using Millions of Digitized Books // *Science*. 2011. Vol. 331. Issue 6014. P. 176–182.
- Moretti 2013 — *Moretti F.* Distant reading. London; New York: Verso, 2013.
- Mosteller, Wallace 1963 — *Mosteller F., Wallace D. L.* Inference in an Authorship Problem // *Journal of the American Statistical Association*. 1963. Vol. 58. Issue 302. P. 275–309.
- Nagy 2021 — *Nagy B.* Metre as a stylometric feature in Latin hexameter poetry // *Digital Scholarship in the Humanities*. 2021. Vol. 36. Issue 4. P. 999–1012.
- Nagy 2022 — *Nagy B.* Rhyme in classical Latin poetry: Stylistic or stochastic? // *Digital Scholarship in the Humanities*. 2022. Vol. 37. Issue 4. P. 1097–1118.
- Navarro-Colorado 2018 — *Navarro-Colorado B.* On Poetic Topic Modeling: Extracting Themes and Motifs From a Corpus of Spanish Poetry // *Frontiers in Digital Humanities*. 2018. Vol. 5. Article 15.
- Paige 2021 — *Paige N. D.* Technologies of the Novel. Quantitative Data and the Evolution of Literary Systems. Cambridge University Press, 2021.
- Pilshchikov 2022 — *Pilshchikov I.* Vana ja uus kvantitatiivne formalism: kõrvutused ja väljavaated (Moskva Lingvistiline Ring ning Stanfordi Kirjanduslabor) // *Methis. Studia humaniora Estonica*. 2022. Vol. 23. Nr. 29. P. 151–175.
- Plecháč 2018 — *Plecháč P.* A Collocation-Driven Method of Discovering Rhymes (in Czech, English, and French Poetry) // *Taming the Corpus Quantitative Methods in the Humanities and Social Sciences*. Springer International Publishing, 2018. P. 79–95.
- Plecháč 2021 — *Plecháč P.* Versification and Authorship Attribution. Prague: Karolinum Press, 2021.
- Plecháč et al. 2018 — *Plecháč P., Bobenhausen K., Hammerich B.* Versification and Authorship Attribution. A Pilot Study on Czech, German, Spanish, and English Poetry // *Studia Metrica et Poetica*. 2018. Vol. 5. Issue 2. P. 29–54.

- Plecháč et al. 2022 — Tackling the Toolkit: Plotting Poetry through Computational Literary Studies. Prague: Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences, 2022.
- Plecháč, Haider 2020 — *Plecháč P., Haider T. N.* Mapping Topic Evolution Across Poetic Traditions // arXiv:2006.15732 [cs.CL] 2020.
- Plecháč, Kolár 2022 — *Plecháč P., Kolár R.* Metre and Semantics in the Poetry of Czech Post-Symbolists Accessed via LDA Topic Modelling // *Studia Metrica et Poetica*. 2022. Vol. 9. Issue 1. P. 7–19.
- Primorac et al. 2023 — *Primorac A. et al.* Distant Reading Two Decades on: Reflections on the Digital Turn in the Study of Literature // *Digital Studies/Le champ numérique*. 2023. Vol 13. Issue 1. P. 1–24.
- Rose, Eliot 2019 — *Rose J., Eliot S.* Companion to the History of the Book. Wiley, 2019.
- Rosenholm, Savkina 2012 — *Rosenholm A., Savkina I.* “How Women Should Write”: Russian Women’s Writing in the Nineteenth Century // *Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture*. Openbook Publishers, 2012. P. 161–208.
- Schöch 2017 — *Schöch Ch.* Topic Modeling Genre: An Exploration of French Classical and Enlightenment Drama // *Digital Humanities Quarterly*. 2017. Vol. 011. Issue 2.
- Schöch et al. 2018 — *Schöch Ch. et al.* Burrows’ Zeta: Exploring and Evaluating Variants and Parameters // *DH2018: Book of abstracts*. Mexico City, 2018.
- Schöch et al. 2023 — *Schöch Ch. et al.* Survey of Methods in Computational Literary Studies. Trier: Zenodo, 2023. URL: <https://zenodo.org/record/7892112>
- Segalovich 2003 — *Segalovich I.* A fast morphological algorithm with unknown word guessing induced by a dictionary for a web search engine // *Proceedings of the International Conference on Machine Learning; Models, Technologies and Applications*. MLMTA’03, June 23–26, 2003, Las Vegas, Nevada, USA. Las Vegas, NV, USA: CSREA Press, 2003. P. 273–280.
- Šeļa 2023 — *Šeļa A.* *navalny_R* [blogpost]. URL: https://github.com/perechen/navalny_R/tree/main (accessed: 03.08.2024).
- Šeļa et al. 2020 — *Šeļa A., Orekhov B., Leibov R.* Weak Genres: Modeling Association Between Poetic Meter and Meaning in Russian Poetry // *CHR 2020: Workshop on Computational Humanities Research*, November 18–20, 2020. 2020. P. 13–21.
- Šeļa et al. 2022 — *Šeļa A., Plecháč P., Lassche A.* Semantics of European poetry is shaped by conservative forces: The relationship between poetic meter and meaning in accentual-syllabic verse // *PLOS ONE*. 2022. Vol. 17. Issue 4. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0266556>.
- Šeļa, Gronas 2022 — *Šeļa A., Gronas M.* Measuring Rhythm Regularity in Verse: Entropy of Inter-Stress Intervals // *CEUR Workshop Proceedings: CHR 2022: Computational Humanities Research Conference*, December 12–14, 2022, Antwerp, Belgium. 2022. Vol. 3290. P. 231–242.
- SLK 2012 — *Slavonic Library: The Library of A. F. Smirdin* [blogpost]. URL: <https://web.archive.org/web/20240803230744/https://text.en.nkp.cz/slavonic-library/about-the-slavonic-library-sl/book-collection-of-the-sl/the-library-of-a.-f.-smirdin> (accessed: 03.08.2024).
- Sobchuk 2018 — *Sobchuk O.* Charting Artistic Evolution: An Essay in Theory. Tartu, 2018.
- Solovyev et al. 2022 — *Solovyev V. D. et al.* Russian dictionary with concreteness/abstractness indices // *Russian Journal for Linguistics*. 2022. Vol. 26. Issue 2. P. 515–549.
- Sonderegger 2011 — *Sonderegger M.* Applications of graph theory to an English rhyming corpus // *Computer Speech & Language*. 2011. Vol. 25. Issue 3. P. 655–678.

- Stadler et al. 2007 — *Stadler M. A., Watson M., Skahan S.* Rhyming and Vocabulary: Effects of Lexical Restructuring // *Communication Disorders Quarterly*. 2007. Vol. 28. Issue 4. P. 197–205.
- Stamatatos 2009 — *Stamatatos E.* A Survey of Modern Authorship Attribution Methods // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2009. Vol. 60. Issue 3. P. 538–556.
- Stohler 2016 — *Stohler U.* *Disrupted Idylls*. Bern, Switzerland: Peter Lang D, 2016.
- Talinskaja, Oganeseva 1986 — *Tarlinskaja M., Oganeseva N.* Meter and Meaning: The Semantic ‘Halo’ of Verse Form in English Romantic Lyrical Poems (Iambic and Trochaic Tetrameter) // *The American Journal of Semiotics*. 1986. Vol. 4. Issue 3. P. 85–106.
- Tarlinskaja 1989 — *Tarlinskaja M.* Meter and Meaning: Semantic Associations of the English “Dolnik” Verse Form // *Style*. 1989. Vol. 23. Issue 2. P. 238–260.
- Tarlinskaja 2014 — *Tarlinskaja M.* *Shakespeare and the Versification of English Drama, 1561–1642*. Farnham, UK; Burlington, USA: Ashgate, 2014.
- Tello 2021 — *Calvo Tello J.* *The Novel in the Spanish Silver Age: A Digital Analysis of Genre Using Machine Learning*. Bielefeld, Germany: transcript Verlag / Bielefeld University Press, 2021.
- Todd 1997 — *Todd W. M.* *Periodicals in Literary Life of the Early Nineteenth Century // Literary Journals in Imperial Russia* *Cambridge Studies in Russian Literature*. Cambridge, 1997. P. 37–63.
- Underwood, So 2021 — *Underwood T., So R. J.* Can We Map Culture? // *Journal of Cultural Analytics*. 2021. Vol. 6. Issue 3. <https://doi.org/10.22148/001c.24911>.
- Underwood 2016 — *Underwood T.* The Life Cycles of Genres // *Journal of Cultural Analytics*. 2016. Vol. 2. Issue 2. <https://doi.org/10.22148/16.005>.
- Underwood 2017 — *Underwood T.* Genre Theory and Historicism // *Journal of Cultural Analytics*. 2017. Vol. 2. Issue 2. <https://doi.org/10.22148/16.008>
- Underwood 2019 — *Underwood T.* *Distant Horizons: Digital Evidence and Literary Change*. University of Chicago Press, 2019.
- Underwood et al. 2022 — *Underwood T. et al.* Cohort Succession Explains Most Change in Literary Culture // *Sociological Science*. 2022. Vol. 9. P. 184–205.
- Voinov 2012 — *Voinov V.* Rhyming reduplication in Russian paired words // *Russian Linguistics*. 2012. Vol. 36. Issue 2. P. 175–191.
- Vowles 2004 — *Vowles J.* *The Inexperienced Muse: Russian Women and Poetry in the First Half of the Nineteenth Century // A History of Women’s Writing in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 62–84.
- Worth 1978 — *Worth D. S.* О грамматическом компоненте славянской рифмы (на материале «Евгения Онегина» А. Пушкина) // *American contributions to the Eighth International Congress of Slavists: Zagreb and Ljubljana, September 3–9, 1978*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1978. P. 774–818.
- Worth 1979 — *Worth D. S.* *Grammar in Rhyme: Pushkin’s Lyrics // Russian Romanticism. Studies in Poetic Codes / Ed. Nils Åke Nilsson*. Stockholm, Uppsala, 1979. P. 135–143.
- Zhang et al. 2022 — *Zhang J. et al.* Detecting Sequential Genre Change in Eighteenth-Century Texts // *CEUR Workshop Proceedings: CHR 2022: Computational Humanities Research Conference, December 12–14, 2022, Antwerp, Belgium*. 2022. Vol. 3290. P. 243–255.

KOKKUVÕTE

Traditsioonid ja uuendused 1830. aastate teise poole vene luules: kvantitatiivne uurimus

Doktoritöö on pühendatud luulekeele protsesside ja erisuste uurimisele, mida saab jälgida kvantitatiivsel tasandil ehk teiste sõnadega üldkogumi tasandil. Kui traditsioonilised kirjandusuuringud kipuvad keskenduma üksikutele luulestiilidele, siis käesolev väitekiri püüab pakkuda mitmeid kvantitatiivseid vahendeid laiemateks üldistusteks ning täita bibliograafilisi ja kirjandus-ajaloolisi lünki. Uurimuse objektiks on valitud ajavahemik 1835.–1840. aastad ehk vene luule „kuldajastu“ lõpp.

1830. aastate teine pool on vene kirjanduse ajaloos tuntud kui vähesema luulehuvi periood ja 1810.–1820. aastate kanoonilisemate autorite kirjandusliku teekonna lõpp. Nii 1810. aastate poeedid (nagu Vassili Žukovski ja vürst Pjotr Vjazemski) kui ka 1820. aastate silmapaistvamad luuletajad (eelkõige Aleksander Puškin ja Jevgeni Baratõnski) jäid 1830. aastatel oma kaasaegsete poolt tähelepanuta, samas kui esteetiliselt vähem rafineeritud luule saavutas populaarsuse. Sel ajal said tuntuks poeedid, kes muutusid tulevase kirjanduslooja jaoks teisejärgulisteks ja mõnel juhul isegi ideoloogiliselt vastuvõetamatuteks – nn vulgaarromantikud eesotsas V. Benediktoviga.

Koos lugejate tähelepanu nihkumisega 1830. aastate romantikute esteetiliselt vähem keerulise luule poole muutus ka kirjanduse valdkond ise. Toimus kirjanduse professionaliseerumine ja demokratiseerumine: kehtestati autoritasu institutsioon ja kirjutamine muutus aristokraatide meelelahutusest professionaalseks praktikaks, millega seotud autorid, ajakirjanikud ja kirjastajad olid muuhulgas huvitatud väljaannete kaubanduslikust edust. Need protsessid langesid kokku raamatutrukkimise tehnilise arengu ja paberi odavnemisega. Raamatud muutusid kättesaadavamaks, mis mõjutas massiliselt loetavate väljaannete tekkimist. See tõttu lubas oma raamatu avaldamine 1830. aastatel mitte ainult mainet, vaid ka rahalist kasu. See kehtis ilmselt ka luulekogude kohta, sest luule säilitas jätkuvalt kõrge staatuse kirjandushierarhias.

1830. aastate teisel poolel ilmunud raamatutes ja perioodikaväljaannetes avaldatud luuletuste arv on võrreldav eelmise kümnendi (19. sajandi poeetilise kultuuri hiilgeaja) trükitud luule mahuga. Sellest hoolimata iseloomustatakse kirjandusloos 1830. aastate teist poolt tavaliselt negatiivselt. Ajakirjanduse ja kirjastamise professionaliseerumist on tõlgendatud kui „kaubandustrendi“ domineerimist, luuletajate põlvkondade vahetumist ning Vladimir Benediktovi populaarsust kui terve poeetilise kultuuri allakäiku.

Uurimustest, mis ei ole pühendatud kanoonilistele luuletajatele, liiguvad vaid üksikud kirjandusteaduslikud tööd 1830. aastate luule halvustavatest hinnangutest selle perioodi poesia mitmekülge analüüsi suunas. Eelkõige on need Lidia Ginzburgi sõjaeelsed tööd, kes nägi Benediktovi ringis omamoodi uuendajaid – luuletajaid, kes hävitasid 20. aastate poeetilise keele ja sellega seotud

harmoonilise žanrisüsteemi. 1830. aastate luule on värsi ajaloos sarnasel positsioonil: Mihhail Gasparovi sõnul toimus sel ajal esimene riimikriis ning meetri-line repertuaar muutus, laienedes oluliselt. Kooskõlas Ginzburgiga seostas Gasparov neid muutusi luule žanrisüsteemi lagunemise protsessiga. Seega on uurimustraditsioonis 1830. aastate teise poole luule kohta väga erinevaid hinnanguid: mõned nägid selles perioodis luule allakäiku ning epigonismi, teised aga pöördepunkti ja uuendustegevust.

Doktoritöö eesmärk on uurida 1830.–1840. aastate lüüriliste tekstide keele märgatavaid muutusi vormilisel tasandil. Väitekirjas analüüsitakse materjali kvantitatiivsest vaatenurgast: uuritakse žanri ja meetrilise süsteemi muutumist, samuti jäljendamist ja sekundaarseid tekste. Seega püütakse doktoritöös objektiivsemalt vaadelda 1830. aastate teise poole luulekeelt, tuginedes mitte piiratud arvu luuletajate või tekstide üksikvaatlustele, vaid selle perioodi poesia terviklikumale üldkogumile ja luuletuste kvantitatiivsetele omadustele.

1830. aastate teise poole trükis avaldatud luule kujutab endast tohutut materjali, mis ei ole veel täielikult teaduslikus ringluses ja vajab uurimuslikku kirjeldust. Kuna puudub selle perioodi trükiste autoriteetne bibliograafia ja nende esinduslik korpus, on väitekirja jaoks koostatud kaks bibliograafiat (1830.–1850. aastate luuleraamatute bibliograafia; 1835.–1840. aastatel trükis avaldatud luuletekstide bibliograafia) ja 1835.–1840. aastate lüürika korpus (4797 luuletust). Koostatud korpuse oluliseks erinevuseks Vene keele rahvuskorpuse luule allkorpusest on tuginemine ajaloolistele trükis avaldatud allikatele (1835.–1840. aastate väljaanded), aga mitte hilisematele kirjandusteaduslikele väljaannetele. Doktoritöös kasutatud andmed on avatud ja avaldatud internetis (doi: 10.5281/zenodo.13749559).

Doktoritöö esimeses peatükis kirjeldatakse 1830. aastate teise poole luulekogusid 1830.–1850. aastate laiemas kontekstis. Peatükk algab füüsiliste eksemplaride säilimise ja bibliograafilise täielikkuse probleemi käsitlemisega 19. sajandi keskpaiga raamatute puhul. Eelkõige näidatakse võimalust hinnata bibliograafilist täielikkust statistiliste meetodite põhjal: ökoloogiast pärit meetodeid saab kasutada erinevate luuleraamatutüüpide säilimise määrade arvutamiseks. Tulemused näitavad, et luule kõrge staatus võis mõjutada luulekogude füüsiliste eksemplaride säilimist ning umbes 90% kogumikest (vähemalt neid, mis olid trükitud Moskvast ja Peterburis) on säilinud tänapäeval raamatukogudes ja arhiivides. Üksikute trükitud tekstide ja brošüüride puhul on säilimise määr aga palju madalam (~40%).

Suur osa sel perioodil avaldatud luulekogudest kuulus vähetuntud autoritele. Nagu 1830. aastate luulearvustused näitavad, olid paljude sel perioodil luuleraamatu avaldanud poetide nimed nende kaasaegsetele tundmatud. Ka tänapäeva biograafilised allikad ei sisalda teavet vähemalt kolmandiku 1830. aastate teise poole luuletajate kohta.

1830. aastate poeetiline kaanon ehitati üles ajakirjades ilmunud luule ümber. Nagu doktoritöö teises peatükis näidatud, kuuluvad selle ajastu poetide kaanonisse tavaliselt need luuletajad, kes on kõige enam tuntud perioodikaväljaannetest. Perioodikaväljaannetes avaldatud luuletused leiavad märkimisväärset arvu

kattumisi Vene keele rahvuskorpuse poeetilise alamkorpusega ning 1830. aastate keskpaiga ja lõpu ajakirjade poleemika on üsna hästi kirjandusteaduslikes uurimustes kajastatud.

Pidev luuletuste valim perioodikaväljaannetest peegeldab ajakirjades ilmunud luulele pühendatud osade toimimist erinevates väljaannetes ja erinevaid autorite avaldamisstrateegiaid. Nii iseloomustavad kõiki – mitte ainult programmilisi ajakirju nagu „Sovremennik“ – 1830. aastate keskpaiga väljaandeid lojaalsete luuletajate rühmad, kes olid ühe kirjandusliku partei perioodikaväljaannete regulaarsed kaastöötajad ega avaldanud oma tekste teise partei ajakirjades. Siiski kuulus oluline osa (~50–60%) kõigi perioodikaväljaannete luuletustest autoritele, kes esitasid oma luuletusi erinevatele ajakirjadele ja ajalehtedele vaid sporaadiliselt. Tundub, et muutused toimusid 1830. aastate lõpus koos uut tüüpi ajakirja – „Otetšstvennõje Zapiski“ (Isamaa märkmed) – ilmumisega, mis tugines kitsa luuletajate ringi suurema hulga tekstide valikule.

Kuid 1830. aastate luuletajate sotsiaalse võrgustiku tihedus ja ilmne kuulumine kirjandusringkondadesse peegeldub kaudselt ka nende poeetilistes stiilides. Doktoritöö kolmandas peatükis viiakse läbi rida klassifitseerimis- (SVM) ja tekstiklastrimise (UMAP) katseid, et vastata küsimusele: kas eri kirjanduslike parteide luuletajate vahel olid erinevused teksti leksikaalsel tasandil. Kui võtta arvesse kõige sagedasemate sõnade kasutamist, siis on kirjandusteaduses välja kuulutatud vastandumine Benediktovi ringi luuletajate ja Puškini stiili järgijate vahel palju vähem märgatav kui erinevus 1830. aastate ja 1800.–1820. aastate luuletajate poeetilise sõnavara vahel.

Ühest küljest võib seda tulemust seletada klassikalistel leksikaalsetel sagedustel põhinevate arvutusmeetodite ebapiisava täpsusega – sõnade kasutamise, süntaksi ja kujundlikkuse erinevused, mis on kirjandusteadlase jaoks ilmselged, jäävad algoritmidele kättesaamatuks. Teisest küljest võib katsete tulemust tõlgendada ka teistmoodi: erinevuste puudumine viitab sellele, et vormilisel tasandil võib 1830. aastate erinevate luuletajate poeetilisel keelel olla rohkem ühiseid jooni, kui tavaliselt arvatakse. Teisisõnu: Benediktovi tsiteeritud stiil ei erinenud tegelikult silmapaistval määral 1830. aastate keskpaiga keskmisest poeetilisest keelest.

Kvantitatiivsed meetodid võimaldavad meil selgelt registreerida 1830. aastate poeetilise keele muutumist võrreldes minevikuga. Kuigi erinevus on vaevalt märgatav ühe luuletajate põlvkonna piires, osutuvad põlvkondlikud erinevused 19. sajandi alguse (mida esindavad Vene keele rahvuskorpuse näited) ja 1830. aastate teise poole (meie korpus) luuletajate vahel nähtavaks kõigil vormi tasanditel. See kajastub sõnade sagedustes, meetrilises repertuaaris ja riimimustrites. Seega on kvantitatiivsed meetodid suurte ajaperioodide ja muutuste jälgimiseks kirjanduspopulatsiooni tasandil kehtivamad. Suured andmestikud ei vii tingimata tulemusetu ja mürani, vaid kajastavad üldisi suundumusi ja võimaldavad korrigeerida väikestele valimitele iseloomulikke moonutusi.

Neljas peatükk on pühendatud meetrilise repertuaari uurimisele. Laia valimi põhjal esitatakse arvutused, mis tõestavad, et võrreldes varasemate perioodidega toimub 1830. aastate teisel poolel meetrilise repertuaari märkimisväärne laiene-

mine. Kuigi seda on varem täheldatud väiksema valimiga kanooniliste luuletajate tekstide põhjal, näitab uurimus, et uuendused värsimõõtude kasutuses on iseloomulikud kogu ajavahemikus 1835.–1840. aastate trükitud tekstide andmestikule. 1830. aastate luuletajad kasutavad üldiselt oluliselt rohkem mitmetähenduslikke suursi, tuues sisse trohheusi, kolmesilbilisi värsimõõte (sh amfibrahhe) ja polümeetrilisi kompositsioone. Selles, et otsene pilk „valimata“ materjalile tervikuna kinnitab üldiselt varem kanoonilistest tekstidest teadaolevaid tulemusi, näeme kultuurilise nihke tulemust: muutused on seotud teatud tendentside õigeaegse kopeerimisega kirjandusprotsessis osalejate poolt ja kirjanduspõlvkondade vahetumisega ning on nähtavad kogu andmestikus, mitte ainult spetsiaalselt valitud materjalides. Värsimõõtude arvessevõtmise olulisust kinnitab ka üks väitekirja eksperimentidest: näiteks on kasutatud värsimõõtude sagedus kindlam alus 1830. aastate autorite eristamiseks 19. sajandi alguse luuletajatest kui arvuti-põhistes kirjandusuurimustes kasutatavad traditsioonilised sõnasagedused.

Doktoritöö viiendas peatükis näidatakse, et riimi grammatilisi ja leksikaalseid tunnuseid saab kasutada nii autorsuse määramiseks (omistamiseks) kui ka stiili uurimiseks. Võrreldes 19. sajandi alguse tekstidega demonstreerivad 1835.–1840. aastate luuletused riimi leksikaalse repertuaari laienemist ja muutusi selle grammatikas, eelkõige üleminekut verbiriimidelte nominaalriimidele. Need muutused võimaldavad 1830. aastate teise poole luuletusi varasematest tekstidest ainuüksi riimitunnuste alusel edukalt eristada.

Kogu 1830. aastate teise poole luulekorpus peegeldab ka konservatiivseid suundumusi. Kõige selgemini avaldub see žanrisüsteemi tasandil, mille jäänused ilmnevad nii žanripealkirjade otseses massikasutuses (umbes 1/4 kõigist tekstidest) kui ka žanrite ja meetrumite vaheliste seoste stabiilsuses. Väitekirja osa 3.1. näitab, et leksikaalsel tasandil on žanripealkirjadega luuletused eristatavad isegi lihtsa klassifitseerimisalgoritmi kasutamisel, mis oleks oodatud pigem žanrisüsteemi stabiilsuse varasemate perioodide puhul.

Väitekirja osas 4.2. esitatud laiendatud eksperiment, milles kasutatakse temaatilist modelleerimist, võimaldab meil ümber lükata hüpoteesi, et žanrisüsteemi lagunemine on tingitud neljajalgse jambi temaatilisest universaliseerimisest. Peamised dimensioonid säilitavad oma žanrilised seosed ning neljajalgse jambi lühiajaline temaatiline laienemine ei ole tingitud teemade laenamisest teistest dimensioonidest, vaid üksnes neljajalgses jambis kirjutatud tekstide arvu suurenemisest. Meetrumite ja teemade (ja nende kaudu ka žanrite) seosed jäävad 1830. aastate teise poole luules oluliseks, vaatamata kirjandusteaduses varem eeldatud žanrisüsteemi lagunemisele.

Doktoriväitekirja näitab, et 1830. aastate teise poole luule ei olnud ei epigonismi ja maitsetuse ega ka 19. sajandi alguse poeetilise süsteemi täieliku kokkuvõtte periood. 1830. aastate teise poole korpus näitab ühelt poolt ulatuslikku muutust sõnavara, meetrumi ja riimi kasutamises üldkogumi tasandil, teisalt ei ole tegemist traditsiooni järsu hülgamisega ja žanrisüsteemi hävitamisega. Tasakaal uuenduste ja säilitamise vahel on oluline tunnusjoon mitte ainult selle perioodi, vaid ilmselt ka kogu poeetilise keele evolutsiooni vältel.

Kirjandusteaduse seisukohalt võib ainult osa selle väitekirja eksperimente pidada õnnestunuks. Töö näitab, kuidas on võimalik koostada bibliograafiat ja hinnata selle täielikkust ning kirjeldada tekstikorpust kvantitatiivsete meetoditega. Arvutipõhised lähenemisviisid võimaldavad leida ka kvantitatiivseid tõendeid poeetilise keele muutumise kohta 1830. aastate teisel poolel. Sellegipoolest ei saa käesolevas uurimuses kasutatud arvutusmeetodid kindlasti pretendeerida sellele, et nad kajastavad poeetiliste stiilide muutusi, nagu on tavaks saanud traditsioonilises kirjandusteaduses: mõistete ja intertekstide tasanditel, üksikute sõnade kasutamise ja tähendusvarjundite muutuste kirjeldustes. Nii-suguste ülesannete jaoks on tarvis kirjandusteadlase eksperthinnangut. Seetõttu ei olnud väitekirja eesmärk pakkuda välja alternatiivne 1830. aastate kirjanduslugu: ajaloolised narratiivid peaksid põhinema valdkonna ekspertide, mitte algoritmide poolt valitud faktidel ja tunnustel.

Kvantitatiivsed lähenemisviisid on aga olulised, sest need juhivad uurija tähelepanu olulistele suundumustele ja muutustele materjalis, mis näivad inimsilmale ebaolulised ja nähtamatud, olgu selleks siis funktsioonisõnad või sõnaliikide kombinatsioon riimides. Sellise materjali üldistused ja analüüs on isegi asjatundlikule lugejale kättesaamatu, kuid arvutiga on seda lihtne teha. Andmed ja statistika annavad siin tõendusmaterjali „intuitsiooni“ jaoks suuremahuliste muutuste kohta. Käesolevas väitekirjas esitatakse mitmeid selliseid juhtumeid, kus kvantitatiivsete meetodite rakendamine võimaldab kinnitada või ümber lükata konkreetseid ajaloolis-kirjanduslikke hüpoteese.

Käesoleva doktoritöö raamidest väljapoole jääb uute kvantitatiivsete värsi uurimise meetodite väljatöötamine, mis on rakendatavad kirjandusloo ja värsi-ajaloo uurimustes. Sellegipoolest viitab tehtud analüüs väljavaadetele, mis võimaldavad edasi uurida luulekeele formaalseid iseärasusi kvantitatiivsetest vaatenurgast: eelkõige meetriliste vormide sageduste kasutamist leksikaalsete sageduste kõrval stiili markeritena ning süstemaatilist riimi uurimist autoripoolse signaali väljendajana. Üks läbiv teema, mis selles töös esile kerkis, on küsimus poeetilise keele eri tasandite süstemaatilisest mõjust üksteisele. Neid probleeme on juba kirjeldatud M. Gasparovi ja M. Tarlinskaja programmilises artiklis „Värsi lingvistika“ (2008), kuid lähenemisi nende lahendamiseks kvantitatiivsetes värsiuuringutes ei ole veel leitud.

Kvantitatiivsed lähenemisviisid integreerivad loodus- ja täppisteadustes kasutatava teadusliku meetodi kirjandusuuringutesse. See piirdub vaid faktide valimiga ja ei ole põhjendatud üldistuste ega intuitsiooniga. Võib uskuda, et see on eriti oluline tänapäeval, pidades silmas valeinformatsiooni levikut ehk faktide ja narratiivi moonutamist, eriti vene keele ja vene kultuuri kohta. Käesoleva väitekirja autor loodab, et kvantitatiivsed ja korpuspõhised tekstiuuringud vastanduvad pseudoteadusele ja propagandale ning süvendavad meie arusaama keele ja kultuuri arengumehhanismidest.

SUMMARY

The dissertation questions which features and processes specific to poetic language are traceable on a quantitative level, or in other words, at the population level. As traditional qualitative methods in literary studies often focus on individual poetic styles, they may lack unbiased generalisations and evidence to describe larger patterns of change in poetic language. This research proposes several methods from statistics and machine learning for application in literary research. It explores whether quantitative and computational methods can help prove and validate hypotheses raised in literary scholarship, using a specific period in Russian poetry's history as a case study.

The object of the study is an understudied period in Russian poetry from 1835 to 1840. This period marks the end of Russian poetry's "golden age" when readers' attention shifted from poetry to prose and major canonised authors left the scene. Both masters of the 1810s (such as Vasily Zhukovsky and Prince Pyotr Vyazemsky) and the most prominent poets of the 1820s (most importantly—Aleksander Pushkin and Evgeny Baratynsky) were overlooked in the 1830s by their contemporaries, while aesthetically less refined poetry gained popularity. Scholars typically neglected or despised the latter type of poetry due to the poor reputation of the period's major poets, such as Vladimir Benediktov.

The emergence of "lower quality" poetry coincided with social changes in the literary field. Writing, which began as an aristocratic pastime, fully turned into professional practice in the 1830s, promising economic gains and attracting people from non-aristocratic classes. Simultaneously, advancements in printing technology and book prices reduction led to an increase in publication volume and the rise of mass-read periodicals.

One of the ways to gain prestige and financial success in the 1830s was to enter the poetic field, as poetry maintained high status among literary genres. As a result, the number of poetry collections and individual poems published in the late 1830s was comparable to—or even surpassed—that of the previous decade, when poetry was at its peak popularity.

Nevertheless, the poetry of the second half of the 1830s remained understudied due to the period's negative reputation in literary history. Scholars dismissed journalists and publishers as a "mercantile party" pursuing financial gains. The changes in the poetic field and rise of Benediktov's popularity were interpreted as signs of poetic culture's decline.

Only few studies move beyond value judgements to analyse 1830s poetic texts. Among the most profound are Lidia Ginsburg's works, which conceptualise mid-1830s poets as innovators. Ginsburg argued that Benediktov and other Romantics of the 1830s disrupted the standardised poetic style of the 1820s by adopting words beyond "average" poetic lexicons and blurring genre boundaries. In the history of Russian verse outlined by Mikhail Gasparov, the 1830s poetry is remarkable for its broadening of the metrical system and destabilisation of rhyme. Similarly to Ginsburg's view, Gasparov claimed that changes in poetic

meters usage led to the collapse of the early 19th-century genre-based poetic system. Thus, scholarship offers divergent opinions on 1830s poetry: some view it as the end of early 19th century poetic culture, rife with “low-quality” epigonism, while others recognise a significant transformation of poetic language towards the late 1830s.

This dissertation aimed to test hypotheses about a significant transformation of poetic language in the late 1830s across various formal aspects. Departing from traditional literary studies approaches, the study employs quantitative and computational methods to examine 1830s texts with reduced bias. These quantitative approaches address questions about 1835–1840 poetic texts’ relationship to poetic tradition using a large synchronic sample of quantifiable data, rather than relying on selective observations of a few authors and texts—a common practice in previous studies.

Russian poetry of the second half of the 1830s was significant in volume due to the start of mass book production. However, it is only partly described and understood from a historical perspective. Prior to this study, there existed neither a bibliography of 1830s poetic books nor a representative corpus of poetry from this period. The dissertation contributes two essential bibliographies as supplementary materials (the bibliography of poetic books published between 1830 and 1850; the bibliography of lyrical poems published in 1835–1840) and provides a full-text annotated corpus of lyrical poems published in 1835–1840 (4 797 poems). Unlike the Poetic subcorpus of the Russian National Corpus, the new corpus is based on historical sources, i.e., digitised prints of the second half of the 1830s. The prepared data is openly accessible online (DOI: 10.5281/zenodo.13749559).

The first chapter explores the broader historical context of poetic books published during two decades, from 1830 to 1850. The study presents the methods for creating and assessing the completeness of a 19th-century book bibliography which includes both 19th-century and modern library catalogues. Although these sources are not exhaustive, they suggest that poetry books from the 1830s have been well preserved until today. This assumption is statistically tested by calculating the survivorship ratio for various types of poetic books. The unseen species model used for the calculation confirms the high survival rate of poetic books (~90%), with the exception for separately printed brochure-like poems (~40%).

The analysis of bibliographical data led to the conclusion that 1830s poetic books were mostly printed in the two imperial capitals, Saint Petersburg and Moscow; it is likely that both book production and potential consumers of poetry were concentrated in the metropolises. However, most of these books belonged to little-known poets. The book reviews of the 1830s sometimes reflect reviewers’ complete lack of knowledge about the poets publishing new works. Modern scholarship also offers little to no data on about one-third of the poets who published a poetic book between 1835 and 1840.

Chapter 2 provides evidence that the modern poetic canon primarily focuses on 1830s poets who were publishing their poems in periodicals. Unlike little-

known poetry books, poems from periodicals are closer to the literary canon as it is reflected in Russian national corpus. Additionally, the confrontation between journals embodying literary parties is well described in scholarship.

The corpus data reflects how poetic sections in journals operated in the mid-1830s and which poets each journal favoured. Regular contributors generally remained loyal to their chosen journals. If a poet was consistently published in one journal, it meant an association with a particular literary party and prevented them from publishing in the journals of opposing parties. However, most journal poetry (~50–60% of the texts) came from volatile authors who occasionally published individual poems across various journals. The situation seemed to change with the appearance of the journal of a new type, *The Notes of the Fatherland*, in 1839. The latter moved from publishing scattered poems by various authors to larger selections of poems by a small pool of permanent contributors.

Nevertheless, the poetic circles do not directly translate into distinct poetic styles for each literary party. **The third chapter** presents results from text classification (SVM) and clustering (UMAP) experiments, which negatively answer the question whether there are differences between 1830s literary parties at the level of word usage. Word frequencies shows little distinction between the commonly opposed styles of Benediktov's and Pushkin's literary allies. The poets of the second half of the 1830s are generally less distinguishable from each other than from the poets of previous decades. One might interpret this result as computational methods' insensitivity: while literary scholars have noticed distinctive patterns of word usage and tonal changes among various poetic groups, these details may have been overlooked by the algorithms. However, another explanation is possible: the poets of the 1830s might share more formal features of style than previously thought. In the context of the entire population of poetic texts printed in 1835–1840, Benediktov's allegedly "excessive" style is less surprising and, in fact, close to the average of the period.

Significant differences in poetic style were found not within the same cohort, but in comparison with the past. The "literary party" effect is weaker than the time influence, with mid- and late-1830s texts being highly distinctive from the poems of the early 19th century. These changes were traced across all three formal levels examined, supporting the hypothesis that transformations in poetic language happened towards the end of the 1830s. Notably, the study observes the changes not in individual distinctive styles, but at the level of the entire 1835–1840 corpus. The use of larger datasets in literary research thus does not necessarily lead to inconclusiveness and "noise" signals. Instead, it provides statistically robust results and allows for bias correction in smaller samples.

Chapter 4 examines the use of poetic meters in the second half of the 1830s, analysing it synchronically (comparing with a canonical sample) and diachronically (comparing with the metrical repertoire of the previous decades). On a population scale, the distribution of meters from our corpus 1835–1840 is similar to that of canonical authors but offers larger samples of various metrical forms. The metrical repertoire significantly broadened in the 1830s, with poets shifting

from iambic-only forms to trochees, three-syllable meters (particularly amphibrachs), and polymetric compositions. The common transition from iambic meters to other forms helps us understand the process of change in the meter usage, which can be described as a cultural drift—a change driven by prestige bias and cohort succession, visible on the population scale rather than just in selected individuals. Metrical forms' frequencies can also serve as a relevant feature for calculating distances between authors, alongside more common word frequencies. The distances based on meter usage show a clearer distinction between poets of 1835–1840 and those of earlier decades than word frequencies.

Chapter 5 discusses the grammatical and lexical features of rhyme that can be used alongside acoustic features for authorship attribution and stylistic studies. Compared to early 19th-century rhymes, those from 1835–1840 demonstrate lexical diversity and a shift from verb-based to noun- and adjective-based rhymes. The frequencies of grammatical rhyme features and the most frequent rhyme words alone allow for distinguishing between authors of the early 19th century and poets of the 1830s.

Alongside the innovations, the corpus of 1835–1840 displays conservative tendencies in poetic language. These tendencies are most evident in the presence of the genre system. With a quarter of the poems bearing genre labels, poetic genres remain present in the 1835–1840 corpus and show relative stability in their use of words and meters. In *Chapter 3.1*, the classification experiment reveals that the most frequent words suffice to classify texts using their historical genre titles. Moreover, the texts with genre titles demonstrate a strong association between genres and metrical forms—a characteristic expected for earlier stages of the genre system's stability.

The assumption that the genre system collapsed towards the end of the 1830s also finds little support. In the experiment in *Chapter 4.2* associations between meters and themes are formalized using topic modeling and network analysis. The hypothesis that the genre system fell due to the popularity and thematic expansion of iambic tetrameter was rejected, as the experiment showed the stability of the most frequent topics in other meters. While the variety of possible topics in iambic tetrameter grew due to its widespread usage, other less popular meters retained their thematic domains. Thus, the associations between meters and themes—and consequently, genre associations—remained present in the second half of the 1830s, despite the alleged collapse of the genre system.

The dissertation disproves both views on the poetry of the second half of the 1830s established in scholarship: this period was neither a dull rise of epigones nor a time of disruption and fall of early 19th-century poetic culture. On the one hand, the studied corpus of poems validates the hypothesis of poetic language transformation: changes are traceable in formal aspects such as usage of words, meters, and rhymes. On the other hand, performed experiments indicate conservative tendencies in the poetic language of this time, such as the preservation of genre system features. One may conclude that the balance between innovation and retention may be an important feature of this period and probably of a poetic language evolution in general.

From a literary studies perspective, only some of the experiments conducted in this study were successful. It is possible to compile the bibliography, estimate its completeness, and provide a statistical description of the corpus. One can also find quantitative evidence of large-scale transformations in poetic language, seen in the usage of most common words, meters, and rhymes. However, today's commonly used computational methods cannot answer questions about differences in text organisation and meaning, or at least about the features that distinguish poets from different 1830s "literary parties". Such tasks require a literary scholar's expertise to find and interpret the smallest peculiarities in a text. This is why the dissertation did not aim to propose an alternative literary history of the 1830s: historical narratives should be built on facts and features selected by experts in the field, not by algorithms (although recent advances in AI seem to be good in creating narratives too, for better or worse).

Instead, computational methods enable us to analyse larger patterns in poetic language that are impossible to summarise and process in human's mind. Changes in the use of function words or rhyme endings, while invisible even for expert readers, are easily detected and counted by computers. Quantitative data and statistics can thus not only help to check hypotheses and intuitions but also serve as a foundation for theories about large-scale changes in literary history. The present research aimed to showcase such an intuition-checking study as well as to demonstrate how larger historical trends can be traced through quantitative means.

The development of robust methods for computational versification lied outside the scope of this research. However, the study pointed to several promising directions. The formal features of poetic texts are sometimes more powerful for statistical analysis than the commonly used most frequent words. In particular, further examination into meter frequencies as stylistic markers in poetry is needed. The scattered evidence of rhyme carrying a strong authorial signal should also be systematically studied and tested on data from different languages and versification traditions. Finally, there is a challenge of confounding in the statistical analysis and modelling of verse, where different formal levels may depend on and influence each other. This problem was identified decades ago in Mikhail Gasparov and Marina Tarlinskaja's work "The Linguistics of Verse" (2008), but systematic research in this direction is still forthcoming, especially given the advances in computational versification studies.

Quantitative approaches integrate scientific method into the humanities. The general principles common in sciences help researchers avoid biased and ungrounded hypotheses, but cherry-picking and subjective opinions on study objects still present in literary studies. The integration of quantitative approaches in literary research is especially important now, as humanities research face numerous challenges—particularly disinformation and, in the case of Russian studies, a complete distortion of facts and narratives for propaganda purposes. The author of this dissertation believes that humanities research grounded in empirical data and clear procedures can help resist in informational wars as well as it can promise to reveal important features of our languages and cultures.

CURRICULUM VITAE

Антонина Мартыненко

Дата рождения: 07.08.1995

Адрес эл. почты: antonina.martynenko1995@gmail.com

Языки: русский, английский, польский, французский

Образование

- 2019–2024 Тартуский университет, докторантура (специальность «Русская и славянская филология»)
- 2017–2019 Тартуский университет, магистратура (направление «Европейские языки и культуры»)
- 2013–2017 Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», бакалавриат (направление «Филология»)

Профессиональная деятельность

- 9.2022–8.2023 Тартуский университет, младший научный сотрудник (русская и славянская филология)
- 2.2019–3.2022 Институт русской литературы (Российская академия наук), Младший научный сотрудник Лаборатории цифровых исследований литературы и фольклора

Научная деятельность

Область научных интересов: история литературы XIX в., русская поэзия, история женской литературы, стиховедение, количественные методы в литературоведении, цифровые гуманитарные науки.

Опубликовано 10 научных статей.

ELULOOKIRJELDUS

Antonina Martynenko

Sünniaeg: 07. august 1995
E-post: antonina.martynenko1995@gmail.com
Keeled: vene, inglise, poola, prantsuse

Haridus

2019–2024 Tartu Ülikool, doktoriõpe, Vene ja slaavi filoloogia
2017–2019 Tartu Ülikool, magistriõppe, Euroopa keeled ja kultuurid, MA
2013–2017 Riiklik Teadusülikool “Kõrgem Majanduskool”,
bakalaureuseõpe, Filoloogia, BA

Teenistuskäik

9.2022–8.2023 Tartu Ülikool, vene ja slaavi filoloogia nooremteadur
2.2019–3.2022 Vene Kirjanduse instituut, Venemaa Teaduste akadeemia,
nooremteadur (Digitaalsete kirjandusuuringute laboratoorium)

Teadustegevus

Peamised uurimisvaldkonnad: kirjanduse ajalugu 19. sajandil, vene luule, nais-
kirjanduse ajalugu, värsiõpetus, arvutuslik kirjandusteadus, digitaalsed huma-
nitaarteadused.

Avaldatud 10 teadusartiklit.

Публикации по теме диссертации

- Martynenko A.* What is Russian Elegy? Computational Study of a Nineteenth-Century Poetic Genre // CEUR Workshop Proceedings. 2021. Issue 2865. P. 98–107.
- Мартыненко А.* «Поэты» или «поэтессы»? Формальные особенности женской поэзии 1830-х гг. // Acta Slavica Estonica XV. Studia Helsingiensa et Tartuensia, XVIII. Опыт и небывалое в литературе и культуре. Тарту, 2022. С. 62–76.
- Martynenko A.* Unread, yet preserved: A case study on survival of the 19th-century printed poetry // Literatura: teoría, historia, crítica. 2023. Vol. 25. Issue 2. P. 192–214.
- Martynenko A., Šeĵa A.* The Fall of Genres that Did Not Happen: Formalising History of the «Universal» Semantics of Russian Iambic Tetrameter // Studia Metrica et Poetica. 2023. Vol. 10. Issue 2. P. 89–111.
- Martynenko A.* Unreadable Poems of a Non-Existent Poetess: An Image of a Female Poet in One 19th-Century Hoax // Зборник Матице српске за славистику. 2024. Issue 105. P. 31–46.

DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS

1. **Юрий Кудрявцев.** Очерки по русской исторической фонологии и морфонологии. Тарту, 1996, 157 с.
2. **Светлана Туrowsкая.** Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект (на материале современного русского языка). Тарту, 1997, 138 с.
3. **Елена Погосян.** Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997, 160 с.
4. **Ирина Белобровцева.** Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: конструктивные принципы организации текста. Тарту, 1997, 168 с.
5. **Светлана Кульюс.** «Эзотерические» коды романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (эксплицитное и имплицитное в романе). Тарту, 1998, 210 с.
6. **Леа Пильд.** Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы). Тарту, 1999, 136 с.
7. **Роман Лейбов.** «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту, 2000, 143 с.
8. **Валентина Щаднева.** Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания. Тарту, 2000, 210 с.
9. **Александр Данилевский.** Поэтика «Повести о пустяках» Б. Темирязева (Юрия Анненкова). Тарту, 2000, 154 с.
10. **Татьяна Фрайман.** Творческая стратегия и поэтика жуковского (1800 – первая половина 1820-х годов). Тарту, 2002, 165 с.
11. **Татьяна Троянова.** Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имён существительных). Тарту, 2003, 166 с.
12. **Елена Нымм.** Литературная позиция еронима ясинского (1880–1890-е годы). Тарту, 2003, 169 с.
13. **Эрика-Оксана Хааг.** Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке. Тарту, 2004, 165 с.
14. **Вадим Семенов.** Иосиф Бродский в северной ссылке: поэтика автобиографизма. Тарту, 2004, 176 с.
15. **Роман Войтехович.** Психея в творчестве М. Цветаевой: Эволюция образа и сюжета. Тарту, 2005, 165 с.
16. **Анжелика Штейнгольд.** Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе. Тарту, 2006, 202 с.
17. **Катрин Кару.** Уступительные конструкции в эстонском и русском языках. Тарту, 2006, 249 с.
18. **Оксана Паликова.** Двухязычный словарь и функционально значимые связи слова. Тарту, 2007, 140 с.
19. **Тимур Гузаиров.** Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. 156 с.

20. **Татьяна Кузовкина.** Феномен болгарина: проблема литературной тактики. Тарту, 2007. 163 с.
21. **Ольга Бурдакова.** Имперфективация глаголов *v* продуктивного класса в современном русском языке. Тарту, 2008. 194 с.
22. **Ирина Абисогмян.** Становление чешской лексикографии в эпоху национального возрождения: традиции и новаторство. Тарту, 2009. 200 с.
23. **Ирина Табакова.** Основные типы аббревиатур в современном польском языке (к специфике моделей производящих синтаксических структур). Тарту, 2009. 212 с.
24. **Дмитрий Иванов.** Творчество А. А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Тарту, 2009. 224 с.
25. **Инна Булкина.** Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту, 2010. 213 с.
26. **Алексей Вдовин.** Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту, 2011. 238 с.
27. **Ольга Мусаева.** Рецепция творчества Федерико Гарсиа Лорки в русской культуре (1930–1960-е гг.). Тарту, 2011. 217 с.
28. **Мария Боровикова.** Поэтика Марины Цветаевой (лирика конца 1900-х –1910-х годов). Тарту, 2011. 150 с.
29. **Ольга Ягинцева.** Этимологическое исследование некоторых диалектных названий предметов домашнего обихода. Тарту, 2014. 129 с.
30. **Ирина Рудик.** Русская тема в сборнике Марины Цветаевой «Версты. Стихи. Выпуск I» (1922 г.). Тарту, 2014. 166 с.
31. **Елизавета Фомина.** Национальная характерология в прозе И. С. Тургенева. Тарту, 2014. 150 с.
32. **Павел Успенский.** Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. – 1917 г.). Тарту, 2014. 214 с.
33. **Константин Поливанов.** «Доктор Живаго» как исторический роман. Тарту, 2015. 262 с.
34. **Сирье Купп-Сазонов.** О роли грамматики в переводе (на материале временных форм глагола в русском и эстонском языках). Тарту, 2015. 246 с.
35. **Андрей Федотов.** Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Тарту, 2016. 178 с.
36. **Кристина Сарычева.** Восприятие Ф. И. Тютчева и А. А. Фета в русской литературной критике 1870-х –1900-х гг. Тарту, 2016. 173 с.
37. **Алисия Чекада.** Теоретические основы составления двуязычного словаря: на примере польского и эстонского языков. Тарту, 2017. 131 с.
38. **Артем Шеля.** «Русская песня» в литературе 1800–1840-х гг. Тарту, 2018. 268 с.
39. **Александра Чабан.** Н. С. Гумилев — критик поэтов-символистов: динамика оценок и эволюция критического языка. Тарту, 2018. 183 с.

40. **Елена Вельман-Омелина.** Эстонско-русский перевод и развитие современной официально-деловой коммуникации: теоретический и практический аспекты. Тарту, 2018. 192 с.
41. **Ксения Филимонова.** Эволюция эстетических взглядов в. Шаламова и русский литературный процесс 1950-х–70-х годов. Тарту, 2020. 159 с.
42. **Карина Новашевская.** А. А. Шаховской — идеолог русского национального театра. Тарту, 2020. 251 с.
43. **Анна Герасимова.** Проблема реального рецепиента художественного текста: анализ современных читательских практик. Тарту, 2020. 199 с.
44. **Алексей Козлов.** Литературная репутация писателя-беллетриста: Н. Д. Ахшарумов в 1850–1880-е годы. Тарту, 2021. 242 с.
45. **Лариса Муковская.** Выражение количественности в имени в русском и эстонском языках. Тарту, 2021. 184 с.
46. **Александра Пахомова.** Писательская стратегия и литературная репутация М. А. Кузмина в раннесоветский период (1917–1924 гг.). Тарту, 2021. 288 с.
47. **Мария Нестеренко.** Проблема женского литературного творчества в России в первой трети XIX в. Случай А. П. Буниной. Тарту, 2021. 218 с.
48. **Андрей Соловьев.** Проблема «Россия и Европа» в русских литературных путешествиях (Фонвизин – Карамзин – Достоевский). Тарту, 2022. 246 с.
49. **Екатерина Ящук.** Творчество Михаила Загоскина в процессе формирования русской национальной идеологии. Тарту, 2022. 190 с.
50. **Алексей Самарин.** Литературная позиция и творчество С. А. Ауслендера в 1906–1908 гг. Тарту, 2023. 284 с.
51. **Валерий Отяковский.** Микроистория сообщества формалистов: Кабинет современной литературы при ГИИИ (1927–1930). Тарту, 2024. 217 с.